

10.33 -
197

ლიტერატურა

გეოგრაფია

57 10335

11

1974

0835
1974

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно - политический /
журнал*

Орган Союза писателей Грузии

11

ЯНВАРЬ

19 Издательство ЦК КП Грузии 74

100.115

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 1

იანვარი, 1974 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწიგნობართა კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДЗЕ

(заместитель редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

18-й

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 38008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка (редактор
Коринтэли К. Н.) — 93-31-43

Отдел поэзии и искусства (редактор
Зипина В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор Добродеева Л. Т.) — 93-65-19

Рукописи объемов менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Двораковская Н. Д.

Содержание:

ПО КОМПАСУ ЛЕНИНИЗМА	5
К НОВЫМ ТВОРЧЕСКИМ ПОБЕДАМ!	7

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР ШЛЕНСКИЙ. Начало лета	13
ЮРИЙ УВАРОВ. Возвращение. «Прости меня — кричать не научился...»	13
ТАТЬЯНА БЕК. «Эх, не малина — снег да глина...». «От косынки до маминых бот...»	14
ВЕРА ГРЕШИЛОВА. «Куют мечи, а кузница...»	14
ОНЕ БАЛЮКОНИТЕ. Летящее озеро. Перевод Татьяны Бек	14
ЗИНА СОЛОМНИШВИЛИ. Сельская улица. «Мне пряди солнце золотило...». Перевод Татьяны Бек.	15
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВ. Вера	15
МИРПУЛАТ МИРЗАЕВ. Ураган. Перевод Н. Бондаренко	15
ЧИНГИЗ АЛИ-ОГЛЫ. Вечное утро. Перевод Валентина Проталина	16
АЛЕКСАНДР ВАСЮТКОВ. Суздальская сказка	16

ПРОЗА

ЛАДО МРЕЛАШВЛИ. Кабахи. Роман. Авторизованный перевод Элисбара Ананиашвили	17
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Собака. Рассказ. Перевод Зуроба Ахвледиани	27

ОЧЕРК

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Тквиавские были	35
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОГРАММА — В ДЕЙСТВИИ	43
КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Неповторимость — прежде всего. (К итогам VII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов.)	11
ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. О прошлом для настоящего	45
НУГЗАР ЦЕРЕТЕЛИ. Глазами современника	65
ГЕНРИХ МИТИН. Поворот на 180°	67

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ГИВИ ГАЧЧИЛАДЗЕ. Дорога в никуда	71
ВЛАДИМИР ПОТАПОВ. «Я очень продуктивно ра- ботаю...»	74

Трибуна писателя

ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. О подсудности судей	78
--	----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Дело жизни. (К 70-летию Б. Жгенти)	83
Поздравления юбиляру	87

В МИРЕ КНИГ

ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Очаг грузинской культуры в Болгарии	91
СВЕТЛАНА АРРО. Первая книга	94

По компасу ленинизма

21 января 1924-го—21 января 1974-го... Пятьдесят лет... Полвека, каждое мгновение которого насыщено великим смыслом, озарено необычным светом... Полвека в жизни Советского государства, первого в мире государства свободного народа... С того самого января Коммунистическая партия, созданная и выпестованная Владимиром Ильичом, идейно вооруженная его учением—ленинизмом, уверенно и неуклонно ведет Страну Советов по никем нехоженной дороге—дороге к Коммунизму.

Пятьдесят лет для истории—недолгий срок, но изменения, происшедшие за этот срок в жизни страны и народа, во всем мире поистине грандиозны.

Через все трудности мы шли несокрушимые в своем стремлении и в своей вере, мы брали тяжелейшие рубежи, мы боролись и побеждали и строили свой прекрасный социалистический мир. И сегодня Советский Союз, величайшая держава мира, еще не так давно бывшая единственной страной социализма, возглавляет могучий лагерь стран социалистического содружества.

Залог этих побед—в верности идеям ленинизма, заветам Ильича, которые и определяют всю внешнюю и внутреннюю политику Коммунистической партии и Советского правительства.

Краеугольным камнем для возведения здания социализма Ленин считал мир. И первым законодательным актом Советской власти был Декрет о мире, написанный Ильичем в историческую ночь с 7 на 8 ноября 1917 года. Мы верны этому завету Ильича.

Ленинские принципы внешней политики, творчески развитые применительно к современным условиям, нашли свое воплощение в решениях XXIV съезда КПСС, в принятой им Программе мира.

«Выдвигая эту Программу,—сказал Л. И. Брежнев на Международном конгрессе миролюбивых сил в Москве,—мы видели свою задачу в том, чтобы содействовать ликвидации очагов напряженности, помочь человечеству избавиться от нависшей над ним угрозы термоядерной катастрофы, всемерно способствовать разрядке напряженности. И во имя этих благородных целей, для блага всего трудящегося человечества мы работаем и будем работать не покладая рук!»

Большие успехи, достигнутые Советским Союзом в этой благороднейшей и сложнейшей работе, очевидны: они радуют каждого истинного гражданина СССР, каждого здравомыслящего человека. Результат—поездки Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США, Францию, ФРГ и переговоры на высшем уровне, завершившиеся подписанием таких важнейших исторических документов, как

Основы взаимоотношений между СССР и США, как бессрочное Соглашение о предотвращении ядерной войны, соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, состоявшаяся в 1973 года встреча руководителей братских партий в Крыму, укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между СССР и Италией, СССР и Индией, СССР и Афганистаном, СССР и скандинавскими странами, развитие добрососедских отношений с Турцией, Ираном, Японией.

Победой сил мира и социализма явились и прекращение огня во Вьетнаме, и начавшаяся нормализация отношений между Индией, Пакистаном, Республикой Бангладеш. Сегодняшняя политическая обстановка способствует расширению масштабов международного экономического, научно-технического, культурного сотрудничества, что прямым путем служит делу прогресса человечества.

Однако до полного торжества мира во всем мире остается преодолеть еще не один рубеж. Пока не завершена борьба за утверждение справедливого прочного мира на Ближнем Востоке, не окончательно утверждены мир и безопасность в Азии, длится разгул военной хунты в Чили.

О воплощении ленинских идей в повседневную трудовую, экономическую, культурную жизнь нашего народа свидетельствует самоотверженный труд рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции, братство и дружба всех народов многонационального Советского государства.

Все проблемы внутренней жизни нашей страны Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство решают, постоянно сверяясь с компасом ленинизма. Потому успешна наша борьба за создание материально-технической базы и высокой духовной культуры коммунистического общества.

Все глубже овладевают массами животворные идеи ленинского учения. Все шире становится пропаганда ленинского идейного наследия среди народных масс, все интенсивнее его изучение. В этом — наша сила.

Мы только что проводили 73-й и встретили 74-й — предпоследний год девятой пятилетки. Мы пришли к этой встрече с огромными трудовыми успехами. На 7,3 процента увеличился объем промышленной продукции при годовом задании 5,8 процента. Хлеборобы, выиграв всенародную битву за хлеб, засыпали в закрома государства более 90 млн. тонн хлеба!

Велики достижения наших ученых, служащие делу прогресса и строительства коммунизма.

Трудовые и научно-технические успехи народа — это верный путь к повышению народного благосостояния, «а это партия считает своей главной задачей», — как подчеркивает в новогоднем поздравлении нашему народу Л. И. Брежнев.

Не останавливаться на достигнутом, идти вперед, жить и работать по-ленински — вот наш девиз, наш лозунг, с которым мы строим и будем строить светлое коммунистическое «завтра»!

К НОВЫМ ТВОРЧЕСКИМ ПОБЕДАМ!

ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ ГОРЯЧО ОДОБРЯЮТ ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС К ПАРТИИ, К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу вызвало в нашей республике, как и везде в Советском Союзе, исключительно высокий политический и трудовой подъем. Этот важнейший политический документ является подлинно боевой программой Коммунистической партии по мобилизации трудящихся страны социализма на борьбу за успешное выполнение заданий четвертого, определяющего года девятой пятилетки.

В Обращении глубоко научно обоснованы новые задачи экономического, социального и культурного строительства в нашей стране, определены пути достижения новых трудовых успехов в развернутом коммунистическом строительстве, указаны пути претворения в жизнь решений декабрьского Пленума ЦК КПСС и выводов речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на этом пленуме.

Третий, решающий год девятой пятилетки был ознаменован значительными достижениями трудящихся Грузии в осуществлении мероприятий по улучшению партийного руководства народным хозяйством, повышению партийной и государственной дисциплины, ответственности кадров, улучшению идеологической работы, искоренению некоторых антиобщественных явлений, восстановлению ленинских норм и принципов партийной жизни, оздоровлению климата во всех сферах общественно-политической жизни республики.

Подчеркивая важнейшее значение Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу, Бюро Центрального Комитета Компартии Грузии приняло специальное постановление «О задачах организаторской и политической работы партийных организаций Грузии в связи с Обращением Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу». В этом постановлении намечается боевая программа реализации задач, намеченных в Обращении ЦК КПСС.

В постановлении ЦК Компартии Грузии говорится: «...Развернуть широкую разъяснительную и массово-политическую работу по доведению до каждого коммуниста, всех трудящихся конкретных положений и мобилизующей силы Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. С этой целью:

— в полной мере использовать все средства массовой агитации, все формы устной и печатной пропаганды, прессу, радио, телевидение, повсеместно обновить средства наглядной агитации, обогатив их материалами Обращения ЦК КПСС;

— наметить и осуществить конкретные мероприятия по идеологическому обеспечению выполнения указаний партии по всем отраслям экономики и культуры, усилению политической и идейно-воспитательной работы, преодолению отрыва политической работы от конкретных задач коммунистического строительства».

Большие задачи выдвигаются перед первичными партийными организациями, которые, как говорится в постановлении Бюро ЦК КП Грузии, должны «возглавить борьбу трудовых коллективов за успешное решение задач, поставленных

в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу мобилизовать всех коммунистов, тружеников города и деревни на претворение в жизнь заданий 1974 года, полное использование накопленного опыта работы, совершенствовать формы партийно-организационной и партийно-политической работы; особое внимание уделить вопросам укрепления партийной, государственной, трудовой и производственной дисциплины».

Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу нашло горячий отклик в сердцах всех тружеников Советской Грузии. Рабочие, колхозники, деятели науки и культуры берут новые, повышенные обязательства, заявляют о своем горячем желании самоотверженно трудиться на благо социалистической Отчизны. «Центральный Комитет Коммунистической партии Грузии, — сказано в постановлении Бюро ЦК КП Грузии, — выражает уверенность в том, что рабочие, колхозники, представители интеллигенции республики в ответ на Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, верные ленинскому курсу родной Коммунистической партии, умножат свой трудовой вклад в борьбу за достойное выполнение решений XXIV съезда КПСС, заданий четвертого, определяющего года девятой пятилетки».

Обращение ЦК КПСС — в центре внимания общественной и политической жизни всей нашей страны. Повсеместно в нашей республике намечаются конкретные мероприятия, направленные на скорейшую реализацию задач, поставленных в этом важнейшем документе. Рассмотрению этих конкретных мер, способствующих новому творческому подъему, был посвящен и большой митинг писателей Грузии, сотрудников редакций и издательств, который состоялся в клубе Союза писателей Грузии 4 января.

Митинг открыл председатель Союза писателей Грузии Григол Абашидзе. Он сказал: — С чувством большого удовлетворения восприняли грузинские писатели и творческая интеллигенция Грузии, как и весь грузинский народ, Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу. В этом поистине волнующем документе дана высокая оценка труда строителей коммунистического общества в минувшем, 1973 году и новые программные установки на четвертый, определяющий год девятой пятилетки. На нас, деятелей многонациональной советской литературы, самой передовой и кровно связанной с народом, возлагаются ответственные задачи по созданию художественных произведений, которые достойно отобразят титаническую борьбу советского народа, героические будни наших замечательных современников. Мы должны на конкретных художественных примерах воспитывать наших читателей в духе интернационализма, беззаветной преданности социалистической Отчизне и высоким идеалам советской культуры. Мы должны внести свой вклад в общенародное дело и достойно ответить на Обращение ЦК КПСС.

Секретарь партийного бюро СП Грузии поэт Морис Поцхишвили ознакомил собравшихся с Обращением ЦК КПСС к партии, к советскому народу.

Выступивший затем известный грузинский поэт Иосиф Нонешвили сказал: — Сегодня у нас большой и торжественный день. На всех предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах, в научных и культурных центрах Грузии проводятся митинги, на которых труженики республики горячо, взволнованно и заинтересованно обсуждают Обращение нашей родной партии. Прошедший год принес нам большие успехи на международной арене, укрепление авторитета нашего социалистического государства. Благодаря миролюбивой ленинской политике, которую так твердо и неуклонно проводит Центральный Комитет нашей партии во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым, народы всей Земли увереннее смотрят в завтрашний день. Мы, грузинские советские писатели, должны приложить все усилия, чтобы достойно отобразить великие будни нашей страны, замечательный подвиг героического советского народа. И нет никакого сомнения, что эта задача с честью будет выполнена.

На митинге выступили также секретарь Союза писателей Грузии прозаик Нодар Думбадзе, главный редактор журнала «Цискари» поэт Джансуг Чаркваниани, поэт Вахтанг Горганели. Все они говорили о необходимости улучшить творческую работу, смелее браться за решение актуальных проблем и вопросов, глубже вникать в современную жизнь, чтобы в подлинно высокохудожественных произведениях достойно отобразить нашу великую социалистическую действительность.

В связи с Обращением Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в редакцию поступили взволнованные письма, некоторые из которых мы приводим ниже.

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ!

Весь советский народ с огромной радостью и воодушевлением встретил Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

Не впервые партия обращается к своим сынам, и всегда на ее смелый зов незамедлительно и со всем пылом души откликнулись миллионы советских тружеников. Так произошло и на этот раз.

Обращение ЦК КПСС является пламенным призывом к новым дерзновенным атакам, к новому планомерному и грандиозному наступлению по пути экономического и культурного прогресса.

Нет сомнения в том, что новый всенародный подъем, новая волна энтузиазма помогут внести весомый вклад в достойное завершение четвертого, определяющего года девятой пятилетки.

Грузинская советская литература сделала немало для мобилизации тружеников республики на претворение в жизнь планов прошедшего, 1973 года, который явился переломным для народного хозяйства Грузии, для всего стиля ее партийно-организационной и административно-хозяйственной деятельности. Повысилась наша организованность, возросло чувство ответственности, масштабнее и продуманнее стала наша повседневная работа. Но задач от этого не стало меньше. И советские писатели обязаны помочь родной партии в их решении.

Отрадно, что грузинские писатели еще более заинтересованно, еще более энергично взялись за отображение героических будней девятой пятилетки. Большой отряд поэтов, прозаиков, очеркистов уже двинулся на стройки 1974 года. И нет сомнения в том, что это непосредственное общение с будущими героями их книг поможет полнее и шире отобразить героические дела наших современников.

Мы верим, что грузинские писатели — славный отряд советской творческой интеллигенции — достойно выполнят возложенную на них почетнейшую задачу.

Григол АБАШИДЗЕ,
председатель Союза писателей Грузии

НА БЛАГО НАРОДА

Мне 86 лет, и естественно, в моей памяти запечатлелось много незабываемых событий. И одно из них — Обращение нашего великого коллективного кормчего — ЦК КПСС к партии и советскому народу.

Я с большим удовлетворением прочел это Обращение. Как в сердцах всех советских людей, и во мне оно вызвало чувство гордости. Это — документ исторического значения, который нацеливает нас на борьбу за счастье народов, за мощь и процветание нашей Родины.

Обращение Центрального Комитета КПСС трудящиеся нашей многонациональной страны восприняли как боевую программу, призывающую всех коммунистов, всех советских людей работать еще лучше, множить изобилие, создавать материальные и духовные ценности на благо советского человека.

По радио и телевидению я узнаю о том, с каким огромным воодушевлением встретили трудящиеся нашей республики Обращение ЦК КПСС. На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учреждениях и на стройках, повсюду, на всех участках народного хозяйства и культуры внимательно изучается этот документ исторического значения.

Наши труженики, горячо одобряя Обращение ЦК КПСС, берут на себя высокие обязательства по досрочному выполнению и перевыполнению планов четвертого, определяющего года пятилетки.

И сегодня грузинские писатели должны трудиться в полном единении с нашим героическим народом, чтобы создавать такие высокохудожественные произведения, в которых получают отображение трудовой подвиг советского народа, его славные героические дела. Этим мы поможем решению задач, поставленных перед страной в четвертом, определяющем году девятой пятилетки.

Я не сомневаюсь в том, что наш народ с честью справится со всеми трудностями и будет рапортовать Центральному Комитету КПСС об успешном завершении 1974 года.

Сандро ШАНШАШВИЛИ,
писатель

ВСЕ КАК ОДИН

«Каждую минуту — на службу определяющему году пятилетки» — таков сегодня девиз ученого и металлурга, чабана и строителя, писателя и виноградаря... Все как один мы охвачены боевым стремлением еще теснее сплотиться вокруг нашей партии для достижения новых трудовых и творческих побед.

Выполнение и перевыполнение плана 1974 года приобретает определяющее значение не только для успешного завершения девятой пятилетки, оно становится важнейшим стимулом для дальнейшего роста экономического потенциала будущей пятилетки, создания прочного фундамента материального благосостояния и повышения культурного уровня народа.

Труд становится все более радостным. Мы глубоко верим, что никто не будет падать своих сил, энергии, таланта, знаний, возможностей и опыта для решения задач, поставленных партией. Огромное значение приобретает в этой связи создание атмосферы сознательного, честного творческого труда.

Человек должен быть связан с человеком ясным отношением к труду — вот наша цель. Ведь писатель всегда является добрым посредником между людьми. Он неизменно воспекает любовь, братство и дружбу, вновь и вновь счастье Родины.

«Грузинские писатели — в ногу с пятилеткой» — отвечаем мы на призыв партии и в настоящем году. Грузинские писатели призваны в ярких высокохудожественных образах отображать повседневную трудовую жизнь республики, деятельность героев девятой пятилетки, духовные устремления и цели простых тружеников, способствуя тем самым свершению новых трудовых подвигов нашими современниками.

На призыв партии грузинский писатель ответит лишь делом.

Морис ПОЦХИШВИЛИ,
поэт, секретарь партийного бюро писателей Грузии

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С ПЯТИЛЕТКОЙ

В Обращении Центрального Комитета КПСС отмечается не только блестящая победа рабочих и колхозного крестьянства нашей страны, но и значительные успехи советской интеллигенции. В них определенная доля принадлежит и советским писателям.

Грузинская литература с присущей ей пылкостью взялась за выполнение задач, поставленных партией в девятой пятилетке. Писатели повседневно находились на крупных производственных объектах, колхозных полях, пастбищах, общались с учащейся молодежью. Это помогло им вскрыть и осветить многие наблевшие проблемы в жизни нашей республики. Было написано множество новых стихотворений, очерков и повестей.

Следует приветствовать серии маленьких сборников новых стихотворений и очерков — «Грузинские писатели плечом к плечу с пятилеткой», издание которых начато издательством Союза писателей Грузии «Мерани». Эти книги, безусловно, займут значительное место на книжных полках грузинских читателей.

Меня очень радуют трудовые успехи родного народа. В этом году в моих личных творческих планах займет большое место художественное отображение трудовой деятельности нашего народа.

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ,
писатель

НЕПОВТОРИМОСТЬ — ПРЕЖДЕ ВСЕГО

საქართველოს
საბჭოთაო კავშირი

Кутаиси, город Акакия Церетели, Владимира Маяковского и Галактиона Табидзе, трудно удивить поэтическими именами. В начале века его избрали своей столицей грузинские символисты. В памяти местных старожилков еще живут воспоминания об их шумных вечерах... Новой вехой в истории поэтического Кутаиси явились ноябрьские дни минувшего года. Сюда переместился центр молодой советской поэзии, в течение десяти дней здесь проходили школу художественного мастерства свыше сорока поэтов — представители всех братских республик.

Проведение VII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов, посвященного 80-летию со дня рождения Владимира Маяковского, в Кутаиси было обусловлено, видимо, не только тем, что Маяковский родился в Грузии. В этом сказались уважение к многовековой грузинской поэтической культуре и своеобразная признательность к краю, природа и люди которого вдохновляли многие поколения поэтов. Символично, что фестивальные дни начались сразу же вслед за юбилеями Маяковского и Галактиона Табидзе. Два титана советской поэзии как бы наупустовали молодую поросль.

Фестиваль, девиз которого «Традиции Маяковского — молодой советской поэзии», проводился по инициативе ЦК ВЛКСМ и Союза писателей СССР. Он был призван способствовать взаимному сближению и творческому росту молодых поэтов.

Форумом поэзии руководили известные писатели, поэты, критики. Совместная работа начинающих и признанных литераторов полезна не только молодым. Воплощенное в оригинальные образы, поэтическое видение молодых, со своей стороны, дает повод для серьезных раздумий о тех подспудных тенденциях, которые в нашей литературе постепенно приобретают свои осязаемые очертания. Что скрывать, в последнее время вызывало законную озабоченность редкое появление ярких поэтических имен и неприметность нового поэтического поколения. Хотя восемь участников предыдущих фестивалей — киргизка Майрамкам Абылкасымова, туркмен Аннаберды Агабаев, узбек Абдулла Арипов, грузин Реваз Амашукели, казах Мухтар Шаханов, киргиз Турар Кожомбердиев, украинец Микола Сынгаевский, армянин Арамаис Саакян, стали лауреатами всесоюзных и республиканских премий Ленинского комсомола, тем не менее судьба будущей смены все же вызывала некоторую тревогу. На первый взгляд, могло показаться, что молодые поэты предпочли идти путями, проторенными предшествующим поколением 60-х годов, поправ под его магическое влияние. Они с опозданием повторили (и повторяют) уже знакомую интонацию, темы и образы, потерявшие в этом втором рождении свою целенаправленность и значимость. Они не нашли своего слова — единственно нужного и верного. И мне кажется, это и послужило причиной того, что молодые поэты так и не смогли оформиться в поэтическое поколение.

Но сегодня уже можно говорить об успешных (хотя и отдельных) попытках преодоления этой инерции поэтического мышления. Доказательством тому — лучшие стихотворения, зачитанные на семинарах фестиваля.

Непринужденная, дружеская атмосфера, дарившая на них, не мешала принципиальному, прямому, справедливому разговору. Пожалуй, это единственно верный путь к выявлению и шлифовке таланта. На семинарах выявилось многообразие интересов наших молодых поэтов. Это и понятно: молодой человек, а в особенности поэт, ищет свое собственное отношение к каждому значительному явлению жизни. Поэзия не существует без поиска. Гражданская или интимная лирика, медитация или пейзаж — все это, являясь выражением восприятия мира поэта, должно нести в себе интерес всеобщей значимости.

Читатель любой эпохи подсознательно или вполне осознанно именно этого требовал от поэзии. И в этом своем желании он остался на редкость консервативным. Художник, особенно молодой, видимо, всегда должен помнить, что неутолимая жажда познания не должна ограничиваться мелкотемьем, мир поэтического «я» — выражением только лишь конкретной судьбы, стремление к интернационализму не должно приводить к стиранию национального своеобразия, преклонение перед учителями — к эпигонству и, наконец, мудрое спокойствие — к расслабленности.

Подобные мысли возникли у меня на семинарах, где мы столкнулись с некоторым инфантилизмом молодых в отношении этих принципов, следствием чего, как правило, были бесцветные рифмованные стихи или безликие верлибры.

Между прочим, в последнее время часто и с излишней горячностью противопоставляют друг другу эти две поэтические формы. Наверное, это бесполезный спор. У истинного поэта мысль всегда находит свое единственное и неповторимое словесное выражение, будь то верлибр или классический ямб.

Достаточно внимание на семинарах было уделено проблеме художественной формы, соответствия формы и содержания, поэтического вкуса. Кстати, вкус не существует вне большой интеллектуальной культуры. Одной лишь даровитостью вряд ли многого достигнешь. Уже знакомые образы и интонация в стихах молодых поэтов вызывают порой чрезмерные опасения. Но в этом нет ничего тревожного. Достаточно вспомнить раннего Пастернака или Галактиона Табидзе. Главным в их поэтическом дебюте были не примелькавшиеся образы, а те новые и исключительно самобытные штрихи, которые позднее очертили поэтические профили обоих поэтов.

Молодой поэт должен увидеть, утвердить в себе эти пусть слабые, но неповторимые ростки, высвободиться от всего наносного. Вот когда нужен ему осторожный и добрый совет критика, ненавязчивая, но верная рука помощи. Руководители семинаров следовали именно этим принципам. Хотя надо отметить, что в этой своей работе они натолкнулись на определенные трудности, возникшие из-за непрофессиональных переводов и подстрочников и из-за того, что руководители семинаров не смогли полностью предварительно ознакомиться с подлежащими анализу стихами.

И все-таки можно утверждать, что молодые поэты владеют формой, в стихах, прочитанных на национальных языках, заметно острое ощущение мелодики и ритма. Видимо, здесь проявилась черта, присущая всей современной советской поэзии: техника стиха в настоящее время необычайно усовершенствовалась. Это отрадное явление имеет и свою оборотную сторону — совершенная техника стиха, когда нет ни оригинального чувства, ни образов, ни мыслей, может ввести в заблуждение читателя. Как говорил Галактион «Посмотришь, будто стих — да нет стиха».

У молодых поэтов, которые были представлены на фестивале, пока еще нет той своей определенной позиции, той общности взглядов, которая дала бы нам возможность говорить о них как о поэтическом поколении. Это пока лишь возрастная, а не творческая общность интересных и разных имен.

Вызывает беспокойство тот инфантилизм, которым были отмечены стихи некоторых поэтов. Трудно представить, но это безразличие проявляется иногда даже в освещении актуальной поэтической темы. Мало выбрать тему, главное — выразить свое, сугубо личное, неповторимое и вместе с тем общественно значимое отношение к этой теме. С этого начинается поэзия.

Возможно, я преувеличиваю, однако у меня создалось такое впечатление, что иных поэтов ничто не тревожит, кроме проблемы «куда бы пристроить свои стихи». Думаю, для всех участников нашего фестиваля должны послужить примером серьезного отношения к Поэзии и к своему Таланту стихи Оне Балюконице, Татьяны Бек, Зины Соломнишвили, Чингиза Али-оглы, Александра Васюткова, Юрия Уварова — поэтов, разительно отличающихся друг от друга. Но общее, что их объединяет, это острое, неповторимое, пристрастное восприятие мира, благородное чувство причастности ко всему, что происходит вокруг них. Все это выражено изысканной речью поэтов, продолжающих большие традиции национальной художественной культуры. Они смотрят в небо, но стоят на земле.

Я уверен, что поэты, выступавшие на наших семинарах, в скором времени проявят свой творческий потенциал, и, наверное, тогда уже можно будет говорить о поэтическом поколении 70-х годов.

В этом номере журнала мы предлагаем читателям стихи участников VII Всесоюзного фестиваля молодых поэтов.

Запомните их имена!

Коба ИМЕДАШВИЛИ

Начало лета

Останови начало лета.
Скорей, прошу тебя, скорей,
Хочу я нынче сделать слепок
С еще незапыленных дней.

Останови дождей паденье.
Пусть капли в воздухе висят.
Хочу увидеть их отдельно,
Как дом,
Как птиц,
Как листопад...

Реки извилистая лента.
Вода прозрачна: вижу дно.
Останови начало лета
Хоть на мгновение одно...

Юрий УВАРОВ
(Горький)

Возвращение

Осень,
Светлейшая осень.
И снова
Желтые блики листвы во дворе.
Вот и упало иголкой сосновой
Лето
И сгнуло в пыльной траве.
Воспоминаний холодные пальцы
Поздний сентябрь мне на губы
кладет.

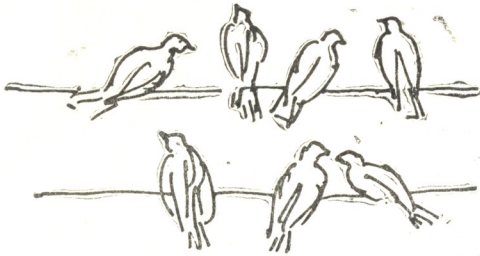
Не разучился еще удивляться
Речке, оправленной в тоненький лед,
Лесу пустому, знакомому с детства,
Гулкой опушке в огне бузины...
Дай мне хотя бы теперь
наглядеться,
Дай постоять на пороге зимы.

* * *

Прости меня — кричать не
научился.
Негромко, даже тихо говорю.
Опять метель за стеклами
бесчинствует
И не дает покоя февралю.
Вчера сломало ветром старый
тополь,
С утра напился старичок-сосед

И шел мне про березоньку, что во поле...
Про тополь, видно, русских песен нет.
Мы с ним сидели целый день до вечера.
Мерцала печь, и тикали часы...
Прекрасно сочетание русской речи
С метелью среднерусской полосы.

Татьяна БЕК
(Москва)

* * *

Эх, не малина — снег да глина,
Да электричек пересвист,
Да птичий свист, да жухлый лист,
И начинается ангина!

И начинается весна
С того, что оживают рощи.
Измучены, черны и тощи,
Шумят — ни отдыха, ни сна.

Хлопот у рощи полон рот,
И грач орет, и воздух звонок...
Душа моя, как медвежонок,
Глаза в берлоге продерет!

* * *

От косынки до мамных бот
Я — какая-то злая старуха.
Сердце бьется, как рыба об лед,
Безутешно, нервно и глухо.

Ничего — проживу —
не впервой...
Даже улица пахнет вокзалом:
Чемоданами, пеной пивной,
Паровозным гудком запоздалым.

Я опять не о том говорю.
Я твой город замажу на карте!
Ничего — заживет к январю...
Только снова измучает в марте.

Вера ГРЕШИЛОВА
(Чита)

* * *

Куют мечи, а кузница,
отзывчивая, гулкая,
Тяжелым звоном вызвенит, как
колокольня русская,
А кузнецы плечистые, веселые,
речистые
Вбивают душу жаркую в
дымящийся металл,

Да так поверхность выстудят, что
замерзает иссиня.
Но будет! Время вызреет!
Взлетят мечи, закружатся,
Проглянет сердцевинушка,
кипящая в мече.
Холодное оружие
Бывает ли вообще?

Оне БАЛЮКОНИТЕ
(Литва)

Летящее озеро

Над городами спящими
Летит неслышно озеро,
Над селами, над чащами
Свой излучает свет.

Оно, как ты ни кличь его,
Промчится безымянное.

И вскрикнет громче птичьего
Душа земли, устав.

Мучение бездонное —
Так верить в это озеро,
Что, ветром унесенное,
Твой не услышит зов...

Перевод Татьяны БЕК.

Сельская улица

Вишни меня белым смехом
заносят,
Взгляды впиваются в плечи, как
жала...
Полтру улица выглянуть просит.
Солнце!
Твой рог осушать я
устала.
Кровь сумасбродит моя и
вскинает.
Тополем к небу взрываю.
О, боже,
Верно, сгорю!
Как тепло мне кивает,
С нежностью странной — этот
прохожий...

Мне пряди
солнце
золотило.
Ношу из вишен ожерелье.
Любовь меня дождем омыла

В траве, хмельной от синей трели!
Земли и неба пульс неровен,
Свистящих пуль ужасно пенье...
Как плот из разможенных бревен,
На сердце трепетном — терпенье.

Перевод Татьяны БЕК

Алексей МИХАЙЛОВ
(Якутия)

Вера

Крепко верю в ружье —
Метко бьет оно влет.
Верю в древний хомус —
Он о счастье поет.
Верю в жаркий костер —
Полыханье огня,
Утешая в ночи,
Согревает меня.
Крепко верю в Чолбон,
Голубую звезду:
Лишь на небо взгляну
И дорогу найду.
Верю карим глазам

Любимой моей,
С нею жизнь моя
беспокойней,
родней.
Смутно верю в беду,
С нею счастье
острей.
Твердо верю плечам
Синеглазых парней.
Верю в знамя отцов,
Век ему пламенеть,
С этим знаменем мне
На земле жить и петь.

Мирпулат МИРЗАЕВ
(Узбекистан)

Ураган

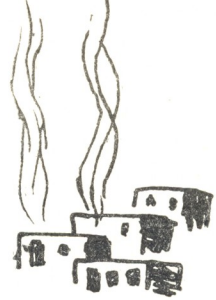
Он налетел, как сильный, хищный
зверь,
Бросался в окна, колотил по
крыше...
Но ни одна не отворилась дверь,
Как будто зов его никто не
слышал.
Он словно сбился с нужного пути
И в чем-то признавался
сокровенном,

Затихнет вдруг, запросится:
— Пусти — и — и...
И с новой силой сотрясает стены.
Всю ночь в поселке бесновался
вой,
И плакала с дождем листва
живая...
Но так никто и не пустил его —
Недоброму дверей не открывают.

Перевод Н. БОНДАРЕНКО

Чингиз АЛИ-ОГЛЫ
(Азербайджан)

Вечное утро

Под голубым
могучим древом ветра
с подвижною листвою облаков,
как караван верблюдов, дремлют
горы
и снова в путь подняться не
спешат.

Уснули и не слышат,
как девчонкой
бежит по склону горная речушка
и оглашает смехом озорным
безмолвное и древнее ущелье.
На пастбище мычат самодовольно,
быки, вздымая черные бока,
Табун молодняка

резвится рядом...
Над кишлаком повисла струйка
дыма,
Как будто бы еще один росток
Под деревом.
Наверно, это мама
взялась печь хлеб,
душистый, слаще меда.
Таким встречают гостя и друзей...
Здесь я родился.
Здесь я встречу смерть,
И вечно голубое древо ветра
с подвижною листвою облаков
Над караваном гор качаться
будет.

Перевод Валентина ПРОТАЛИНА

Александр ВАСЮТКОВ
(Москва)

Суздальская сказка

Казнили мастера на площади.
Обросшего,
седого,
тощего.
Какую церковь загубил!
Все сам!
По-своему лепил!
Он пригибал потешно голову.
Он истерично хохотал.
Сквозь дыры
на лопатках голых
Пот, словно бисер, проступал.
Веревки грубые, мужицкие
Ножом по бархату прошлись.
Юродствовали плечи жидкие,
Кривились, мучались, тряслись.
Казнили мастера на площади...
Шарахались в испуге лошади,
Косили, черной кровью прели,
Задами бились у ветлы,
И красные рубахи реяли,
Как будто красные орлы.
А сверху,
синевою адовой
Все больше распаяя страсть,

Пронзительное небо падало
И не могло никак упасть!
Казнили мастера на площади!
Убить — чего, казалось, проще
бы?
Палач готов. Топор готов.
Толпа разглядывать устала...
Но вдруг над миром церковь
встала!
Она, как лебедь, выплывала,
Горя короной куполов.
Она —
та самая была,
Что в келью к мастеру взойшла,
Ошеломила,
ослепила...
Она —
та самая была!
Была щемящей песнью русской.
Был прост, как звон, ее мотив.
И подмастерья безусые
Глядели,
шапки заломив...

КАБАХИ

Р о м а н

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нико сидел у окна, уставившись неподвижным взглядом на свой обращенный в развалины гараж. Куски кирпича, цемента, дерева и железа были перемешаны как попало. Страшная сила взрыва разломила «Победу» надвое. Нагроможденная посреди двора бесформенная куча была засыпана сверху обломанными сучьями сливового дерева. Забор, примыкавший к гаражу, рухнул — остался стоять лишь один дубовый кол с прибитой к нему поперечной доской. Под косыми тусклыми лучами заходящего солнца он производил впечатление одинокого креста на заброшенном кладбище.

Хлопнула калитка, кто-то вошел во двор. Словно опоздавший к смертному одру родич, остановился он возле искореженной машины и долго смотрел на нее, горестно покачивая головой. Потом схватил за хвост дохлую собаку, придавленную обломками кладки, и оттащил ее в сторону. Лениво, нехотя взлетел потревоженный рой золотисто-зеленых мух.

Человек с отвращением вынул из рук собачий хвост, отвернулся и отряхнул ладони одну об другую. Потом бросил хмурый взгляд на окно в верхнем этаже и стал подниматься по лестнице.

— Деньги я послал тебе утром, — Нико сидел неподвижно, подперев подбородок рукой, и цедил слова, едва разжимая толстые губы.

— Знаю. — Вошедший бросил шапку на стол и пододвинул скамейку, чтобы сесть.

Нико даже не взглянул на него.

Гость достал папиросу.

— Что-нибудь выяснил?

— Нет.

— И время-то какое выбрали — под воскресенье!

— Чтоб я мог наслаждаться этим зрелищем в выходной.

— Подозреваешь кого-нибудь?

— Что в этом толку — не могу же я его повесить!

— Мне скажи — кто?

— Зачем? Я сам с ним управлюсь.

— Хоть бы пса выкинул — все вокруг провоняет.

— Не хочу врага радовать. Стемнеет — выброшу.

— Почему в милицию не сообщил?

— Они сразу приехали с самого утра. Георгий помчался за ними в Телав. С ищейкой были. Да чего искать — что потеряли? Так и уехали ни с чем, никаких концов не нашли... Милиция... На кой мне черт... Я сам себе и милиция, и закон.

- В какое время это случилось?
- Часа за два до рассвета.
- Странно — отчего собака чужого не почувяла?
- Сам диву даюсь. Если б еще подбросили взрывчатку издалека, крыли гараж, вошли. Динамит был подложен прямо под машину.
- А сам-то подлюга как уцелел?
- Ну, это дело простое: Поставь фитиль подлиннее, пока он догорит, за тридцать земель успеешь уйти.

Оба надолго смолкли — ушли каждый в свои мысли.

— Теперь и у меня дело разладится. Град не всюду лозы побил. Не сегодня-завтра закончится виноградный сбор. Как я обойдусь без машины?

Нико поднял голову, встал, походил по комнате, раздумывая. Потом остановился у окна, прислонившись затылком к раме, так что бранные останки машины оказались у него за спиной, и скрестил руки на груди.

— Только смерть непоправима. Пока сусло перебродит и станет вином, ты и машину достанешь... Сейчас я вот что тебе посоветую: ты из-за моего гаража не печалься. Это булавочный укол — а у меня в руке кинжал, наточенный от остря до рукоятки. А ты обделай свои дела, как я тебе говорил. Да поспедай. Как выишешься из Телави, сейчас же будешь включен в список жителей Чалиспири. Для Наскиды лопата уже наготове — останется только поддать ему под зад. Ты должен все устроить, пока он еще на месте. Если откажет — дай ему понять, что без этого дома не купишь. Наскида жаден. Сразу же пропишет тебя. А уж потом для того, кто придет на его место, ты не будешь новым человеком.

— Насчет дома я уже с ним договорился. И часть денег отдал вперед.

— Ну, так отдай и остальное и уезжай отсюда.

— Уезжай, говоришь? Куда, зачем? Дом надо еще достраивать... Я на тебя надеялся — материалов нет.

Нико взглянул на него с изумленным видом.

— Кто тебе сказал, что я раздаю стройматериалы направо и налево?

— Все в Чалиспири говорят, что ты построил какой-то старухе дом из материалов, запасенных для постройки клуба.

— Своих от чужих я и сейчас отличить умею, но для тебя было бы лучше, если бы в Чалиспири помалкивали об этой старухе и о том, из чего ей дом построили.

— Почему так?

— Твой вопрос не ответа требует, а сметки... Уберись отсюда, исчезни. Да поскорей. Не надо, чтобы ты мозолил людям глаза.

— Людям? Глаза? Да напротив, им бросится в глаза, если я, внезапно появившись, сразу же и исчезну. А кроме того, кукуруза еще не убрана.

— Вахтанг! — Нико сдвинул брови. — Сказано ведь: лучше поменьше, да послаще, а то ведь и оскомину можно набить... от жадности, — он медленно, тяжело подошел к столу, с грохотом выдвинул ящик. — С кукурузой управятся и без тебя. Материалу я дам тебе столько, сколько нужно на одну комнату. Остальные оставишь пока неотделанными.

— Пока Наскида сидит в райсовете, дом считается его. Моим он станет, только когда Наскида уйдет. А до тех пор здесь ко мне привыкнут.

— Я и не требую, чтобы ты сегодня же снимался с места. Сначала управься со всеми делами в сушилке. Действуй так, чтобы и волк не остался голодным, и овчарня не опустела. Дела должны быть в ажуре. Запомни хорошенько — ты должен уехать отсюда незапятнанным. А дом ты бы лучше поскорей на себя оформил. Может статься, Наскида вместе с председателем местом и его потеряет.

Во дворе опять хлопнула калитка. Потом на лестнице послышались шаги.

— Есть дома кто-нибудь? Нико, ты где?

— Входите! Кто там? Добро пожаловать.

В комнату вошел Ефрем, поздоровался.

— Садись, Ефрем.

— Расслаживаться у меня времени нет, Нико. Слушай, что это с твоим гаражом, почему он развалился?

— Садись. Фундамент оказался слабым.

— Надо было цементу не жалеть! Вот беда! И машину всю покорежило. Давить надо нынешних каменщиков! Кто строил?

У Вахтанга дрогнула челюсть.

— Ты по делу пришел?

— Осень на дворе. Нынче только у покойников дела нет.

— Тогда выкладывай, не тяни.

Ефрем обиделся.

94036940
01081101033

— А ты чего ввязываешься, не к тебе же я пришел! На свете так уж устроено — у каждого своя забота.

Нико подошел к окну, сказав мимоходом крестнику, чтобы тот оставил гостя в покое.

Вахтанг встал, взялся за шапку.

Нико обернулся не сразу.

— Что-нибудь еще?

— Купрача говорит...

— Купрача еще и рта не успеет раскрыть, как я уже наперед знаю, что он скажет.

Вахтанг повернулся с рассерженным видом, надел шапку и вышел.

— Ну, в чем дело, Ефрем, зачем пожаловал? Я уже сказал тебе — аванса больше не дам.

— Да не за авансом я. Обошелся и так.

— Везет тебе. Не помню, чтобы ты хоть раз остался в проигрыше.

— До сих пор и я такого случая не мог припомнить.

— Что же теперь стряслось?

— Обобрали мой виноградник — мной перекопанный, потом моим поли-
тый!

— Какой виноградник?

— Тот, что ты отобрал у Сабеды и мне списал.

— Чего тебе от меня-то нужно?

— Как это — чего? Коли дали, что ж было назад стбирать?

— Кто отобрал?

— А пес его знает! Этот ваш бригадир явился со всей своей шайкой, собрал виноград на участке у Сабеды и заодно прихватил те три ряда, что правление передало мне.

— Когда, сегодня?

— Сегодня.

— Какой же это бригадир?

— Кто же у вас в бригадирах? Реваз Енукашвили.

— Реваз? Что ему-то там понадобилось? Ты просто обозначился, наверно, это был Эрмана!

— Да нет, Реваз, сама Сабеда сказала... Так это правда, что его сняли?

— Он еще дешево отделался — с ворами и расхитителями у нас обычно не так поступают.

— Да ведь говорят, не подтвердилось насчет воровства.

— Кто тебе сказал?

— Все село говорит.

— А больше ничего село не говорит?

— Как же — говорит, будто бы сам председатель его вызволил. Нико, мол, спас Реваса.

— Правду говорят. Не мог я позволить одной вывалявшейся в грязи свинье перепачкать сотню людей. Я доброе имя деревни спасал!

— Что же ты, добрый человек, на мою беду его спас?! Поддержали бы его под арестом хоть до тех пор, пока я успел бы собрать виноград с моих трех рядов.

В дремучей чаще черных усов председателя мелькнуло некое подобие улыбки.

— Ну, теперь уже ничем не поможешь. Надо было заранее нам с тобой посоветоваться по этому вопросу.

— Чужая беда — под забором лебеда... Мне не до шуток, Нико.

— Говори, чего ты хочешь?

— Дал ты мне те три ряда?

— Дал.

— Так зачем же он пришел и собрал мой виноград?

— Знать не знаю!

— Вот напасть! А кто же знает?

— И этого я не знаю.

— Как же так — не знаешь? Сказал ты мне на правлении, что эти три ряда — мои?

— Сказал.

— Какие же они мои, если я работал, а урожай взял другой.

— Ты просил его прийти и собрать виноград?

— С чего бы я стал просить?

— То, что собрал, он тебе принес?

— Кабы принес, так я сюда бы не явился!

— Присвоение плодов чужого труда без разрешения хозяина называется воровством. Подавай на него жалобу.

- Жалобу? Куда?
- Куда следует.
- Кто мне поверит? Весь свет считает его святым.
- Поверят! Святые часто оказываются грешниками! Он уже давно уличен в воровстве.
- Так ведь говорят, не доказано!
- Доказано. Я его вызволил. Чтобы спасти доброе имя колхоза. Жалуйся!
- Да как тут жаловаться?.. Он же не домой к себе виноград унес! Ну, хорошо — вот я и пришел и жалуюсь!

Глаза председателя сощурились, превратились в щелочки, густые усы тягело нависли над толстыми, презрительно искривленными губами.

— Так, значит, вы все решили рвать колочки руками председателя? А сами ничего делать не хотите, только ушами хлопаете? Чуть ли не полдеревни кинулось в город, ворвалось в райком: дескать, Реваз честный человек, отпусти-те его? О чем вы тогда-то думали? Ты ведь тоже, помнится, был с ними!

— Что поделаешь, Нико, сказали мне пойти, я и пошел.

— Значит, заставили пойти?

— Ну, заставили.

— Силой?

— Силой, ну да!

Ефрем! Я же тебя знаю как облупленного! Грязная у тебя душа. Где ты ширырешь украдкой и о чем за спиной шушукаешься, мне тоже известно. Думаешь, я не знаю, полагалось ли тебе еще по норме земли? Только я не поглядел на это, нарастил тебе участок, подумал — пусть пользуется, может, оценит, будет благодарен.

Ефрем покраснел, отодвинулся от стола.

— Как это — не полагалось?

— А вот так — не полагалось.

— С чего ты взял? Вон она, ваша комиссия, и уж обмерять она обмеряла раз десять, не меньше.

— Ефре-ем! Я только того не знаю, на каком облаке господь бог восседает, а уж что на земле творится — от меня не укроется. Благословенна наша матушка лоза — попробовав ее сока, праотец Ной воду предоставил животным. Если бы ты пришел с этим делом ко мне в контору, я вытолкал бы тебя за дверь. Ну, а сейчас — вставай и уходи с миром.

Ефрем поднялся со стула.

— Значит, нет справедливости на земле!

— Кабы не было справедливости — вот тогда виноград с этих трех рядов собрал бы ты, а не Сабеда.

— Значит, все это дело делалось с твоего соизволения?

— С моего соизволения.

— А что же мой труд, выходит, он зря пропал? Хоть его мне возместите!

— Ты, кажется, сказал, что Реваз со своей шайкой собрал виноград в саду у Сабеда?

— Сказал.

— Что же это за шайка была?

— Деревенские ребята, мелюзга. Кажется, были и девчонки.

— И сколько же Сабеда заплатила им?

— Нисколько. Так, говорит, за спасибо помогли.

— Что же это ты, добрый человек, если у деревенских ребят хватило совести бесплатно потрудиться ради одинокой несчастной старухи, прилично ли тебе с твоей седой головой возмещения требовать?

* * *

— Как ты сегодня, Шавлего?

— Насчет арталы? Как зверь!

— Болит еще?

— Чуть-чуть покалывает.

— Ох, Шавлего, ведь этаким камень буйвола мог прикончить. Боже мой, что было бы, не подоспей вовремя Теймураз!

— А Теймураз тут при чем? Разве не ты меня спасла?

— Я только загородила тебя от того мужлана с кинжалом. А Теймураз привел тушин и хевсур на неоседланных лошадях... Потом я увидела, что Купрача с какими-то парнями сажают тебя в машину. Оттуда самое ближайшее место — Алвани. Но я с трудом догадалась, что тебя привезут сюда. Ох, Шавлего, и зачем тебе было вмешиваться?

Девушка нежно прижималась к груди Шавлего и все целовала его забинтованную руку.

— Как там все обошлось, Русудан? Никого не покалечили? Кто-нибудь арестован?

— Ничего не помню, и кажется, кроме тебя, я никого и ничего не видел. Почему ты впутался в драку?

— Я даже не подозревал о драке и не собирался ни во что впутываться. Шахрия прибежал к реке. Я там сидел с хевсурами, поливал водку и записывал со слов Пирикитского Ундруа новый вариант «Хогайс Миндия». И знаешь что, Русудан? Удивительно, каким образом Важа Пшавела упустил его. Похоже, что это первоначальный вариант. В нем есть отголоски древнего шумерского мифа. Быть может, еще до Гильгамеша спускался в ад наш Миндия!

— Ну, а дальше? Почему ты бросил записывать и побежал туда, где шла потасовка?

— Не для того, чтобы вмешаться в драку. Я хотел разнять дерущихся. Нельзя же было позволить, чтобы они перебили друг друга.

Девушка погрозила ему пальцем.

— Да ты же сразу кинулся в драку — и не пробовал никого уговаривать! Шавлего улыбнулся.

— Знаешь, Русудан, в иных случаях разглагольствовать попросту смешно... Я отвлек на себя ярость одной части дерущихся, чтобы выручить других... Признаться, я и не думал, что продержусь так долго. Эти вояки сами мне помогали — пугались друг у друга под ногами.

— Почему ты сам не взял хевсуров на подмогу?

— Побоялся, что не смогу подчинить их себе. Вот Таймураз это умеет, надо отдать ему справедливость... У каждого свои способности...

— Тебя ударили в глаз?

— Нет. А что?

— Под левым глазом синяк.

— Пустяки. Наверно, маленькое кровоизлияние.

— Очень болит?

— Когда ты появилась, стало легче.

— Ох, Шавлего, ты прямо как маленький. Почему ты не пришел ко мне, вернувшись из города?

— Я приходил, но ты уже была в поле. Я решил повидаться с тобой вечером, и вот направился в Алаверди, на праздник, чтобы скоротать время.

— Диссертацию сдал?

— Ну, там еще осталось немало работы. Кое-что надо исправить, и добавления нужны.

— Почему так долго пробыл в Тбилиси?

— Мой руководитель все соблазнял меня, уговаривал поехать с ним на раскопки в Болниси.

— А ты не поехал!

— Слишком долго пришлось бы с тобой не видеться.

Русудан слегка покраснела. Она склонилась к нему с нежной улыбкой, и ее волосы коснулись его лица.

— Так из-за чего же ты задержался?

— Уточнял кое-какие места в своей работе с профессором Апакидзе.

— А теперь скажи, передал ты Флоре мое письмо?

— Знаешь что, Русудан... У меня не было времени зайти к ней, и я переслал письмо по почте.

В палату со стерилизатором в руках вошла сестра, и Русудан, ответив на ее приветствие кивком головы, отошла к окну.

* * *

Во дворе никого не было видно.

Шавлего еще раз постучался в калитку и бросил взгляд на балкон, тонущий в вечернем сумраке.

В саду показалась женская фигура.

— Русудан дома? — спросил Шавлего, когда калитка открылась перед ним.

— Еще не возвращалась. Заходите.

Девушка, запахивая одной рукой на груди ворот длинного халата, другой потянула на себя калитку.

— Подождите. Она скоро придет.

Шавлего колебался.

— Я, пожалуй, зайду попозже.

— Если вы боитесь соскучиться в моем обществе, то воля ваша.
Лукавые искорки в глазах девушки придали Шавлего смелости. Улыбнувшись ей в ответ, он вошел во двор.

— Я принесу еще стул. — сказала девушка.

— Спасибо, вы садитесь на скамейку, а мне послужит сиденьем вот это, он повалил на бок стоявший вверх дном возле садовой ограды плетеный кузов.

— Русудан убьет нас!

— За что?

— Этим кузовом она прикрыла саженец, чтобы куры не разгребли землю вокруг корней.

— Ничего, сейчас куры уже спят, а до утра, я полагаю, Русудан все же вернется.

— До утра, пожалуй. Бывает, я чуть не всю ночь сижу, как сова, на балконе и жду ее. Как это ей до сих пор не надоел колхоз! Удивляюсь! Виноградники и поля, виноградники и поля — и так целые дни напролет. Однажды она взяла меня на сбор винограда — так я уже к полудню была сыта по горло. Да и вообще, как она выдерживает деревенское существование? Театров тут нет, кино нет, развлечений никаких, даже на прогулки ходить не принято. Несчастные крестьяне — вернутся с поля, намахавшись за день мотыгой, уставшие до смерти, проглотят наспех миску лобии и заваливаются спать. Да и с кем тут общаться, как провести время, развлечься? Все лето Русудан писала мне письмо по письмом — приезжай, мол, я тут одна, кроме тебя, у меня нет никого. Ну, я и приехала. Мы с ней старые подруги. Нас еще мой отец заставил подружиться. Он души в Русудан не чаял. Говорил, что другой такой студентки на факультете нет, что она ему все равно что вторая дочь. Хотел оставить ее у себя в аспирантуре, но Русудан об этом и слышать не хотела — у меня, дескать, свое дело, мне не до аспирантуры. Дурочка! Потом отцу навязали вместо нее какого-то безмозглого оболтуса. Право, дурочка. А вы откуда знаете Русудан, вы, должны быть, корреспондент? Из Тбилиси? Или из Телави?

— Нет, я здешний.

— Ах да, припоминаю, она говорила мне о каком-то корреспонденте...

— Да нет же, я местный житель.

— Не верю. Давайте зажжем свет, я рассмотрю вас получше. Ух, какой вы большой! Почему у вас лоб перевязан? Наденьте шляпу, что вы вертите ее в руках? Я же не университетский лектор! Вы в самом деле здесь живете? Кто же вы? Врач? Директор школы? Педагог? Председатель колхоза? Постояйте, постоитесь... Ветврач, да? Не угадала? Так кто же?

— Колхозник. Ну, еще — член правления.

— Неужели? А мне думалось — такой великан должен быть хотя бы заведующим фермой! Впрочем, член правления — это тоже, наверно, что-нибудь да значит!

Неловкость рассеялась. Шавлего пришел в шутливое настроение.

— Хотите отгадаю, как вас зовут?

Шавлего поглядел на небо, потом устремил пристальный взгляд на молодую женщину.

— Уже знаю. Прочитал по небесным знакам.

— Вы, кажется, не звездочет, а скорее гипнотизер. Ну, назовите же мое имя.

— Флора.

Девушка звонко рассмеялась и посмотрела на свой халат.

— Если бы на этой ткани вместо цветочно-травяного узора был изображен животный мир, вы, наверно, сказали бы: Фауна.

— Знаете что... Я лучше пойду. Видимо, Русудан вернется еще не скоро. Флора обиженно надула губы, она смотрела на гостя снизу вверх детски-простодушным взглядом.

— Неужели вы так бессердечны, что оставите беспомощную женщину ночью одну в этой глухомани?

Шавлего протянул ей шляпу

— Передайте это Русудан. Лучшей я в Тбилиси не смог найти.

* * *

Председатель наклонился, заглянул внутрь машины. На заднем сидении сидел Теймураз и спокойно дымил папирисой. Нико изумился: с каких пор секретарь райкома разъезжает по колхозам вместе с этим молодцом?! Он осторожным движением открыл дверцу и опустил на мягкое сиденье.

— Если собираетесь меня угощать, то получается неувязка. У меня тут все под рукой — соглашайтесь выйти из машины, и я мигом распоряжусь.

— Это будет совсем неплохо, только сначала проедемся, поглядим, что делается. Кажется, в вашей комсомольской стенгазете кое-что написано без основания.

Председатель улыбнулся в усы.

— Это они хотят доказать мне, что бумага может греметь не хуже, чем динамит.

Секретарь райкома пропустил его слова мимо ушей. Он знал, что милиция до сих пор еще не разобралась в деле со взрывом гаража.

Теймураз повернулся к нему.

— Почему ты не пригласил Хуцураули? Позавчера он раскрыл такое запутанное дело, с которым Тбилиси два года не мог справиться.

— Неважно, хребет у меня крепкий, выдержку. Только вот досада — тот, кто это сделал, думает, что убыток причинен мне, но ведь, собственно, не я, а колхоз остался без машины. По своим личным делам я на ней ни разу не ездил.

— На днях получим лимит и в первую очередь дадим машину тебе.

— Что-то вы все обещаете, обещаете, а никак не дождемся.

— Дождетесь. По силосу ты молодец! Всех в районе опередил, кроме Кисисхеви. Только бы не получилось у вас, как в прошлом году в велианском колхозе.

— Ну, уж нет! Чтобы я вырыл яму — и сам в нее угодил?! Что я, сам себе враг?

— Помнится, на совещании передовиков ты хвалился, что построишь сильные башни. Пока что слова так словами и остались! — Теймураз вызывающе улыбался.

— По достатку и траты! В первую очередь нам было необходима сушилка для зерна. В нынешнем году нас и погода подвела. На следующий год хочу построить новый хлев. Вот тогда к нему и пристрою башни. А сейчас сушилка была нужнее.

— Что бы вы делали, если бы школа не снабжала вас строительными материалами!

Председатель изобразил изумление.

— У тебя что, только и заботы, что за каждым моим шагом следить?

— Мне за это зарплату дают, дядя Нико.

Машина пересекла Берхеву и покатила по проселку вдоль верхнего края виноградников.

Приуныли лозы. Печально выглядели обобранные ряды. В междурядье чья-то лошадь щипала чахлую траву.

За виноградниками простирались пашни, тянувшиеся почти до самых приречных зарослей. По краям распаханых полос были разбросаны приземистые стожки соломы. Иные успела раздергать и потоптать скотина, по другим проехали колеса арб и машин.

Секретарь райкома нахмурился.

— Зачем ты позволяешь портить корма? На одном силосе ведь не продержишься! И кукурузу еще не успел собрать — да и солома кукурузная нынче плоховата после этойкой засухи. А к концу зимы забегаешь, запросишь помощи — спасайте, дайте как-нибудь дотянуть до весны.

— С соломой получилось нехорошо, что правда, товарищ Луарсаб. Но не дошли у меня руки до всего сразу. Главное было — осенняя пахота, и в этом деле я, по-моему, перевыполнил план и опередил сроки. Сушилка тоже внимания требовала. А потом — виноградный сбор, и вдобавок еще тысячи мелочей. Я думал — сначала уберу весь урожай, размещу его... Транспорта не хватало. Надо было соорудить новые арбы — как на грех, плотник в самую горячую пору выбыл из строя, угораздило его рассечь себе руку топором во время работы. Теперь он уже поправился и взялся за дело.

— Завтра же начинай вывоз этой соломы. Скирду поставишь у старого хлева.

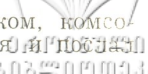
— И не завтра, а сегодня. Как только вернемся с приречья. Хоть один конец да успеют сделать, — вмешался Теймураз.

Председатель ничего ему не ответил. Он следил взглядом за трактором, продвигавшимся вдоль пашни. Тарахтя, неторопливо полз трактор и тащил за собой четырехлемешный плуг, за которым тянулись четыре черные, лоснящиеся борозды.

— Только один трактор на пашне?

— Другой в Маквлиани.

— Маквлианский клин как будто был уже запахан в августе?

— Да, был запахан. Только там же, рядом со старым участком, комсомольцы расчистили и выжгли еще один такой же — вот я сегодня туда трактор.

— А мне помнится, ты что-то был недоволен своими комсомольцами.

— И сейчас недоволен. Не тот я охотник, которому достаточно, чтобы гончая заставила зайца повернуть назад.

— А где третий тракторист?

— На новых участках. Подготавливает их под плантаж.

— Сколько у тебя запланировано на этот год?

— Десять гектаров, но сделано двадцать.

— Это хорошо. Но главное все же — пшеница. И сверху в этом смысле нажимают, да и для нас оно лучше. Видишь, нам едва хватает зерновых для сдачи по заготовкам. Когда кончишь с яблевой вспашкой?

— Да уж немного осталось.

— Привезла Русудан минеральные удобрения? Я отдал распоряжение, чтобы Госснаб отпустил тебе в первую очередь.

— Привезла.

— Что она сейчас делает?

— Заставляет бригады пропалывать прежние посевы, чтобы подкормить их фосфором и калием.

— А как в этом году ветвистая пшеница?

— Если погода не подведет, будет лучше прошлогодней.

— Навесов у тебя на полях нет, дядя Нико, удобрения валяются под открытым небом. А вдруг ненастье нагрянет?

— Это я сделаю. А все же, куда мы путь держим, не скажете?

Нико вопросительно глянул на Теймураза. Теперь уж и пашни остались позади — машина спускалась к прибрежным зарослям.

— Куда бы мы ни держали путь, ты что, не согласен в нашей компании проехаться?

— Кабы я пути выбирал по вашему разумению, давно бы с обрыва пропасть свалился.

Секретарь райкома не любил вольностей, но у чалиспирского председателя все получалось как-то так, что одернуть его язык не поворачивался.

Машина углубилась в заросли, пересекла ручей и подъехала к краю болота.

— Дальше ехать нельзя, придется идти пешком. — Нико, уже догадавшийся обо всем, велел водителю остановиться.

Секретарь посмотрел на заросшее болотной растительностью поле.

Еле заметно колебались камыши. Лениво покачивались коричневые зонты лопухов. Кое-где зеленели поросшие ряской, пахнущие болотной прелью заводи. Здесь и там возвышалась в одиночестве ольха.

Нехотя открыв дверцу, секретарь райкома вышел из машины. В душе он досадовал, что поддался нелепой причуде Теймураза.

Нико заметил его недовольство, чуть заметно покачал головой и подбодрил гостя:

— Другой дороги нет. Эта тропинка приведет нас прямо к героям — строителям новой жизни. Прыгать, пожалуй, придется раз десять, не больше, ну, а ноги замочить и всего-то раза два-три.

Секретарь райкома оглянулся на водителя, потом посмотрел на Теймураза, уже ушедшего вперед, и молча последовал за ним.

Они перешли через заболоченный участок и выбрались на луговину.

— Далеко еще?

— Вон, Теймураз уже почти дошел до места.

— А почему это поле у тебя не запахано?

— Именно из-за трясины этой не можем пахать.

— Ты давно уже роешь этот канал. Никак не можете закончить?

— Первое время никто и близко не хотел подойти. Потом я обещал по два трудодня за день работы и привлек молодежь.

— Хорошее начинание. Получится гектаров двенадцать плодородной земли.

— Если и это вот поле прибавить, выйдет еще больше. Вся эта земля вдоль скалистого берега зря пропадает.

Секретарь остановился, бросил украдкой взгляд на облепленный грязью ботинок и поморщился с отвращением. Обе штанины были тоже залепаны грязью. Тонкие носки до самых резинок вымокли в холодной воде.

Председатель колхоза, догадываясь о причине задержки, предпочел не оглядываться.

За старым осокорем таянулся канал. Он пересекал всю возвышенную часть берега и выходил к Алазани. Строителей не было видно. Лишь местами как бы извергалась откуда-то снизу выброшенная лопатами земля.

Когда дядя Нико со своим спутником подошел к каналу, Теймураз вел оживленную беседу с землекопами.

Секретарь райкома поразился: парни работали оголенные по пояс, ноги их тонули в грязи, по лицам стекал пот.

Канал был глубиной в человеческий рост. Широкий наверху, книзу он несколько суживался. Под слоем черной земли виднелся другой сероватый слой, ниже была глина. Из стенок канала сочилась вода.

— Эй, хевсур, разве лоб у тебя уже зажил, что ты снял перевязку?

— Не хотелось пачкать бинты. Вот вылезу и завяжу снова.

— Ах ты чертяка! А что если бы тебе угодили камнем в висок?

— Спроси, что бы с камнем случилось, висок у меня окрепче! Как треснулся о мой лоб, так надвое и раскололся.

— Хо, хо, хо! Расхвастался! Скажи спасибо Бакурядзе — он тебя выгородил, а то оказался бы ты в ответе за все.

— Нечего пыхиться, хромой черт, тоже мне, обвинитель! Спускайся сюда, подсоби, пошевели руками!

— И спущусь!

— Ну, давай!

Лишь на мгновение заколебался Теймураз. Потом быстро глянул на секретаря райкома и бросил на траву плащ.

— Рубахи не снимай, ветерком прохватит. Не прыгай в ров, дай я тебя ссажу, а то, чего доброго, и вторую ногу сломаешь!

Секретарь нахмурился, искривил с неудовольствием губы и, когда Теймураз соскочил в ров, зашагал вдоль канала к болоту.

— А кто был тот, другой? — спросил он, не оборачиваясь.

— Который? — председатель колхоза шел за ним по пятам.

— Тот, что изо всех сил махал заступом и едва удостоил нас внимания?

— Ах, вот вы о ком... Парень из нашей деревни, наверно, помните — нынче летом занял второе место в республике по борьбе.

— Помню, помню. Из-за него-то и полез на рожон этот ваш молодой человек?

— Говорят. Диву даюсь — что его привело сюда, на такую тяжелую работу. Пьяница, бездельник.

Секретарь райкома не продолжал разговора.

Когда дошли до трясины, он остановился, стал осматриваться.

— Да, работа тяжелая. Уже ведь похолодало. А они стоят по щиколотку в воде. Почему ты не рыл бульдозером хоть там, где сухо?

— Кто мне даст бульдозер? Пострекотал несколько дней на Берхеве, когда строили мост, и только его и видели. Да я и сейчас не откажусь, если дадите!

— Надо было воспользоваться, пока он был здесь. Теперь его переправили в заречную зону. И вообще этим я не распоряжаюсь — его хозяин дорожное управление. А впрочем у тебя ведь есть свои бульдозеры, чего же ради ко мне обращаться?.. Должен тебе сказать, что этот ваш новый колхозник очень уж чудачком прикидывается. Как это он совмещает труд и дебоши? Ведь разговаривал сейчас таким тоном, точно в Алаверди он и мухи не тронул. Уж не думает ли, что так вот, запросто, ушел у меня из рук? Постой, доберусь и до него... Сейчас мы с тобой одни, так скажи начистоту: правда то, что я прочитал сегодня в этой вашей газете?

Председатель смотрел неподвижным взглядом на заболоченную луговину, пестреющую осенними красками.

— Ты ведь знаешь — я на это глаза закрыть не смогу.

— И не закрывайте, упаси бог! Брагу не пожелаю остаться тогда один на один с Теймуразом.

Некоторое время оба молчали.

Первым заговорил секретарь.

— Послушай-ка, эти ребята делают хорошее дело. Ты их поддержи. Это и есть весь твой актив?

— Актив сюда и ногой не ступал. Раза два, впрочем, были здесь, повалились на боку, только и всего. А это те свихнувшиеся, у которых, когда надо поработать в колхозе, сразу руки-ноги отнимаются.

Секретарь райкома вопросительно поднял брови.

— Если сейчас подойти к ним и спросить, что вы, ребята, делаете, каждый из них в отдельности скажет: строим стадион.

— Стадион? — секретарь райкома обернулся. — Какой там стадион? То ли они и вправду сошли с ума, то ли ты меня дурачишь, то ли я сам в уме повредился.

— Они, видите ли, считают это болото единственным местом в Чалхисиях, из-за которого я не стану с ними тягаться.

Когда секретарь райкома и Нико снова подошли ко рву, Теймураз взял председателя за локоть:

— Вот, говорю при секретаре райкома: завтра утром отправишь человека в Телави и заберешь там пар пятнадцать резиновых сапог. Теперь канал пойдет по заболоченной луговине и разделится на рукава — жалко ребят. Если на базе откажут, приходите в райком, мы им дадим распоряжение.

* * *

Угрюмо выглядела местность вокруг старой крепости. Нигде не было видно и следа какой-либо зелени. Лишь местами торчали пучки пересохшего осенчука, и задержанная ими песчанная почва уступами располагалась по склонам.

Скотина, пасшаяся в окрестности, ходила вдоль этих уступов.

Русудан сидела на приступке, держа на коленях голову растянувшегося у ее ног Шавлего; она ласково поглаживала пальцами синевато-багровый шрам на его лбу. Рубец, тянувшийся наискось, пересекал посередине почти сросшиеся брови и обрывался где-то у самой переносицы. Узкие, коротко подстриженные усики под крупным носом оттеняли сверху тонкие губы, несколько смягчая их суровый строгий рисунок. И только глаза, полные покоряющей силы, завораживающие, сообщали необычайную мягкую привлекательность едва ли не чрезмерно мужественному лицу.

— Мы разнежались под солнцем, как ящерицы. Тебе не жарко?

Шавлего отрицательно мотнул головой.

Через частую сеть девичьих волос он наблюдал за веселой игрой солнечных отблесков на красных черепичных крышах. Сверкал в ярких лучах пересекавший деревню ручей, а вддали, в нижнем ее конце среди зарослей, лениво дремала река.

— Русудан!

— Что, Шавлего?

— А ведь мы собирались подняться в Акадебули и в Чилобани, по следам наших детских воспоминаний.

— Ты же знаешь, как я этого хочу, но все занята, времени нет.

— Ты всегда будешь занята, так и не найдешь времени.

— Почему ты раньше времени снял повязку? Вот, швы еще видны на лбу.

— Ну и что тут такого? Я только сегодня снял бинт.

— Ребята твои говорили, что ты снимал повязку во время работы.

— Врут они.

— Надо мне прийти и самой посмотреть.

— Ты уж давно грозишься, да никак не доберешься до нас.

— Мне это болото, Шавлего, пока представляется твоим личным владением: кажется, что если туда ступит чужая нога, это будет нарушением какого-то табу.

— Я и сам не советую. Еще в трясину затаянет. Вот, когда мелкие разветвления каналов прорежут всю луговину, и вода уйдет — тогда и приходи.

— Долго еще этого ждать?

— Зависит от нашего усердия. Ребята устали, и, кажется, им немного наскучило.

— Но из уважения к тебе не бросают дела, да?

— Похоже на это. Они теперь уже знают, что мы там не стадион устраиваем.

— А по-моему, они и раньше это знали.

Авторизованный перевод Элисбара АНАНИШВИЛИ

Продолжение следует

СОБАКА

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Р а с с к а з

История эта началась в августе сорок первого и закончилась ровно два года спустя.

... Суровое дыхание войны наше село почувствовало уже через месяц. Привыкший к зажиточной жизни колхозник не смог сразу осмыслить всего ужаса происшедшего, не рассчитал своих возможностей, и случилось так, что амбары, кувшины и лари во многих домах опустели уже в августе, а в нашем доме — и того раньше...

Измученный водянкой дед Спиридон дни и ночи просиживал у камина, и все заботы по хозяйству легли на мои плечи. Да что хозяйство! У меня и сейчас начинает ломить спина, как вспомню, сколько я тогда натаскал из лесу дров и хвороста: пропал бы бедный старик без тепла.

25 августа был съеден последний кусок мчади. Дед извлек из стенового шкафа закупоренную кочерыжкой десятилитровую бутылку с водкой и сказал:

— Положи в корзину, ступай в Чохатаури и обменяй на пуд кукурузы. То-го, кто предложит меньше, облей этой самой водкой, разбей бутылку и возвращайся домой... Водка тутовая, и в ней восемьдесят градусов, надо ж понимать!.. Вот так.

Дед грустными глазами взглянул на бутылку, тяжело вздохнул и добавил:

— Ступай!

... Разбивать бутылку мне не пришлось. На базаре нашелся специалист по водочным делам, который вмиг оценил достоинства моего товара. Он без лишних слов отсыпал мне в мешок пуд отборной желтой кукурузы, всунул в карман красную тридцатку, погладил по щеке и велел явиться на следующей неделе.

Спустя минуту я стоял у прилавка столовой напротив базара.

— Котлеты есть? — спросил я буфетчика.

— А деньги у тебя есть? — в ответ спросил буфетчик.

— Есть!

— Сколько?

— Тридцать рублей!

— Покажи!

— Вот!

— Садись. Сейчас принесу.

— Три порции! — сказал я, снял со спины корзину и присел к столу.

— Ты что, парень, тронулся? — искренне удивился буфетчик.

— Нет, проголодался! — объяснил я.

— С картошкой или с макаронами?

— Две порции с макаронами и одну — с картошкой. Каждую отдельно!

— Лимонаду сколько?

— Три! — ответил я и заранее отпустил пояс.

Буфетчик подозрительно взглянул на меня, но промолчал. Поставив на стол три тарелки с котлетами и три бутылки лимонада, он ласково спросил:

— Куда ты девал ту тридцатку, а, парень?

— Вот она! — с достоинством ответил я, показывая деньги.

Буфетчик взял тридцатку, пощупал, посмотрел ее на свет, потом распахнул грязный халат, расстегнул карман еще более грязной блузы и опустил

— Ты свободен! — сказал он с улыбкой и ушел.

В столовую забрела длинная, приземистая, тощая черная собака с ввалившимися боками. Она несколько раз прошла по комнате, искоса поглядывая на меня, потом, осмелев, подошла ближе. Пожалев котлету, я бросил собаке макароны. Она на лету схватила ее и проглотила. Я бросил еще. Через минуту, решив привлечь мое внимание, собака несмело тявкнула.

— Вон отсюда, паршивая! — прикрикнул на собаку буфетчик.

— Как ее звать? — спросил я.

— А черт ее знает!

— Чья она?

— А я почему знаю, пропади она вместе с хозяином! Пошла вон! — замахнулся на собаку буфетчик.

Поджав хвост, собака бросилась на улицу.

... Покончив с едой, я взял свою корзину и направился к двери.

— Сдачи не полается? — спросил я буфетчика на всякий случай.

— Еще чего! — ухмыльнулся он.

— Совсем ничего? — не сдавался я.

— Иди, парень, иди с богом!

При выходе из столовой я увидел давешнюю собаку — опасливо оглядываясь, она вновь приближалась к двери.

Не успев я сделать и десяти шагов, как услышал душераздирающий визг и вой собаки. Затем она промчалась мимо меня, бросилась в воду под мостом, тут же выскочила на берег и с жалобным тявканьем стала кататься в песке.

Я обернулся к столовой. В дверях стоял буфетчик с котелком в руке. Из котелка поднимался пар.

— Ошпарил собаку? — спросил я.

— Нет, чуть подогрел ей лапы! — глуло улыбнулся он.

— Осел ты! И отец твой — осел! — крикнул я.

Буфетчик остолбенел. С минуту он молча глядел на меня, наливаясь злобой, потом поставил котелок на землю, засучил правый рукав и медленно направился ко мне.

— Подожди-ка меня там! — прохрипел он.

Я спокойно снял со спины корзину, нагнулся и поднял валявшийся у края дороги здоровенный камень.

Буфетчик остановился, словно вкопанный. Он постоял, постоял, потом покачал головой и убрался восвояси.

* * *

Собака лежала под мостом, уткнувшись ошпаренной мордой в передние лапы, и жалобно скулила. Увидев меня, она умолкла, потом негромко заворчала. Я подошел ближе, пригляделся. Правая лапа бедняги также была ошпарена.

— Ну-ка, дай поглядеть на тебя! — сказал я и присел перед ней на корточки.

«Эх, что это вы со мной сделали!» — всхлинула она. Из левого, неповрежденного глаза собаки текли слезы. Я снял рубашку, разорвал ее пополам, смочил в воде и перевязал собаке глаза, потом лапу. Почувствовав облегчение, она благодарно взглянула на меня и опять заплакала. И тут я не выдержал, сел на песок и тоже заплакал. А собака — даром что животное: она прекрасно понимает, почему плачет человек. Искалеченный пес подполз ко мне и ласково ткнулся мордой в мои колени...

...Помню однажды — было мне тогда лет четырнадцать, — когда дочь Гервасия Джабуа — Тину выдали замуж за Арсена Сиамашвили из села Набеглави, я впервые взмолился богу: «Боже, прибавь мне шесть лет, и не выдай Арсену красавицы Тины...». И теперь я опять мысленно попросил: «Боже, дай мне силы справиться с буфетчиком, а потом хоть убей меня!..» И никогда, никогда я так сильно не жаждал исполнения своей мечты, как теперь, сидя под мостом в обнимку с бездомной собакой...

* * *

— Что это такое?! — удивленно воскликнул дед, когда я извлек из корзины ошпаренного пса.

— Собака! — ответил я.

— Дрянь какая-то, а не собака! — плюнул дед.

- Ничего не дрянь! Это буфетчик ее ошпарил кипятком!
- Заслужила, значит. Ворюга!
- Голодная она! — вступился я за собаку.
- Ну-ка,ними тряпки!

Я снял повязку, и дед осмотрел собаку.

— Мда-а, не вовремя ее ошпарил душегуб! В жару раны заживают долго... Принеси-ка топленое масло, смажем ей больные места... Ну, лапу-то она сама себе вылечит, а вот с глазом...

...На другое утро в нашем дворе уже раздавался собачий лай. Несмело и негромко, но собака лаяла...

* * *

Как только мы ее ни называли — Джек, Джульбарс, Беляк, Мурка, — собака не отзывалась ни на какую кличку. Тогда мы решили звать ее просто Собака. Спустя месяц у нее зажила лапа, затянулась рана на морде. Ошпаренные места покрылись новой густой шерстью. И стала она веселой и красивой собакой, каких и вовсе не было на селе.

Особыми талантами, сказать по правде, она не отличалась, но вообще-то соображала неплохо: детей и женщин не трогала, среди всех деревенских кур хорошо отличала нашу единственную несущку и даже оказывала ей благосклонное покровительство. Что же касается мужчин — кроме меня и деда, она не признавала на селе ни одного мужчину. Я был уверен — ненависть к мужскому полу вспыхнула в Собаке в день, когда буфетчик так безжалостно ошпарил ее.

Соседи часто жаловались деду:

— Что же это получается, Спиридон! Уже и в гости к тебе нельзя зайти! И где ты его откопал, паршивого пса! Итичку к дереву не подпускает, проклятый! Прогнал бы его к чертям или хоть посадил на цепь, что ли!

Дед только улыбался. Он так подружился с Собакой, что прогнал бы из дому скорее меня, чем ее. Собака чувствовала это. Изредка, когда я шел в лес за дровами или ночью — на мельницу, она шла со мной, все же остальное время лежала в ногах у деда и с благоговением ждала его приказов, глядя на него грустными, влюбленными глазами. Стоило упасть с дерева яблоку или груше, Собака срывалась с места и, опережая свинью, мчалась к дереву, хватала плод зубами и приносила деду. Дед ласково гладил ее по шее, потом очищал плод, съедал его, а кожурой угощал Собаку. И она ела кожуру с необыкновенным удовольствием, — а ведь под деревьями было полно тех же яблок и груш. А как Собака умела слушать! Пожалуй, она была единственным существом, способным часами внимать деду, в сотый раз рассказывавшему одну и ту же историю. И чем длиннее бывал рассказ, тем внимательнее слушала Собака, и глаза ее словно просили деда: «Ради бога, не пропусти ни одного слова!».

Однажды я стал свидетелем такого диалога.

— Эх, дружок, кабы не эта проклятая война, разве пришлось бы тебе жрать гнилые груши?! — говорил Собаке дед, печально качая головой.

— Вот именно! — согласно кивала она.

— Небось, ты и вкус мяса забыла, бедняжка? — спрашивал дед.

— Увы, забыла! — вздыхала Собака.

— Ничего, все уладится, — успокаивал ее дед, — вот появится скоро отец Гогиты — Арсен, присмотрит за нами. А? Как ты думаешь, ведь присмотрит? — Собака не знала моего отца, но все же утвердительно кивала головой. Дед продолжал: — Кончится же когда-нибудь война, будь она проклята!.. И хворь моя пройдет. А? Пройдет ведь?..

Так сидели они часто на балконе, грелись на солнышке и думали: дед — об окончании войны, о возвращении сына, Собака... Собака, наверно, думала о мясе...

Ну, а во всем остальном наша Собака вела себя как все собаки на свете. Ночью спала на дворе. Считала обязательным своим долгом лаем откликаться на крик петуха, мяуканье кошки, вой шакала. Ворчала на полную луну, колесом выкатывавшуюся из-за Медвежьей горы. Улаживала свои любовные дела. Подняв ладу, мочилась в огороде на свежезазеленевшие грядки сельдерея. И еще: услышав, как в каком-то дворе начинала вопить и причитать несчастная женщина, получившая похоронную на мужа, сына, или брата, Собака поднимала вверх морду и раздражалась жалобным протяжным воем.

Шли дни. И жили мы, как полагается жить людям и собакам во время войны...

* * *

22 августа 1943 года, ночью, село взбудоражили собачий лай, грызня и вой. Была случайная пора, и поэтому особого внимания на шум никто не обратил.

Утром Аслан Тавберидзе нашел у родника растерзанного пса. Для случайной поры это также не было явлением необычным. Труп зарыли.

В полдень в селе появился незнакомец, разыскивавший свою собаку. Его направили к Аслану. Пришел туда и я.

— Кириле Мамаладзе из Хеви, — представился он.

— Очень приятно. Чем могу служить? — вежливо спросил Аслан.

— Собака у меня пропала... Сказали, будто вы сегодня тут зарыли собаку...

— Точно. Мы и зарыли — я и вот этот парень. А что, разве не следовало этого делать?

— Что вы, наоборот, спасибо вам за внимание. А место показать можете?

— Пожалуйста.

Мамаладзе отрыл труп собаки, пригляделся.

— Моя! — заявил он уверенно.

— Хотите перенести останки? — улыбнулся Аслан.

— Не до шуток мне! — отмахнулся Мамаладзе. — Вчера она покусала моего ребенка, а потом сбежала. На пастеровской станции велели принести голову собаки, чтобы сделать анализ мозга. Если, не дай бог, окажется, что она была бешеной, придется делать ребенку сорок укулов. Представляете себе? Сорок укулов! Дитя и так еле на ногах держится!

Мамаладзе вздохнул и достал из мешка топор.

Я быстро отвернулся и пошел домой.

Выслушав мой рассказ, дед недовольно поморщился.

— Нехорошее это дело! — сказал он и взглянул на беззаботно разваливающуюся у его ног Собаку.

Вечером зашел к нам сосед Бадриа и попросил у деда ружье.

— Зачем тебе ружье, Бадриа? — спросил дед.

— Должен застрелить свою собаку.

— В чем она провинилась?

— А ты разве не знаешь? Вчера чья-то собака напала на наших собак. Да ты же слышал, парень, что сказал хозяин того пса! Ребенка, говорит, покусала.

— Но он не говорил, что собака бешеная! — ответил я.

— Дурак! Разве нормальная собака тронет хозяйского ребенка? — спросил Бадриа.

Я промолчал.

— Для такого дела я тебе ружье не дам! — отрубил дед.

— Чем же ее убить?

— Колом.

— Что я, зверь какой-нибудь? — обиделся Бадриа.

— Тогда как хочешь...

Бадриа ушел.

— Ночью запри пса в сарае! — приказал дед и ласково погладил Собаку.

* * *

Первый выстрел и душераздирающий визг собаки раздался во дворе Аслана Тавберидзе.

— Какое сегодня число? — спросил меня дед.

— Двадцать третье августа.

— Наступила Варфоломеевская ночь! — проговорил дед.

За первым выстрелом последовали второй, третий, четвертый... Со всех сторон доносились звуки выстрелов, лай и вой собак, крики мужчин, вопли женщины, плач детей, мычание скота. Громыкнуло во дворе Бадриа, затем — у Алистраха, и, наконец, грянуло под боком, у соседа Макариа. Визг собаки оглушил меня.

— Несчастливая собака!.. Пока Макариа перезарядит свою допотопную кремневку, измучается животное! — простонал дед и закрыл уши дрожащими руками.

Целый час продолжалось это неслыханное, безжалостное истребление собак. Целый час гудело и шумело село. И все это время наша Собака, запертая в сарае, со злобным лаем и рычанием бросалась на дверь, скребла ее когтями.

Постепенно все стихло. Грохнул вдали последний выстрел, и наступила мертвая тишина.

— Э-ге-ге-ге-ей! — раздался вдруг чей-то победоносный крик.

— Все. Кончилось... Боже великий, прости нам грехи наши тяжкие... — вздохнул дед.

* * *

Село замерло.

Пропел петух.

Замычала корова.

Заблеяла коза.

Закудахтали куры.

Из-за Концоулы поднялось солнце.

Задребезжал школьный звонок.

Все было как обычно, и все же то утро было необычным.

Селу чего-то не хватало — незаметного, обыденного, но огромного, родного чего-то. И, когда на проселочной дороге между изгородами зался Аслан Тавбридзе с топором на плече и за ним вприпрыжку не бежал его гислоухий Тузик, — я понял: этой нетземлемой частью, этой плотью от плоти и кровью от крови села была Собака — обыкновенная сельская дворняжка.

Утро 24 августа 1943 года в моем селе наступило без собаки...

... Весь день наша Собака не выходила за калитку, не ела, не лаяла. Вернувшись из школы, я застал ее лежащей у ног деда с закрытыми глазами и вытянутыми лапами. Если б не равномерно вздымавшийся и опускавшийся живот, собаку можно было принять за мертвую.

— Ну, как она? — спросил я деда.

— Переживает вчерашнюю ночь, — ответил он. — Ничего, скоро все забудет, — он погладил Собаку. Она не шелохнулась.

Под вечер опять появился подвыпивший Бадриа.

— Добрый вечер, Спиридон! — поздоровался он.

— Здравствуй, Бадриа! — ответил дед, но во двор гостя не пригласил.

— Спиридон! — начал Бадриа смущенно. — Народ... того... недоволен... Во дворе Спиридона, говорят, вчера не было стрельбы...

— А что, разве кончилась война? Или вернулся мой Арсен? Или вчера была новогонья ночь? В честь чего бы мне стрелять? — спросил дед.

— Спиридон, не обижай село ради собаки... Убей пса. У нас ведь собаки были не хуже твоей. Или ты один нашелся такой добрый?

— Нет, Бадриа, не бывать тому, чтобы у моего гроба не выла собака!

— Смотри, Спиридон! Не дай бог, но если пес взбесится и покушает моих детей, спялю твой дом и тебя заодно! — пригрозил Бадриа и ушел, пошатываясь. Было уже темно, но я заметил, как побледнел дед.

— Бадриа! — крикнул он.

Бадриа обернулся.

— Слушай меня, сопляк! Придержи-ка язык и будь осторожен, иначе погрею я свои старые кости на пепелище твоего дома! Понял?

Не знаю, что подумал остолебневший Бадриа, но будь на его месте я, — в ту ночь не сомкнул бы глаз: всем было известно, что слово деда никогда не расходилось с делом.

...Было около полуночи, когда в дальнем конце нашего двора раздалась подряд два выстрела. За ними последовал жалобно-зловонный лай собаки. Вскочив с постели, я схватил ружье и помчался к месту выстрелов. Кто-то быстро продирался сквозь кусты. Потом я услышал шаги убежавшего человека.

Собака лежала у плетня и тихо скулила. Я взял ее на руки и бегом вернулся домой. Дед успел зажечь копилку и теперь сидел на козьей шкуре у камина. Он осматрел рану Собаки, промыл ее спиртом, посыпал табаком и крепко перевязал.

— Ничего страшного, — сказал дед, — кость не задета.

Он вопросительно взглянул на Собаку. Собака выразительно взглянула на деда.

— Кто стрелял? — спросил меня дед.

— Не знаю...

— А она знает! Знает, да не может сказать! — дед покачал головой и смахнул слезы с глаз Собаки.

* * *

Утром дед попросил вывести его на балкон. Собака, хромяя, поплелась за дедом и улеглась у его ног.

Наш дом стоял на пригорке. И теперь дед осматривал село так внимательно, словно видел его впервые. Он долго молчал, потом обернулся ко мне и тихо сказал:

— Правы они, сынок... Нельзя ради собаки обижать село... Возьми ружье, прихвати Собаку и... Только выйди за село, чтобы я ничего не слышал...

— А что я должен сделать за селом? — спросил я и почувствовал, как задрожал у меня подбородок и скривилась нижняя губа.

— То, что сделали все наши соседи, — ответил дед, не глядя на меня. — Ступай, сынок...

Я вынес из комнаты ружье, обвязал веревкой шею Собаки и потянул. Собака не сдвинулась с места.

— Идем, Собака! — Я еще раз потянул веревку.

Собака умоляюще взглянула на деда.

— Иди, иди с ним, Собака! — сказал дед и закрыл лицо руками...

* * *

Мы пересекли село, свернули с шоссе и пошли по тропинке, спускавшейся к реке по сланцевому склону горы.

Собака, прихрамывая, покорно следовала за мной, и за все время не взглянула на меня.

Мы подошли к реке. Я снял веревку с шеи Собаки и присел на большой валун. Холодный пот градом катился по моему лицу, сердце гулко стучало. Успокоившись немного, я снял с плеча ружье. Тогда Собака подняла голову и уставилась на меня добрыми печальными глазами. Не выдержав ее взгляда, я отвернулся, потом быстро вынул из ружья обе гильзы и швырнул их в реку.

Тяжелый камень свалился с моих плеч. Я встал, глубоко вздохнул и потянулся. Собака несмело подошла ко мне, лизнула руку, потом вдруг сорвалась с места, бросилась к реке и несколько минут прыгала, кувыркалась, вертелась в воде, поднимая фонтаны брызг. Выйдя на берег, она отряхнулась и, утомленная, легла на песок. Из раны на лапе у нее сочилась кровь, и глаза были полны слез. Но я и сейчас готов поклясться чем хотите — Собака смелась!

— А теперь ступай, Собака! Иди спокойно, мирно, не лай и не огрызайся на людей и вообще старайся избегать их. Чего доброго, примут тебя за бешеную и убьют. На селе не показывайся! Слышала, что сказал дед: нельзя ради собаки перечить народу! Нельзя! Но я все же обману деда! А ты иди и не возвращайся, ради бога, в село! Быть может, ты и вправду бешеная! Не бери греха на душу! Ну, ступай, хорошая моя!..

Не знаю, поняла ли меня Собака, но, когда я пошел обратно, она осталась сидеть на месте...

— Ну что? — спросил дед.

Я молча снял с плеча ружье и протянул его деду. Он открыл затвор, посмотрел на свет через каналы стволов.

— Вот что я тебе скажу, сынок: если ты всегда будешь поступать так, трудно тебе придется в жизни!..

...Спустя неделю, ночью, шакал задрал в хлеву козу Эквтимэ Сирадзе.

Еще через три дня из чьего-то курятника лиса утащила двух кур.

Потом кто-то начисто опустошил десятипудовый квеври Аслана Тавберидзе.

В один прекрасный день корова Бердзенишвили обглодала в нашем дворе четыре привитых дерева. — дед аж позеленел от обиды.

Вслед за этим из села бесследно исчезли дойная корова Нины Дзеладзе и племенной бычок Сипито Матиташвили.

Однажды ночью из амбара Кириле Титмерия унесли восемь пудов отборной кукурузы.

Народ взвыл. Начались крики да ругань, подозрения да намеки, стали судить да рядить, дошло дело до материщины и дрючков.

Смешалось, перепуталось все. Встревожилось село.

* * *

15 октября хлынул ливень, какого давно не помнили в наших краях. Мельниц, стоявших на Губазоули, как не бывало — унесло их взбушевавшейся рекой.

16 октября дед велел мне сходить на спасшуюся чудом мельницу в Горабережоули.

К полуночи моя кукуруза была смолота. Я взвалил на спину мешок с мукой и собрался было уходить, как дверь мельницы открылась, и на пороге появился Кириле Мамаладзе.

— Здорово, Теофан! — приветствовал он мельника. Меня Кириле не узнал.

— Как поживает ваш ребенок? — спросил я Мамаладзе.

— Какой ребенок?

— А тот, которого покусала бешеная собака.

— А-а-а, вот ты о чем! Собака-то оказалась здоровой!

— Что вы сказали?!

— Ничего особенного! Собака не была бешеной!..

— Не была бешеной!.. А вы... А они... Стыд и срам вам, Кириле Мамаладзе! Стыд и срам! — выпалил я и, словно подкошенный, опустился на мешок.

— Теофан, чей этот невежа? — спросил удивленный Мамаладзе мельника.

— Чей ты, парень? — спросил мельник меня.

— Ничей! — отрубил я и, не попрощавшись, вышел из мельницы.

Весь день 17 октября я раздумывал — рассказать деду о встрече на мельнице или нет. Наконец решил, что говорить об этом деду не стоит.

18 октября дед не захотел вставать с постели.

20 октября он попросил меня остаться дома.

25 октября у деда опухли правые рука и нога.

27 октября он подозвал меня и вручил ключи от ларя.

28 октября дед усадил меня напротив себя на низеньком стульчике и сказал:

— У всего на свете есть начало и конец, сынок... Не сегодня, так завтра наступит и мой конец... Это очень страшно — идти, не зная куда. И потому не совру — боюсь я смерти... Но ты не бойся, сынок!.. Если там, на том свете, нет ничего, то и бояться тогда нечего! А если смерть — это лишь преобразование человека, — тогда тем более нет основания для страха. Я вернусь в этот мир, вернусь в другом обличье — деревом, травой, птицей, собакой... И всегда я буду с тобой!.. Я никогда не оставлю тебя одного! Знай, сынок, что бы тебе ни доставило тепло и радость, — будь то даже простой камень, — это буду я, твой старый дед! Поэтому ты никогда не считай себя одиноком и не бойся одиночества... Об одном тебя прошу — не покидай наш дом, не дай погаснуть нашему очагу!.. Вернее твой отец — он должен найти здесь огонь, кусок мчadi и стакан вина. Об остальном он позаботится сам... Вот уже неделю мне снятся покойники, а твой отец ни разу не приснился. Значит, жив он! Сохрани ему, сынок, родной дом и доброе имя!.. Будет конец и войне! Войну начинают люди, и люди же положат ей конец. Быть того не может, чтобы война одолела человека... А теперь иди, принеси дров побольше...

В ту ночь я не спал. Дед молчал, не огрываясь, глядел на пылавший в камине огонь и чему-то улыбался.

29 октября ему стало плохо. Я приподнял его в постели и обложил подушками.

— Идет, идет она, благословенная, но очень уж медленно идет... — проговорил он.

30 октября дед снова подозвал меня.

— Приготовься, сынок!.. Завтра она дойдет до сердца... Ты не волнуйся... Все, что нужно, сделают соседи... Жаль только, нет у нас в доме женщины, некому оплакать меня.

1 ноября, в полночь, дед слез с постели и стал посередине комнаты.

— Гогита, я увидел его! — произнес он со страшной скорбью в голосе.

— Кого, дедушка? — спросил я, вскакивая с постели.

Дед навалился на стол, потом стал медленно сползать вниз и вдруг опрокинулся навзничь.

— Дедушка! — крикнул я. — Дедушка!

Дедушки больше не существовало.

Все произошло так, как хотелось моему доброму, мудрому деду...

Я оделся, открыл все двери и окна и вышел на балкон.

Наступало утро 2 ноября.

На холодном и блестящем, как зеркало, небе одна за другой гасли звезды. Я спустился во двор, босиком прошелся по росистой траве. Холодная дрожь пробежала по телу... Шумели неубранные стебли кукурузы... Проходя мимо грушевого дерева, я машинально нагнулся, подобрал и откусил грушу и только тогда почувствовал, что во рту у меня пересохло.

Спокойно, не спеша я распахнул ворота, пересек дорогу, подошел к соседскому плетню и позвал:

— Маргалита!

Никто не отозвался, было еще очень рано. Я позвал громче.

Скрипнула дверь, и на балкон вышла заспанная женщина.

— Кто там?

— Это я, Гогита!

— Случилось что, Гогита?

— Спустился во двор, дело у меня.

— Ты что, пьян, парень?

— Умер дедушка, Маргалита... И некому его оплакать... Я прошу тебя...

— Да что ты говоришь!

— Да. Умер дед. Прошу тебя, Маргалита, не откажи!..

Не сказав ни слова, Маргалита — непричесанная, босая — сбежала вниз по лестнице. Когда мы подошли к нашему дому, я пропустил ее вперед. Женщина вступила на лестницу, но вдруг остановилась и в замешательстве обернулась ко мне.

— Не бойся! — сказал я тихо и присел прямо на влажную траву.

Маргалита поднялась на балкон, повернулась лицом к деревне и распустила волосы...

Библиотека
01033

Дедушку хоронили в воскресенье, 4 ноября 1943 года.

Народ стал подходить после полудня. Шли группами — по признаку родства или местожительства. Перед каждой группой следовали плакальщики — двое детей со стружковым венком в руках.

Мои ближайшие соседки, взявшие на себя все хлопоты по устройству похорон, оплакивали скорее меня, чем деда:

— Несчастный ма-а-а-льчик, как же ты проживе-е-шь один-одине-е-е-шек, сирота бе-е-еденький!..

Я стоял у дверей с черной повязкой на руке и степенно, без слез и стонов, отвечал на рукопожатия соболезнующих.

— Ты поплачь, поплачь, Гогита, легче станет! — шепнула мне на ухо Маргалита. Я согласно кивнул головой.

Балкон, двор и даже дорога были полны людей. Стояли, судачили, делились новостями, спорили, кое-где даже смеялись...

Вдруг в толпе что-то произошло. Сперва она зашумела, потом наступила мертвая тишина. Люди расступились, и в образовавшемся коридоре показалась лохматая, грязная, с приставшими к шерсти шариками чертополоха Собака. Не глядя на людей, не обращая ни на кого внимания, Собака проследовала через двор, поднялась на балкон и заглянула в дедушкину комнату. Не найдя там никого, она вошла в зал, приблизилась к гробу, встала на задние лапы, передними уперлась в тахту, вытянула шею и... замерла. Долго смотрела Собака на спокойное, доброе и красивое лицо деда, потом повернулась, подошла ко мне и молча улеглась у моих ног.

— Слава тебе господи! — вырвалось у кого-то.

И тут я не выдержал, закрыл лицо руками и громко зарыдал.

Около пяти часов дня произошло другое чудо.

В комнату вошел Бадриа. Увидев лежащую у моих ног Собаку, он вздрогнул, но быстро овладел собой и с приличествующим обстоятельствам выражением лица направился ко мне. Собака вскочила, оцетинилась, оскалила зубы и сердито зарычала.

Бадриа отступил. Собака сделала шаг вперед.

— Но, но, пошла! — проговорил побледневший Бадриа. Собака глядела на него налитыми злобой глазами.

— Дай же поплакать над человеком! — попытался улыбнуться Бадриа.

Собака зарычала громче и приблизилась к нему.

— Скажи ей что-нибудь! — обернулся ко мне растерявшийся Бадриа.

«А она знает! Знает, да не может сказать!» — вспомнил я слова деда и сказал:

— Бадриа, уйди из моего дома!

«Если ты всегда будешь поступать так, трудно тебе придется в жизни», — вспомнил я слова деда и все же повторил:

— Уйди, Бадриа, из моего дома!

Бадриа ушел.

* * *

Утром меня разбудил какой-то шум. В одном белье я выскочил на балкон.

— Гогита, уйми проклятую собаку, чуть не загрызла нас! — кричали пришедшие за стульями соседи.

...Я окинул взглядом свое село.

Над домами вились легкие белые струйки дыма.

Пели петухи.

Мычали коровы.

Блеяли козы.

Кудахтали куры.

Из-за Концхоулы поднималось солнце.

Тело мое наполнилось теплом, и в ушах зазвонили веселые колокола.

В моем дворе лаяла собака.

Перевод Зураба АХВЕЛИАНИ

Михаил ЛОХВИЦКИЙ

Тквиавские были

В Горийский район я приехал для сбора материала о благородном рыцаре революции Ладო Кецховели, роман о жизни которого я писал. В селе Тквиави прошли его детские годы, в Горийском духовном училище учился будущий революционер и создатель нелегальной бакинской типографии «Нина».

Сидя в автобусе, я вспоминал корреспонденцию Ладо, опубликованную 9 марта 1894 года в газете «Иверия». «Нынче же, — писал он, — такая грязь... галтый снег так исковеркал дороги, что дилижансы и арбы еле движутся по Горийскому шоссе. В дилижансы, курсирующие между Гори и Цхинвали, владельцы впрягают вдвое больше, чем прежде, лошадей, но и это не помогает. Из-за грязи приходится так туго, что от Гори до Тквиави люди добираются лишь в сумерки». Не так легко вообразить себе непролазную грязь, когда едешь в комфортабельном автобусе по асфальтированной дороге. А каким я увижу Тквиави, где скот из года в год болел ящуром и из-за этого «плуги, вновь впряженные для вспашки паровой земли, все стали, и поля остались невспаханными», где «невозможно представить себе нужду, которую испытывает... крестьянин», где «народ сильно страдает от государственного налога и поборов»? Перебираю в памяти то, что писал Ладо о своем селе, то, что писали о нем в своих воспоминаниях другие. Семья Ладо жила в землянке. Рядом с землянкой священника Захария Кецховели рос гигантский тополь, обхватывавший в восемь толщину и Ладо с братьями стояли на том, чтобы этот, считавшийся в селе священным, тополь был срублен. Тополь срубили, распилили на балки и доски и построили дом. Дом, как мне рассказывали, еще стоит, и в нем живет сын старшего брата Ладо — Леван Николаевич Кецховели. Нико, отец Левана, оставил по себе в Картли благодарную память — отойдя в свое время от народного движения, он создал питомник, раздавал крестьянам Горийского уезда саженцы культурных сортов фруктов и обучал их европейскому садоводству. Другой сын Нико — ученый, ботаник, академик Николай Николаевич хорошо знаком мне — в годы моей учебы в университете он был ректором и был для студентов строгим, любящим и мудрым отцом. О Леване Николаевиче мне говорили, что это человек высокой культуры, обладающий прекрасной памятью, и поможет мне во всем, что связано с историей этих мест и вообще с жизнью и бытом далекого от меня времени.

За окном автобуса ровная, обнаженная, напоенная влагой январская земля. Равнина такая, словно бы по русским просторам едешь. Но далекие горы впереди напоминают о том, что это Грузия. Слева и справа от дороги — давно потерявшие листву сады, лишь кое-где мелькнет забытое сборщицами краснощекое яблоко. Сады тянутся, насколько хватает взгляда, перемежаясь иногда виноградниками. Горийский район невелик по площади, но дает шестую часть фруктов, заготавливаемых в Грузии.

Слева показывается большое сооружение из стекла. Парники? Мой сосед, смуглый мужчина в кепке, заметив мой взгляд, говорит:

— Через год приедешь, там зимой будут свежие помидоры, огурцы. — Здешний народ любит рассказывать гостю приятное. Попутчик мой спрашивает: — А птицефабрику новую видел? Не видел? Обязательно посмотри, стоящее дело, для всех горийских колхозов облегчение. Понимаешь, каждый колхоз должен был сдавать яйца, а у нас ни специального оборудования, ни достаточного количества кормов, себестоимость яиц была высокой, а птицефабрика

дает много яиц, за все колхозы работает, и у нас высвободились немалые средства.

Я спрашиваю, где и кем он работает. Попутчик показывает голову вперед — Из Тквиави я, колхозник. Скоро приедем.

В Тквиави мы въехали минут через пять. Мой попутчик за эти пять минут успевает угостить меня яблоком и объяснить, что это шампанский ранет, а кроме того, в колхозе выращивают еще зимний золотой пармен, банан, грузинский синап, ландбургский ранет... Мы уже вылезли из автобуса, а он все продолжал сыпать названиями сортов яблок, персиков и груш. На прощание мой попутчик назвал себя, пригласил в гости и объяснил, где находится колхозная контора. Фамилию его я тут же забыл, а колхозная контора не нужна была мне, ведь я направлялся к Левану Николаевичу.

Остановившись у диспетчерского автобусного пункта, я осмотрелся — не столько для того, чтобы узнать у кого-нибудь дорогу, сколько в поисках примет старого Тквиави.

Двухэтажные и одноэтажные кирпичные дома, крытые железом, на крышах телевизионные антенны. Напротив, слева, аптека, потом ателье, ресторан, большое светлое здание школы со спортивными площадками, какой-то стенд. Я перешел через асфальтированную улицу, стал читать надписи. Триста семьдесят семь человек ушли из Тквиави на фронт в 1941 году, сто сорок восемь из них остались в полях сражений. На стенде из портреты в военной форме — у кого в петлицах кубики, у кого погоны: пехотинцы, артиллеристы, танкисты, моряки... Задумавшись, я смотрел на универмаг, гастроном, мебельный и хозяйственный магазины, винный завод. Проехал мимо грузовик с газовыми баллонами. Ровным счетом ничего не напоминало здесь о старом селе, и вряд ли мне удастся восстановить в воображении быт и обстановку, в которых жил маленький Ладо. С этим чувством безнадежности (только историк и писатель поймут меня) я вошел в колхозную контору и нашел на втором этаже дверь с табличкой «председатель».

На стене над столом висел большой портрет Кецохели. Из-за стола поднялся среднего роста плотный человек, лет сорока на вид, с усталыми, но живыми глазами. Назвав себя, он крепко пожал мне руку. Осведомился о цели моего приезда и улыбнулся улыбкой доброго человека. Это был чуть ли не единственный случай, когда председатель Пимен Чихладзе оказался в своем кабинете, во все следующие приезды мне удавалось отыскать его где угодно, кроме кабинета, — то на ферме, то на полях, то перехватить в дороге. Чихладзе сказал, что через несколько минут в Доме культуры начнется отчетно-выборное колхозное собрание, и Кецохели будет там, а о том, в чем мне надо будет помочь, мы поговорим после собрания.

Я пошел с Чихладзе в Дом культуры, построенный в национальном стиле, и вскоре рядом со мной сел Леван Николаевич Кецохели — пожилой статный человек с бородой, с высоким лбом и со спокойными молодыми глазами. Не терпелось поговорить с ним, но, к моей досаде, нужно было слушать отчетный доклад правления колхоза.

Как известно, все доклады на свете одинаковы, все начинаются с перечисления успехов и достижений. Доклад Пимена Чихладзе совершенно неожиданно начался с другого: он заговорил о людях, обо всех тружениках, которые отдавали энергию и силу своих рук коллективному хозяйству, начиная с тех семнадцати бедняков, что создали первую в деревне артель. Руководителями артели были Васо Чихладзе и Сино Лобжанидзе. Пимен назвал прежних бригадиров, председателей колхозов, поблагодарил за выучку своего учителя, бывшего председателя, агронома Тариела Дзаманшвили, назвал тех, кто честно, упорно, не жалея времени, работает в колхозе сейчас — таких как бригадир первой садоводческой бригады Тенгиз Хабазишвили, как доярка Тасо Татишвили, как ветеран Великой Отечественной войны главный бухгалтер Георгий Хабазишвили, как бригадир Валериан Лотишвили... Фамилию эту я тотчас вспомнил. Так назвался мой попутчик по автобусу. Я увидел и его самого, он сидел неподалеку, узнал меня и приветливо кивнул.

Многие из тех, кого называл Чихладзе, сидели здесь, многих уже не было в живых, но тут находились их младшие сестры, братья и дети. В зале то и дело начинали аплодировать. Было что-то значительное, по-настоящему человеческое в том, что людям еще и еще раз напоминали — все, сделанное для общей пользы, не забывается, несмотря на годы. И я, прислушиваясь к теплому голосу Пимена Чихладзе, подумал: только трудолюбивый человек, знающий подлинную цену легкой крестьянской работе, может с таким искренним уважением говорить о людях.

В перерыве я спросил у Левана Николаевича о «землянках». Не перепутали ли авторы воспоминаний?.. Он пригладил рукой бороду и усмехнулся.

— Вы не первый, кто задает этот вопрос. Были землянки! Самые настоящие, вырытые в земле жилища, посередине столб, на котором держалась кровля из бревен, присыпанных сверху землей, в кровле отверстие для выхода дыма из очага, пол тоже земляной, из утрамбованной глины. Все крестьяне так жили, и мой отец вырос в такой землянке. — Он покосился на меня и необходимо прибавил: — Современные писатели, когда пишут о грузинском крестьянстве прошлого века, всегда немного украшают, улучшают их жизнь и быт. Вам трудно, наверное, представить ту нищету, в которой прозябали люди.

— Ладо писал, что в Тквиави крестьяне жили лучше, чем в других деревнях, что здесь всегда была вода и каждая семья продавала фруктов раз в два года на сорок рублей.

Леван Николаевич кивнул.

— Да, так. Но что за деньги сорок рублей на семью в течение двух лет?!

Леван Николаевич прибавил, что с большим удовольствием расскажет мне все, что помнит о временах своего детства. В том доме, который строили Ладо и его братья, жить ему, оказывается, оставалось недолго — колхоз строил для него новый дом, а в старом должен будет открыться музей.

После собрания, которое затянулось допоздна, Кецховели, Чихладзе и я медленно шли по примыкающей, освещенной лампами «дневного» света улице. Облака разошлись, и в небе горели крупные звезды. Тишина изредка нарушалась шумом автомашины.

— В дни моего детства, — сказал Леван Николаевич, — не то что улиц, дворов не было. Как стемнеет, сиди дома, а если уж нужно пойти куда, бери с собой палку отбиваться от собак...

Леван Николаевич хорошо говорил по-русски, так, как говорят старые грузинские интеллигенты.

Чихладзе повел меня ночевать к себе, в свой уютный одноэтажный дом. Я сразу обратил внимание на обилие газет и журналов, которые лежали повсюду — на столе, на книжном шкафу, на тумбочке возле кровати. Заметив мой взгляд, Пимен вздохнул.

— Не успеваю читать. — Подумал и сказал: — Завидую Левану, я почти не говорю по-русски и с каждым годом все сильнее чувствую этот пробел. Поэтому и отдал сыновей в русскую школу в Тбилиси... Так вот: спать вы будете здесь, на этой кровати, я — на той, работать вам будет лучше в другой комнате.

Я перебил, объяснив, что не собираюсь злоупотреблять его гостеприимством. Но Пимен, подняв руку, остановил меня и, перейдя на «ты», сказал:

— Ты можешь жить здесь, сколько захочешь и когда захочешь, и мне и моей семье это будет только радостно, и, кроме того, мне хочется, чтобы о Ладо Кецховели была написана хорошая книга.

И Леван Кецховели, и Пимен Чихладзе, не подчеркивая этого, проявляли к писательской работе то же искреннее уважение, которое они чувствовали к труду нахаря или кузнеца. Такое отношение к профессии писателя вообще в числе лучших традиций грузинского народа, и оно ко многому обязывает художника слова.

* * *

Долгими вечерами мы разговаривали с Леваном Николаевичем, он рассказывал о событиях, относящихся к концу прошлого — началу этого века. Многого знал и Пимен. Кроме того, показывая мне поля, сады, огороды и фермы, он знакомил меня со стариками, а они, в свою очередь, рассказывали мне истории, очевидцами которых были. Все переплеталось — нельзя было познакомиться с прошлым, минула настоящее, и невозможно было познать настоящее без прошлого.

Мы с Пименом съездили в входящее в колхоз имени Кецховели село Марана, на открытие новой школы. Мне вспомнились статьи Ладо, в которых он упоминал, что в Тквиави «среди крестьян мало кто грамотен», и рассказывал, как неудачно завершилась в 1891—92 годах попытка основать школу. Закачивая статью, опубликованную в «Иверии» в августе 1894 года, Ладо писал, обращаясь к местному дворянству: «Напоминаю благородному сословию нашей деревни, что не поддерживать такое дело грешно и недопустимо. Пора уже, чтобы люди жили по-человечески, а не оканчивали свою жизнь в ярме, как скот». При жизни Ладо школа не была открыта.

Словно бы подводя итог моим размышлениям, Пимен сказал:

— После установления Советской власти в бывшем доме князя Эристави открылось четырехклассное училище, в 1933-м оно стало средней школой. Здесь многие десятилетия проработала Дареджан Кецховели, супруга Левана, заслуженная учительница. Я тоже у нее учился. Эта школа дала двадцать инженеров,

двенадцать агрономов, шесть врачей, сорок два учителя, четыре геолога, пять юристов, семь экономистов, четыре научных работника, и еще пятьдесят выпускников тквиавской школы обучаются сейчас в вузах.

— У тебя хорошая память на цифры, — отметил я.

Пимен подтвердил без улыбки:

— Неплохая. Я помню все, что относится к нашему колхозу, к нашему селу, ведь я родился на берегах Лиахви. После института я одно время работал председателем квешского колхоза и три года скучал по Тквиави так, будто бы находился далеко-далеко. Может, я и неправ, но мне трудно понять людей, легко покидающих родные места. Во времена Ладо нужда гнала крестьян на заработки, они уезжали в Гянджинский уезд, но не оставались там надолго.

Мы возвращались в Тквиави. Пимен, сидя за рулем, рассказывал о том, что давным-давно, несколько веков тому назад, здесь были непроходимые леса, в которых укрывались крестьяне, бежавшие от помещиков. Вырубая лес, они селились на берегу Лиахви. Вахушти Батонишвили писал, что тут выращивали пшеницу, ячмень, кукурузу. Так же, как и повсюду в Грузии, здешние нивы не раз топтали и сжигали иноземные полчища. От тех времен остались развалины крепостей.

Председательский «козел» остановился возле дома Кецховели. Вместе с Леваном Николаевичем мы должны были поехать в Джаву, где после исключения из Киевской семинарии и тюрьмы Ладо работал писцом в канцелярии старшины Санакоева. Когда Леван Николаевич сел в машину, к нам подошел какой-то парень и, обратившись к Пимену, спросил, не нужны ли колхозу слесари.

— Откуда ты, где работаешь? — спросил Пимен.

— Из Гори, в гараже автобусном.

— А до этого?

— На комбинате был.

— Нет, не нужны нам слесари, — сказал Пимен, — нам нужны механики.

Парень отошел с огорченным видом. Мы поехали.

— Часто слышишь, что деревни пустеют, не хватает рабочих рук, — сказал я, — а к вам просятся из города.

— Жизнь у нас по быту ничем не отличается от жизни в Гори, — объяснил Пимен. — Но я таким не доверяю. Не успеешь принять, потребует приусадебный участок, помощь в строительстве дома, а как он будет работать, еще неизвестно. Не первый год наблюдаю — если у нас дела идут хорошо, к нам просятся, если неурожай, что-нибудь не так сложилось, никто не рвется в колхоз. Кстати, у нас в Тквиави своя проблема — не хватает земли для строительства жилых домов.

— Как же вы решаете эту проблему?

— Строительство многоэтажных домов пока ничего не даст. Крестьянин хочет жить в своем доме, иметь огород и сад. Может быть, с ростом урожайности мы сумеем часть посевных площадей отдавать под жилье. А может быть, именно рост доходов приведет, в конце концов, к отказу от своего участка и дома.

Легко оперируя цифрами, Пимен рассказал, что в 1940 году денежный доход колхоза составлял 120 422 рубля, в 1966 году — 418 049 рублей, в 1971-м — 600 000 рублей.

— Значит, материальный фактор был и остается для людей главным стимулом? — спросил я.

Молчавший до этого Леван Николаевич сказал:

— Любые лозунги, любые призывы и хорошие слова, не подкрепленные материальным достатком, ничего не стоят. Но увлечение только материальным достатком делает человека расчетливым, опустошает его душу, приводит к стяжательству...

Довольно долго мы ехали молча. Пимен резко остановил машину и, выйдя на дорогу, направился к трактору, стоявшему в поле. Издали я видел, как он что-то втолковывает трактористу. Пимен вернулся и, не объясняя в чем дело, включил стартер. Когда поле с провинившимся трактористом осталось позади, я спросил у Пимена, обязательно ли ему повсюду бывать самому. Уловив что-то подозрительное в моем вопросе, он ответил с досадой:

— При коммунизме будет не обязательно. — Подумав, прибавил: — Даже там, где работает автоматика, нужен оператор, чтобы нажимать кнопки, а у нас не автоматы, а люди, и каждый со своим разумением и нравом. — Кажется, вопрос мой здорово задел его. Помолчав, он снова заговорил о том же: — Над нами не крыша, а небо, когда солнце, а когда дождь, и того и другого иногда не хватает, а иногда — излишек, солнце не остудишь, дождь не выключишь. День не похож на день, а год на год. Кто же должен соображать, если не руководи-

тель? — Вдруг повернулся ко мне с широкой улыбкой на лице и закончил: — Вот за это все я и люблю свою работу.

* * *

Леван Кецохели переселился в новый, построенный колхозом дом. В старом доме после ремонта открыли мемориальный музей Ладо Кецохели, и Левана Николаевича назначили директором. А Пимен Чихладзе все так же работал председателем, по-прежнему вставал на рассвете и возвращался поздно вечером. Колхоз наградили орденом Трудового Красного Знамени. Я приезжал в Тквнави реже, но в эти свои последние приезды замечал, что у Пимена поседели виски, он жаловался на состояние здоровья и возвращался со всяких совещаний все более и более хмурый. Как-то в разговоре он обмолвился, что подумывает о переходе на другую работу. Меня это поразило, и я стал спрашивать, в чем дело. Ему не хотелось отвечать, и он перевел разговор на своих детей, на то, как ему хочется, чтобы они выросли честными, трудолюбивыми людьми. Потом он сказал, что все чаще и чаще колхозники стали отлынивать от работы, уезжать, возить фрукты со своих приусадебных участков на рынки русских городов и овощи на базар в Гори и Тбилиси. В конце концов мы разговорились.

— Почему это происходит? — спросил я. — Уменьшились доходы колхоза, снизились урожайность, заработки колхозников?

— Нет. — Пимен покачал головой. — Доходы растут, урожайность тоже. Возьмем фрукты. В 1964 году с 96 гектаров мы получили 378 тонн фруктов при средней урожайности 42,2 центнера, а в этом году мы получили по 85 центнеров высококачественных фруктов с гектара. Или сахарная свекла — в 1965 году ее средняя погектарная урожайность при плане 410 центнеров составила у нас 620 центнеров, а в этом году — 644 центнера. Не буду приводить других данных, чтобы не заваливать тебя цифрами. Скажу только, что на трудодень мы платим больше четырех рублей, а, скажем, десять лет назад платили по 1 рублю 69 копеек. Раньше у нас не было премиальной системы, сейчас мы за полученную сверх плана продукцию платим премии свекловодам, садоводам, овощеводам и животноводам, многие только премий получают по 400 — 500 рублей.

— Но, видимо, возить свои фрукты на базар все же стало выгоднее, — сказал я, — иначе кто бы заставил колхозников тратить время на поездки?

Пимен подтвердил, что я прав.

Получался вроде бы замкнутый порочный круг. В овощных магазинах фруктов и овощей не было, а если были, то крайне низкого качества. Пользуясь отсутствием конкуренции с государственной, кооперативной торговлей, колхозник на рынке взвинчивал цены. А это отражалось и на горожанах, и на колхозе — колхознику становилось выгоднее заниматься частным предпринимательством, своим приусадебным участком, и он работал в колхозе спустя рукава, что уже начинало приводить к потерям для колхоза.

— Насколько мне известно, — сказал я, — и в промышленности, и в сельском хозяйстве республики уже многие годы застой. А у вас как дела?

— Не все колхозы одинаковы, — ответил Пимен, — и не все колхозники одинаковы. Повсюду много трудолюбивых людей, на них-то все и держится.

— И все же, откуда у вас постоянно растущие покататели?

— В основном за счет тех, кто хорошо работает, скажем, в первой бригаде и еще в двух собирают большое количество центнеров яблок, а в других бригадах выращивают меньше. Средний показатель по колхозу все равно хороший. Кроме того, даже в бригадах, где работают слабее, урожайность все равно растет — больше стало удобрений, лучше используется механизация, мелиорация налаживается.

Мы проехали Цхинвали, въехали в Джавское ущелье, отыскивали внука того старшины Санакоева, у которого работал и жил Ладо, завуча джавской школы Николая Санакоева. Вместе с ним мы поехали дальше. Н. Санакоев показал место, где Ладо собирал крестьян на сходки, потом мы двинулись в сторону маленького горного села Тли, где родился Ладо.

Я продолжал думать о том, что рассказывали Леван Николаевич и Пимен.

— Скажите, — спросил я, — а куда все же деваются ваши прекрасные яблоки, я уж не говорю о других фруктах, об овощах, почему мы их не видим в магазинах?

— До магазинов они или не доходят, — сказал Леван Николаевич, — потому что дельцы переправляют их на базар, или доходят, но уже попорченными — они плохо хранятся, не хватает хранилищ, баз, тары.

— То есть огромный труд колхозников пропадает, идет насмарку?

— Частично, да, — подтвердил Пимен. — И все они об этом знают, они не слепые, и это обстоятельство — самое страшное зло. Представляешь, что может

произойти с человеком, если он начнет думать — к чему стараться, ведь на нашем труде наживаются нечестные люди, перекупщики, спекулянты?

— Но ведь внешне все благополучно — колхозы успешно перевыполнили планы, дают все больше и больше продукции...

— А вы никогда не слышали о приписках? — спросил меня Санакоев.

— О приписках я знаю. По этому поводу были ведь специальные постановления, людей наказывали. Но я не понимаю одного: скажем, в колхозах и в целом по району взяли и записали, что вырастили и сдали сто тонн яблок или мандаринов, а на деле их было пятьдесят. Каким образом можно скрыть эту разницу?

Санакоев усмехнулся и объяснил:

— Торгующая организация распишется, что получила сто тонн, а на деле получит пятьдесят. Из этих пятидесяти населению будет продано десять, пусть даже двадцать, а тридцать пойдет на базар, где будет продано по цене втрое-вчетверо больше государственной. На счет государства пойдет стоимость ста тонн, часть денег, и немалую, дельцы прикарманыт, и все будет шито-крыто.

— Но ведь в этом должны быть замешаны сотни, даже тысячи людей!

Санакоев выразительно посмотрел на меня.

— Есть и косвенные приписки: скажем, какой-нибудь район рапортует, что сдал десять тысяч тонн винограда или фруктов. Цифра соответствует действительности. На самом деле всего половину, а то и тридцать, даже двадцать процентов сдано колхозами, остальное получено заготовительными организациями с приусадебных участков колхозников.

— И у вас так? — спросил я Пимена.

— В нашем районе колхозы сдают примерно 14 — 15 процентов косточковых плодов, все остальное идет с приусадебных участков, а семечковых плодов мы, то есть колхозы, сдаем около 40 — 41 процента от общего количества. В нашем колхозе положение значительно лучше.

— Скажи, — спросил я, — а тебе есть в чем упрекнуть себя?

Он кивнул и, подумав, сказал:

— Наверное, нет у нас человека, который на твой вопрос не ответил бы по совести «да».

— Если бы в твоих возможностях было бы изменить все, с чего бы ты начал?

— Один в поле не воин.

— Я имею в виду не столько возможности, сколько твои соображения. Начнем с конкретных вопросов, о которых мы говорили, — хотя бы с доставки колхозной продукции.

— Я уже говорил, нужны хорошо оборудованные, механизированные приемочные пункты, где сортировка, упаковка фруктов будет поставлена на конвейер. Нужны хорошо оборудованные хранилища, куда будут закладываться фрукты на зиму. Нужно уменьшить число посредников. Идеально — колхоз производит и часть продукции реализует в ближайших городах, скажем, для нас в Гори, в Тбилиси, сам реализует, контролирует, проверяет, в каком виде наша продукция поступает к потребителю. Но всего этого мало. Тут более сложные вопросы. — Он задумался, потом сказал: — Фруктовое дерево входит в расцвет, полностью плодоносит через десять лет. То, что происходит, началось не в прошлом году. Надо напомнить всем о законе и, напомнив, начать убирать нечестных людей, заменять их хорошими кадрами и честными, и знающими, и энергичными. Но сразу это сделать, конечно, трудно.

С небольшими отклонениями, но в общем то же самое мне постоянно приходилось слышать и от других людей, от рядовых колхозников. Одни, их было много меньше, были довольны тем, что есть безнаказанная возможность сбывать овощи и фрукты по дороже, но в глубине души чувствовали, что так долго не продлится, другие, те, кто жил честным трудом, возмущались, спрашивали друг у друга и у меня, долго ли безобразия будут продолжаться. Одним из тех, кто особенно тревожился, был Леван Николаевич.

В следующий мой приезд он сказал, что его больше всего волнует судьба молодежи.

— Молодые, — рассуждал Кецховели, — особенно наблюдательны, они особенно категорично судят, особенно восприимчивы ко всему, и если они с детских лет будут замечать, что мы — их деды и отцы — говорим им одно, учим их одному, а в жизни делается совершенно другое, они перестанут нам верить и станут или бездеятельными, или пойдут тем путем, на который их будут толкать уродства жизни. Подумайте сами, представьте себе хотя бы нашу тквиавскую школу — педагоги учат ребят тому, что жизнь основана на справедливости, на правде, что всего можно достичь только хорошей учебной, честным трудом. И вот кто-либо из ребят, решивший стать врачом, мечтающий посвятить свою жизнь

благородному делу врачевания людей, едет в Тбилиси, в медицинститут, и его проваливают на экзаменах, а кто-то другой, который получил пятерки и которого зачислили в институт, рассказывает нашему неудачнику, что он попал благодаря взятке, данной его отцом экзаменаторам. Возвращается наш тквиавский юноша домой, рассказывает об услышанном товарищам, рассказ его расходитсся, как круги по воде, и вот уже какая-нибудь пятнадцатилетняя девочка говорит отцу: — Папа, я хочу стать доктором, ты должен... — Где я возьму столько денег? — отвечает папа-колхозник. — Ты учиись, дочка, одни попадают за деньги, другие благодаря способностям, знаниям. — Но девочка смеется над наивным идеалистом-отцом. Попадет она в институт или не попадет, станет врачом или не станет, но своим детям она не будет внушать, что главное в жизни честный труд, знания и способности. Вот что страшно, вот чему в первую очередь надо положить конец!

Мы ушли от сегодняшнего дня в давно минувшие времена, и я стал рассказывать Левану Николаевичу неизвестные ему детали ареста Ладо в Баку. Все самое опасное и трудное Ладо старался взять на себя. Узнав, что полиция арестовала помощника машиниста Виктора Бакрадзе, перевозившего шрифт для нелегальной типографии «Ирина», и боясь, что под арест попадут и другие рабочие, на квартире которых жили Ладо, Евсей Георгобани и Дмитрий Бакрадзе, всех их заподозряет в создании подпольной типографии, Ладо, скрывавшийся под документами бакинского домовладельца Николая Меликсы, назвал себя жандармом и спас от казни трех рабочих. Подвиг Ладо был не только подвижническим — он привлек тысячи рабочих к социал-демократической партии. И я усматривал связь между этим поступком Ладо и теми бессмертными подвигами, которые совершались спустя сорок лет на фронтах Великой Отечественной войны. Леван Николаевич, выслушав меня, кивнул головой и сказал:

— Вот на таких примерах и надо учить молодежь. А ведь для многих это чуть ли не сказка, выдумка писателей...

* * *

Некоторое время я не бывал в Тквиави.

Газеты опубликовали постановление ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома партии, затем состоялся тот пленум ЦК Компартии Грузии, на котором впервые за многие годы было открыто сказано о серьезном неблагополучии в народном хозяйстве республики, об очковитирательстве, разгуле спекуляции, взяточничестве, о недостатках в жилом строительстве, в сельском хозяйстве...

Наконец, я прочитал в газете о народном сходе в селе Тквиави, где говорилось, что рядом с честными тружениками в селе встречаются люди, отлынивающие от общественно полезного труда, стоящие не на площадке комбайна, а за прилавками городских рынков, спекулирующие фруктами, выращенными руками честных тружеников, одним словом, на этом сходе говорилось обо всем том, о чем мы беседовали с Пименом Чихладзе, Леваном Кецохвели и Санакоевым.

Однако, когда сейчас я решил снова отправиться в Тквиави, один из моих приятелей журналистов сказал, что о Тквиави писать не стоит, ибо, несмотря на решения схода, объявившего решительную борьбу за укрепление общественного порядка, в Тквиави было вскрыто несколько новых случаев спекуляции. Разумеется, я не обратил внимания на это предупреждение и выехал в Горийский район.

Пимена Чихладзе я нашел только вечером. Он был оживлен и выглядел по-прежнему энергичным и веселым. Я рассказал о том, что слышал от моего приятеля. Пимен рассердился.

— Такие люди, — сказал он, — не понимают, что мгновенные перемены происходят только в сказке или в цирке у фокусников — махнул палочкой, и в ящике уже нет человека. Если бы не тот сход и не борьба с недостатками, начатая после схода, спекулянты оставались бы до сих пор непоймаемыми. Судить о работе по таким данным, это все равно что членские, вредные требования какому-нибудь директору школы к учителям — не ставить двоек, иначе школу будут ругать за низкую успеваемость. По моему, твой приятель не знаком с решениями последних пленумов ЦК Компартии Грузии. Сколько раз уже говорилось на пленумах, что все меры по ликвидации недостатков и ошибок, допущенных за последние десятилетия, рассчитаны на длительный срок, что психологию человека сразу не переделаешь, что на это нужно время.

— А что у вас в колхозе? — спросил я. — Как восприняли люди перемены?

— Было время недопонимания, растерянности, даже недоверия — насколько, мол, серьезно все, что говорится. А теперь, уверившись, колхозники всей душой поддерживают решения Центрального Комитета. Повторяю, поддерживают, независимо от того, являются ли они членами партии. Лично я,

признаться, и обрадовался, и встревожился. Да, да, когда показалось, что всех председателей колхозов начнут менять, настроение у меня было скверное.

Я укоризненно покачал головой.

— Каюсь, но так было. Однако оказалось, что их вовсе не собирались снимать. Нет, все решается объективно, в зависимости от твоих знаний, честности и отношения к делу. А в колхозе теперь станет намного легче работать. И ты скоро заметишь первые перемены. Например, в овощных магазинах уже в этом году появятся наши фрукты и овощи. Помнишь твой вопрос о том, куда они деваются? Станет лучше с молоком, яйцами, картофелем, а в будущем году, вот увидишь, начнут снижаться цены на рынке. Одним словом, всем честным людям дышаться будет легче.

Я спросил, как идут дела с уборкой урожая, и узнал, что колхоз сдаст 800 тонн яблок вместо 650 плановых, что овощей будет сдано сверх плана около 50 тонн, что вообще по всем почти показателям колхоз идет с большим перевыполнением планов.

На другой день я провел несколько часов на приемочном пункте фруктов заготконторы потребкооперации. В больших складах высились штабеля ящиков, жарно пахло яблоками. Во двор то и дело въезжали автомашины с грузом. Ящики заносили в склады и ставили по бригадам, по сортам. Здесь с утра уже собрались члены комиссии по определению сортности яблок, и я впервые увидел, как придирчиво осматривают фрукты, как в зависимости от величины, зрелости, сохранности их раскладывают на четыре сорта. Заметив, что несколько крупных, красивых яблок угодили в четвертый сорт, я спросил, в чем дело. Мне показали на яблоках небольшие пятна и объяснили:

— Ударили или при сборе или при перевозке. Если пятно меньше двухкопеечной монеты, яблоко пойдет в третий сорт, если больше — это уже четвертый. На кожуре яблока первого сорта не должно быть никаких повреждений, даже крохотных царапинок, и внутри оно должно быть здоровым, крепким.

Возникли, конечно, споры, ведь решался вопрос оплаты труда колхозников — чем лучше сорт, тем выше оплата. Но члены комиссии, среди которых был и председатель группы народного контроля Гайоз Далакишвили, твердо стояли на своем. В общем, как я заметил, качеством яблок оставались довольны и члены комиссии, и бригадиры, которые в течение дня то и дело наведывались сюда. Довольны яблоками будут и горожане. В этом я убедился, попросив большое, сочное яблоко, отправленное комиссией в четвертый сорт. Представляете, как же вкусны тквиавские яблоки первого сорта?! Тбилисцы будут получать их в течение всей зимы, и поздней весной — зимние сорта хорошо сохраняются, не теряя своих качеств.

Пока шла сортировка яблок, мы с Пименом разговаривали. Показав на склад, Пимен сообщил, что с хранением фруктов стало лучше, лучшего качества и тара, но до тех пор, пока не появится складская механизация, автоматическая сортировка и упаковка фруктов, гадоваться рано. Другие поддержали его. И эта вот неудовлетворенность достигнутым, общее стремление к новому, лучшему и было залогом того, что завтрашний тквиавский день не будет повторением вчерашнего и сегодняшнего, что он станет действительным шагом вперед.

А вечером мы снова сидели с Леваном Николаевичем, толковали об отчаянных переменах и, как всегда, вспомнили Лало, говорившего, что только истина «равняет горы и доли», того Лало, который горячо любил свою родную Грузию и не покинул ее даже тогда, когда ему угрожала смертельная опасность. Уже из Метехской тюрьмы Лало написал брату Сандро, что ему «лучше было выбираться одно из двух: или навсегда оторваться от привычных любимых мест, или же продолжать, сколько возможно, мытарствоваться, волноваться, часто голодать и оставаться бездомным, только бы быть ближе к тому, что я считал святым, любимым делом».

— Я думаю, — сказал Леван Николаевич, — что все, кто любит свою родину, свою землю, свой народ, думая о сегодняшнем дне и решая сегодняшние проблемы, должны почаще оглядываться на таких людей, таких революционеров, каким был мой дядя, учиться у них самоотверженности, бескорыстию, честности и доброте!..

Программа — в действии

КО ВТОРОЙ ГОДОВЩИНЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС О ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКЕ

В ходе обсуждения проблем литературно-художественной критики, столь остро поставленного на повестку дня принятым два года назад постановлением ЦК КПСС по данному вопросу, неоднократно подчеркивалось, что глубокое общественное внимание к этому центральному звену нашего литературного развития ни в коем случае не должно восприниматься в качестве кратковременной кампании. Более того, как отмечалось в статье Г. Маркова «Равняясь на жизнь страны», опубликованной в №3 журнала «Вопросы литературы» за прошлый год, постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «О литературно-художественной критике» — это перспективная и долговременная программа действий для наших критиков.

И действительно, руководствуясь решениями XXIV съезда партии, постановлением ее ЦК о критике, этот головной отряд нашей литературы за минувшие два года добился заметных сдвигов к лучшему. Критика крепко стала на ноги, завоевала право решающего голоса. Авторитет ее возрос, резонанс усилился, диапазон стал шире. Выявились и определились ядро боевых, идейно и теоретически подкованных критиков, профессионально владеющих искусством критического мышления.

В целом сказанное справедливо и в отношении грузинского критического цеха. И об этом можно судить по нашей республиканской прессе, в частности по альманаху «Критика», журналам «Мнатоби», «Цискари» и другим. И теперь, когда критика во всеуслышание заявила о правомочности этого литературного жанра, стоящего на стыке науки и искусства, сочетающего аналитическую убежденность с публицистической страстностью, четкость идейных позиций с яркостью формы, — стало очевиднее то, чего ей еще не хватает, чтобы полностью отвечать самым высоким и справедливым требованиям, предъявляемым к ней партией, народом, интересам развития многонациональной советской литературы. Иначе говоря, добившись охвата шири, критика, преодолевая сопротивление материала, должна все больше забирать вглубь.

Еще не так давно в адрес грузинской критики раздавались справедливые упреки, и основной сводился к невозможности судить по ней о сегодняшнем состоянии грузинской литературы; отмечалось также, что внимание ее преимущественно было обращено не на решение актуальных проблем современного литературного процесса, а на лобование вчерашним днем, на литературоведческие изыскания, заслоняющие насущные задачи и перспективу поступательного движения вперед современной грузинской литературы, сужающие рамки ее взаимодействия со всей советской литературой.

Открыв сегодня республиканские журналы и газеты, читатель сможет составить представление о том, что есть на данном этапе наша литература — чем она богата, какие тенденции в ней наличествуют, в чем ее сила, слабость и т. д. Она узнает об отдельных авторах и произведениях, хороши они или плохи и почему...

Думается, и «Литературная Грузия» — не исключение в этом плане. Только в 1973 году мы постарались дать подробный обзор, подводящий итоги литературного года, а также обзор грузинской прозы за несколько лет, выявляющий основные тенденции ее развития.

Напечатали критические статьи, анализирующие такие глубоко современные романы, как «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе и «Кабахи» Ладо Мрелашвили, в которых дана широкая панорама жизни сегодняшнего грузинского города и села со всеми ее сложностями и противоречиями; мы рассказали о гражданской теме в поэзии Ално Мирцхулава и Григола Абашидзе; познакомили с творчеством Мурмана Лебанидзе и Арчила Сулакаури; сделали попытку дать критику критики — отметили находки и потери в критических выступлениях двух молодых грузинских критиков; в аспекте «Художник и пятилетка» подготовили беседы с прозаиками Нодаром Думбадзе и Резо Инанишвили, разрабатывающими современную тематику; предложили вниманию читателей ряд творческих портретов писателей, систематически ели разделы «В мире книг», «Литературные взаимосвязи» и т. д.

Всего, конечно, не назовешь, но каждый материал — это еще один штрих к картине современной грузинской литературы.

Пожалуй, теперь уже смело можно сказать, что магистральная линия критических выступлений нашего журнала — современность. А как раз о необходимости «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса» специально говорится в постановлении ЦК КПСС о критике.

Но это пока первая преодоленная нами высота на пути трудного восхождения к вершинным завоеваниям советской критической мысли, ориентиры которого нам указаны партией. Предстоит же взять еще многие пики критического хребта нашей литературы. «Сам ход развития литературы, динамика общественной и культурной жизни требуют повышения философского уровня критики, усиления ее роли в литературном процессе, в идейно-эстетическом воспитании читателя, — сказано в упомянувшейся уже выше статье Г. Маркова. — Размышляя о проблемах критики, неизбежно возвращаешься к проблемам развития всей нашей литературы, во имя дальнейших успехов которой и предьявляется сегодня строгий, взыскательный счет работникам литературного фронта, всех его подразделений».

Ближайшая же цель нашего журнала — добиться большей последовательности и целенаправленности критических выступлений, большей их глубины, разнообразия аспектов освещения рассматриваемых проблем, многообразия жанров, богатства форм подачи материалов этого плана.

Короче говоря, программа — в действии. И мы должны приложить максимум упорства и усилий, чтобы она была достойно реализована.

О ПРОШЛОМ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО

До опубликования новой исторической трилогии, которая описывает жизнь Древнего Египта при фараоне Эхнатоне, Афинского государства — при Перикле и Древнего Рима — при грозном Сулле, мы знали Георгия Гулиа по его интересным рассказам из жизни солнечной Абхазии, по объемистой монографии, посвященной своему отцу, видному писателю и общественному деятелю Дмитрию Гулиа (издана на русском языке в 1962 году), а также по двум его романам. Кстати, роман «Весна в Сагене» принес писателю большую популярность, и не случайно грузинская кинематография создала по этому произведению привлекательный фильм. Совсем недавно писатель издал сборник написанных им за последние 10—15 лет рассказов с заглавием «А если это любовь?» В него вошли 45 маленьких рассказов о «действительных происшествиях».

Параллельно с художественными произведениями, отображающими современную жизнь, автор интенсивно работал над исторической тематикой. Прежде всего он обратился к одиссее родной Абхазии, с которой познакомился еще в детстве с помощью своего прославленного отца Дмитрия Гулиа и соответствующих литературных источников. В рассказе «Черные гости», опубликованном в 1950 году, автор избрал темой тяжелое положение Абхазии на заре XIX века в когтях Османской империи, когда князь Кедеш Чачба изменил ориентацию, перестал служить султану и принял русское подданство, но погиб от руки своего сына Аслана (оставшегося верным султану), который так коварно обрек на смерть родного отца, хотя вскоре погиб и сам. При изложении этой трагедии, как отмечал академик Тарле, Георгий Гулиа не прибегал ни к преувеличениям, ни к искусственным эффектам. Кроме того, отмечая патриотизм Кедеша Чачбы и рисуя его рыцарский образ, автор произведения не забыл, что хотя Чачба играл положительную роль в тех событиях, он все же оставался феодалом. Благодаря всему этому вместе с другими достоинствами произведения Георгий Гулиа добился реалистического обобщения исторического материала, художественной убедительности в его интерпретации.

Все, что описано в «Черных гостях», действительно произошло в Абхазии в 1808 году. Писатель использовал как исторические источники, так и народные предания, которые ему были столь доступны, и добился несомненного успеха, давшего ему толчок для дальнейшей работы над исторической темой.

Рассказ «Черные гости» оказался своего рода литературным трамплином для написания исторического романа «Водоворот» — это об одном из наиболее тяжелых периодов в жизни Абхазии, когда не было предела коварству Беслана Чачбы и Бабыша Чачбы, когда поощрения со стороны Озбака Маана, Таташа Ачбы и их приспешников порождали страшную трагедию — махаджирство, или насильственное массовое переселение абхазских крестьян в Турцию.

Относящееся к истории пишется не для прошлого, а для настоящего — учил писателей Лессинг. Действительно, в историческом романе читатель должен видеть и историю, и современность. Если одна из этих сторон отсутствует, затраченный писателем для создания исторического романа труд окажется напрасным. Эту истину хорошо знал Дмитрий Гулиа и потому поучал своего сына: «История мертва. И если писатель оживляет ее, то только ради волнующих вопросов современности»¹.

¹ Александр Дымшиц. «Георгий Гулиа», 1965, стр. 22.

Прочитав трилогию Георгия Гуля, вы убедитесь в истинности этого положения.

Первая часть трилогии — роман «Фараон Эхнатон» — целиком касается той, знаменитой страны древнего Востока, которую в дельте Нила создали египтяне четыре тысячи лет назад и которую мировая история знает с давних времен под названием Египет.

Древний Восток был окружен каким-то сказочным ореолом и, как хефренский сфинкс, оставался неразгаданным на протяжении тысячелетий, пока на заре XIX века в изучении истории человечества не совершился переворот с помощью известного Розеттского камня. Гениальный молодой французский ученый Франсуа Шампольон первым расшифровал на Розеттском камне египетские иероглифы, положив в 1822 году начало египтологии как науки. Продолжавшийся в течение века самоотверженный труд исследователей — Гротефенда, Руулинсона, целой плеяды лингвистов — успешно завершился расшифровкой персидских, вавилонских, ассирийских, хеттско-урартских, древнефиникийских клинописных надписей, приподнявшей завесу над тайнами древней восточной культуры. В результате успехов, достигнутых в области египтологии и ассириологии, совершенно иной предстала перед современностью картина древнего Востока, а обнаружение Говардом Картером в двадцатых годах нашего века склепа Тутанхамона пролило свет на трагедию восемнадцатой династии египетских фараонов.

Не будь богатых материалов по египтологии, трудов Никольского, Тураева, Голеннищева, Море, Пиотровского и других исследователей, не был бы написан роман «Фараон Эхнатон». Мы имеем в виду чисто исторические факты, а не только сюжетную канву. С этой точки зрения роман Г. Гуля является подлинно историческим произведением, и его познавательная ценность совершенно очевидна.

Первая часть трилогии начинается прибытием в столицу Ахетатон Шери и Нефтеруфа — двух главных представителей заговора против Аменхотена Четвертого — представителя восемнадцатой династии фараонов Кем (Древнего Египта). Город Ахетатон был основан Аменхотепом Четвертым — Эхнатоном после свержения им культа Амона — более чем тысячелетнего по возрасту — и провозглашения Атона всевышним божеством. Замена амонизма атонизмом знаменовала реформацию в религии Древнего Египта, многобожие которой не мешало признанию Амона всевышним божеством, в то время как атонизм признавал единственным богом только Атона.

Легко догадаться, какие сдвиги должен был вызвать этот радикальный переворот не только в духовной, но и в политической и социальной сферах. Эхнатон отверг вместе с Амоном и старую столицу Кем и с молниеносной быстротой построил новый город Ахетатон как центр атонизма, где воздвиг и свой царский престол. Египтологи не случайно отмечают эту странность. В течение четырнадцати лет Ахетатон стал таким красивым, что многие ставили его выше Ниневии — столицы Ассирии.

Ахетатон действительно стал знаменитым городом за короткое время, но пал так же быстро, как только его строитель Нефер-Хеперу-Ра, он же Эхнатон-Ваэн-Ра, возвеличивший Атона — бога солнечного диска, покинул этот мир, переселившись на поля Иалу, как верили в это древние египтяне.

Роман завершается изложением фактов, имевших место в 1347 году до н. э. — в последнем, семнадцатом году царствования Эхнатона, охватывая последние три месяца его господства.

Писатель был обязан в художественных образах и картинах оживить немолчимые факты истории. Мы с удовлетворением хотим отметить, что когда автор заставляет Ка-Неферу говорить о том, как ее воспитывали, чему учили и чего ей не говорили (в частности об опасности «языка человеческого», об опасности «жить среди людей»), то ясно представляем себе, какой тиранией отмечена тогдашняя действительность. Еще более потрясающее впечатление производит судьба Нефтеруфа. Десятью годами раньше Эхнатон разорил в Уасете отца Нефтеруфа и других знатных представителей его рода, одних истребил, других сослал на каторгу, и от целого рода уцелел один Нефтеруф (бежал с каторги), и этот человек, борющийся всем существом против фараона, рассказывает Ка-Нефере о своей страшной трагедии. «Десять лет я ел землю под землей», «человек быстро становится кротом, живущим в земле», «род наш оказался с переломленным хребтом», «одни из нас погибли в горах за четвертым порогом или в Эфиопии. Другие сложили головы в Ретену (Сирия — Палестина. — Г. Д.) или на границе с хеттами». «Трудно найти свиток папируса, на котором можно уместить всю историю моего бедствия. Едва ли найдется и рука, которая сумеет описать все муки. Их может вынести только и только человек, и нет во вселенной животного, способного перенести нечто подобное», — говорит Нефте-

руф, и в его словах отчетливо раскрыта эта сторона быта Древнего Египта. Невозможно переоценить тот поток сведений, который и влечен и дошедших до нас папирусов, в частности о восстании низших слоев населения древнего Кемп за 400 лет до Эхнатона, когда рабы и крестьяне взяли в плен фараона, сожгли дотла его дворец и в один час разрушили столицу¹. В одном из папирусов описано: «Сердце в нищете, печаль в каждом месте. Города и деревни плачут. У бедняка нет силы, чтобы защитить себя от тех, которые сильнее его»².

Некоторые страницы кровавой истории восемнадцатой династии фараонов древнего Кемп являются достоянием творческой фантазии автора. Изображение последних трех месяцев царствования Эхнатона — задача весьма трудная и сложная. Взять хотя бы показ города. Только описание знаменитых галерей, красивых улиц, дворцов, храмов, воздвигнутых в честь Атона, царских покоев, ателе художников и жилищ зажиточных египтян оказалось бы недостаточным для создания картины нового города. У каждого города, древний он или новый, появляются заброшенные места, трущобы, как наросты на слабом организме. Автор трилогии поступил правильно, показав рядом с внешним блеском Ахетатона периферию, в частности сцену буйства пьяного Пепи на городской окраине. Обезумевший от вина молодой человек, женившийся месяц назад, категорически отказывается воевать против азиатов. Он изрядно выпил, горланит, буйнит на улице, ругает площадными словами весь мир, не слушается испуганных родственников, но готов скорее идти вместе с любимой женой Нефернан к прокаженным, чем сражаться с хеттами. Пьяный нозобранец Пепи визжит: «Я ненавижу весь мир! И всех вас!», «Я плюю на вашего фараона! На его дворец! На весь род его! Мне оно не страшно!», «Я ненавижу царя!».

Две главы, откуда приведены эти выдержки, имеют заглавия: «В трущобах» и «В семейном кругу», а в последующей главе — «Сеннефер» описывается окраина города, где живет старик Сеннефер — парасхит (бальзамировщик мумифицируемых трупов). Когда-то и Сеннефер принадлежал к знати, но Эхнатон так же разорил его род, как и род Нефтеруфа. Философские размышления над коварством жизни и самоанализ привели его к убеждению, что если железо поедается ржавчиной, то нет ничего вечного и бессмертного, и что следовательно, господству Эхнатона также скоро наступит конец. Одним словом, на фоне внешнего блеска фараоновского дворца ясно виден широкий характер оппозиции сверху вниз и снизу вверх. Эта оппозиция должна была еще больше усилиться после того, как Эхнатон порвал с Нефертити и избрал соправительницей Кийу. Одна из лучших глав романа — «В северном дворце» благодаря психологической глубине и самоанализу хорошо передает переживания Нефертити, ее дочери Меритатон, а также Сменхкары. После того как фараон официально объявил об отстранении царицы и на ее место торжественно возвел Кийу, надо было показать сложившуюся во дворце ситуацию, положение Нефертити и ее окружающих, поскольку все это являлось дворцовым переворотом, происшедшим в определенной форме. И автор действительно показал эту обстановку: глава эта изобилует на редкость человеческими сценами, убедительными ситуациями, мастерским построением диалогов. Принцип последовательного показа характеров соблюден до конца; никто из участников диалога, ни Нефертити, ни Сменхкара, не теряет своих личных качеств в тяжелые минуты испытаний. Первая показана той же умной, волевой царицей, заботящейся о будущем государства, а второй — будто только что перенесшим тяжелую болезнь мудрым человеком, с бледным лицом и добрыми глазами, которого не покидают степенность и ясный ум. Его «широкие скулы и правильной формы нос отражали словно бы два начала: мужское и женское, суровое и нежное». Сменхкара, как и Нефертити, нарисован с большой человеческой теплотой, и в этом отношении писатель неизменно следует магистральной линии египтологии, конечно в творческом понимании. Что касается обрисовки образа красавицы Нефертити в минуты тяжелого испытания, достаточно привести две выдержки, которые дадут полное представление о том, как встретила царица собственную трагедию. Она так говорит Меритатон: «Всякое сочувствие к себе — отвергаю! Сочувствовать надо не мне, а Кемп. Я думаю о том, что дальше? Надо думать о том, что будут делать наши воины на границах Кемп? Надо думать о том, что собираются делать служители Амона, не сложившие оружия. И о том — а это главное, — каково течение мыслей его величества. И соправительницы».

Вероятно, иначе и не могла сказать умная и опытная царица, которую постигла катастрофа. Но впереди ей представлялась еще более страшная бездна. Она потребовала, чтобы ей подробно изложили всю истину, ничего не скрывая и ничего не приукрашивая, тем более что она была готова мужественно встр-

¹ Древний Восток, 1953, стр. 43.

² Там же, стр. 42.

тить приближающийся самум, грозивший уничтожить созданное на протяжении двух десятилетий сказочное величие. В этих сценах Нефертити изображена не только как красивая, умная, рассудительная царица, но и как преисполненная воли женщина, мужественно переносящая государственные невзгоды, столь тесно связанные с ее личными переживаниями. И она кажется более умной по сравнению с не менее умным Эхнатомом. Она хочет знать подробности провозглашения Кийи соправительницей, не только чтобы выбрать правильные ориентиры действий, ислив до конца чашу горести; Нефертити надеется облегчить свои страдания. Ее поведение и в этом отношении вполне естественно. Сильная боль утешается только еще более сильной болью, подобно тому, как при большом свете мы ничего не видим. «За порогами Хапи много скал. Они крепки, как вебо. Если бы наша дорогая царица превратилась в одну из скал — не было бы скалы крепче ее во всем мире». Такова Нефертити, для которой дворец стал гробницей — скорбным дворцом со скорбящей царицей!

Эта трагедия связывается в нашем сознании с восприятием той красоты, которую мы ощущаем, созерцая скульптурный портрет Нефертити, обнаруженный немецким археологом Людригом Бокхордтом в Эль-Амаране (древнем Ахетатоне) в 1912 году. Все отзывы о красоте, уме, образованности и твердости характера Нефертити блестяще воплощены в ее портретном бюсте работы Тутмоса — главного ваятеля Эхнатона. Не случайно этот памятник искусства признан шедевром, равным образцам античной классики. Когда мы видим ее в «Северном дворце», охваченной скорбью и печалью, то невольно вспоминаем, что для царицы безвозвратно ушло время, когда она могла петь (по свидетельству египтологов она имела обаятельный голос) и играть на сестре. На протяжении всего романа Нефертити представляется нам как оживший шедевр Тутмоса, словно автор вдохнул в нее вторую душу, чтобы она предстала перед современным читателем как живое существо — царица и человек. И наша симпатия, наше сочувствие всецело на стороне Нефертити. Это — строгая красота, какую Тариэл узрел однажды, глядя на разгневанную Нестан. Есть что-то общее между Нефертити и Нестан не только потому, что обе царицы; они одинаково красивы, разумны, талантливы, образованны, одарены твердой волей, обураваемы сильными переживаниями.

На фоне сложившейся в «Северном дворце» обстановки в романе изображен мудрый человек Сменхкар — наследник фарасна, остро переживающий трагедию своей тещи — царицы Нефертити. «Глядя в темноту, он думал о будущем, точнее, о завтрашнем, о послезавтрашнем дне. Что ожидает их? Что готовит фараон стране? Каковы помыслы Кийи? Неужели фараон предаст забвению вечную любовь к Нефертити, любовь, о которой осведомлены даже последний немху и парасхит, любовь, воспетую в гимнах, отраженную в живописи, увековеченную ваятелями и сcribesами? Его высочество понимал, вернее чувствовал: наступила пора неизвестности, тревожности и борьбы. Но борьбы — с кем? С фараоном? Это невозможно. С Кийей? Это все равно что с фараоном! С Хоремхебом? С Пенту? Кто, какой мудрец скажет: с кем предстоит борьба? Но испытания наверняка предстоят. Надо быть готовым ко всему».

Эта необходимость быть готовым ко всему озабочивает, как видим, дворцовых чиновников, включая знать, а также представителей немху. Исключения не составляет пекарь Мааниатон, который десять лет назад именовался Мааниамом. Он знает все, он даже в курсе того, что творится под землей. Он шутник, говорит, неравнодушен к женскому полу, но питает неприязнь к Эхнату-ну и Нефертити.

К этому сословию принадлежит и Сорру, показу которой автор посвятил лучшие страницы романа.

Без преувеличения можно сказать, что одной из лучших глав первой части трилогии является глава «Сорру, Сорру, Сорру», в которой дана трагедия молодой красавицы арамеянки. Похищенную египтянами пять лет назад Сорру сделали наложницей, рабыней лавочника Усерхета, бросили в омут пьянства и разврата, лишили всех гражданских достоинств, попрали морально в одном из самых феешенебельных городов тогдашнего мира, но не смогли заглушить в ней высшее чувство человечности — любовь к родине. Кто может сосчитать, сколько миллионов Сорру претерпели такие же страдания на протяжении истории, сколько слез пролили их глаза, сколько стонов вырвалось из их сердец, сколько проклятий изрекли их уста, какие древние фолианты, какие гениальные книги могут передать их трагедию? Но достаточно воплотить образ одной из них в произведении искусства, и мы сможем в калейдоскопе этой одной судьбы увидеть одиссею миллионов. В чарующем, возвышенном, истрадавшемся человеческом образе Сорру так органически слиты типичное и индивидуальное, что в нашем представлении сразу оживают самые мрачные картины истории Беми и последующих эпох. В одном только описании нескольких страстных часов, проведенных ваятелем Тихотепом у Сорру, поставлен ряд острых проблем

есей философии жизни. Разговор об этом завел бы нас слишком далеко, но нельзя остаться равнодушным к тому, как горячо любит свою родину эта маленькая, красивая, слабая женщина, как мечтает она вновь увидеть родные места, близких, с какой силой пылает в этом нежном создании высокая патристическое чувство. «Весь мир мечтает жить в Ахатии», — говорит Тихотея Сорру, которую считает обыкновенной «беззаботной птицей», но получает совершенно неожиданный ответ: «Это только кажется тебе. И нашему фараону. Я предпочитаю свой родной оазис в каменной пустыне... может быть, и грязь. Родную... Ваш фараон жесток... Я хочу умереть... Ваш фараон превращает в рабов таких, как я. Он отрезает руки павшим врагам. Он принес горе нашему оазису».

Так говорит «эта маленькая женщина из лавки Усерхета», преданнейшая дочь своей родины, по принуждению ставшая наложницей.

С другой стороны, как возвышенна любовь Сорру! «Если любишь — пойдешь на все! — говорит Сорру любимому Тихотеу. — Что такое человек без любви? Простой камень на дороге. Булыжник. Кремень, из которого высекают искру посредством кресала... Я всей душой ненавижу бесчувственных». Такой яркой и чуткой нарисована Сорру, один из прекраснейших образов романа.

Невозможно, чтобы читателю не понравилась также глава «Когда споришь с самим собой», в которой говорится о размышлениях оставшегося наедине с собой человека. Наряду с естественным изложением психологических переживаний эта часть романа привлекает глубиной самоанализа.

В последующих главах речь идет почти о тех же проблемах, но участниками диалога выступают уже другие — фараон и преданный ему придворный Пенту. В обеих главах описаны сцены, происходящие ночью. Одна посвящена кровному врагу фараона Нефтеруфу, другая — самому фараону и его неразлучному царедворцу Пенту. Здесь, если не считать некоторых наивных диалогов, все показано так хорошо, что читателю становится совершенно ясным, почему Эхнатон поручает Пенту провозгласить Кийю сопровительницей фараона. На робкий, но тяжелый вопрос Пенту: «Твое величество, а знает ли об этом ее величество, мать твоих детей?», фараон отвечает: «Она узнает... от тебя... Ты это объяснишь ей как нельзя лучше». А чуть раньше фараон так сказал своему верному слуге: «Ее величество переедет в Северный дворец — туда, где до сих пор жила Кийя. Затем начинается веселье, входят музыканты. Автор проявляет знание египетского искусства, описывая древние инструменты, двадцатиструнные и семиструнные арфы, а также упоминая знаменитых кемских музыкантов-сочинителей — Ача, Рамеринта, Снофрунофру. Характерно и то, что старик Пенту показан как человек, отвергающий искусство, а Эхнатон — создатель нового бога и нового учения — преклоняющимся перед ним мещаном. Такие штрихи, естественно, придают жестокому и неумолимому Эхнатону благородный облик.

А Нефертити?

Автор сумел наряду с ее красотой убедительно показать государственный талант царицы, а также осложнившиеся в последние годы отношения между ею и фараоном, о чем умалчивается в дошедших до нас официальных материалах. Осложнение положения чувствуется и в главе «Главный военачальник», в которой дан диалог Эхнатона, Пенту и Хоремхеба о войне против хеттов. Один только Хоремхеб требует начать войну, но против этого возражают фараон и преданный ему Пенту. Умный, осторожный и хитрый Эйе, всегда старающийся оставаться в тени, тоже поддерживает фараона. В главах «Купец» и «Ваятель Джехутимес» перед читателем живо предстает вавилонянин Тахура — проныра, но вместе с тем умный, образованный купец (потом выясняется, что он — лазутчик хеттов). Богатые купцы, совершая путешествия не только из одной страны в другую, но и с одного континента на другой, кроме чисто экономических и коммерческих дел, выполняли культурно-политическую миссию, и мнимый вавилонянин Тахура в этом отношении не составляет исключения. Вначале он представлен так. Соблюдая должный такт и используя накопленный в течение ряда лет опыт, лазутчик хеттов умело собирает точные сведения о повседневной жизни как города Ахетатона, так и фараона Эхнатона и его семьи, о прекрасном фараоновском дворце, о настроении масс, умело использует эти сведения в интересах своей родины — Хеттского государства. Эти сцены колоритны и интересны. Мы имеем в виду восемнадцатилетнюю красавицу Май, помощника Джехутимеса — Тихотепа, лавочника Усерхета, ваятеля Ахтоя — мужа Ка-Нефер, мнимого купца Тахуру и цепь связанных с ними эпизодов. Лазутчик хеттов Тахура не довольствуется сведениями лавочника Усерхета и через близкого фараону ваятеля Джехутимеса узнает, что «его величество стойко держится мира».

В этой галерее действующих лиц дан привлекательный образ будущего фараона Сменхкары — Семнех-Ке-ре, исторической личности, сменившей Эхна-

тона. Автор посвятил ему специальную главу, которая стоит целого романа. В ней очень живо представлен Сменхкара — брат Эхнатона (от другой матери), он же его зять — муж Меритатон.

«Кеми нужна голова, а не ноги, не руки», которые у Сменхкары были слабые. Автор все время подчеркивает хилость будущего фараона: «уже серьезно заболевший Эхнатон, вскоре умерший в возрасте 37 лет, рядом с ним... выглядит настоящим борцом». У Сменхкары, по-видимому, здоровым был только ум. После вступления на трон фараона он прожил только три года, умер в возрасте 28 лет, успев лишь покинуть Ахетатон, вернуться к старому богу Амону, поскольку был уверен, что обожествленного Эхнатона Атона не признавало большинство знати и немху. Эта мысль выражена в диалоге между Сменхкарой и фараоном.

«... — Мне кажется, что не надо раздражать...

— Кого?

— Наших врагов. Знать. Жрецов Амона... Ты слишком прижал их своими могучими руками... Между тем и немху не очень благодарны тебе.

— Немху?! — вскричал фараон. — А эти чем недовольны?

— Все из-за того же Амона. Как ни говори, он у них в сердце.

— Ну, это их дело. Меня это не тревожит. Амон вычеркнут. Он стерт на стенах. Он изгнан из душ. Так пожелал его величество Яти. Он это приказал через меня!»

Но оппозиционное, скептическое отношение к новому богу, к новому учению не исчерпывается только этими фактами. Если кроме низших слоев значительная часть знати тоже тайно признавала старого бога, что вообще характерно на переходной стадии от старого к новому, то вполне естествен крах атонализма после смерти его создателя. Автор поступил правильно, показав соперницу Нефертити — красавицу Кийу тайной поклонницей Амона. Ка-Нефер говорит о ней: «Кийа никогда не была предана Атону. Эта хитрая женщина только на словах за Атона...». Ка-Нефер совершенно уверена, что Кийа возносит молитвы Амону.

Имея такое окружение, фараон, несмотря на твердость характера, талант и энергию, ничего не мог предпринять против усилившейся оппозиции. И если трон его не рухнул, то только благодаря антивоенной политике, исключавшей войну даже в обстановке осложненного положения на границах. Суждения фараона по вопросам войны и мира в беседе со Сменхкарой исходят из опыта умного правителя государства: «ни один негодяй (на царском троне. — Г. Д.) не приносил пользу стране. Может ли негодяй сотворить полезное только потому, что воссел на трон? Нет, такого не бывает! Вся история Кеми свидетельствует об этом...»; «наш великий завоеватель Тутмос Третий был головорезом по характеру своему. Будучи умным от природы и образованным, он приблизил к себе наиболее степенных и осторожных. Он как бы уравновесил чашу весов...»; «фараон мужает с годами... признаюсь тебе: я только-только начинаю постигать всю глубину государственной мудрости»; «сила моя подобна Хапи (Нил. — Г. Д.) в месяц Хойяк, когда воды заливают все Кеми. Я говорю не о военной силе, но о мощи духовной». Согласитесь, что сказано мудро. Иначе и не мог автор трилогии заставить говорить фараона, который весь свой талант и неукротимую энергию за семнадцать лет своего царствования отдал свержению старого бога, созданию нового учения, бурному строительству страны и установлению мирных отношений с соседними государствами. Поэтому не удивительно, когда говорят: тридцатипятилетний Эхнатон уже казался стариком. Проведение на протяжении ряда лет смелых реформ в идеологии и во всех отраслях социальной и экономической жизни должно было еще больше умудрить и без того умного человека, и Эхнатон изображен в трилогии именно таким: в диалоге с Сменхкарой автор заставляет своего героя сказать следующее: «Любое государство — большое или малое — нуждается прежде всего в справедливости. Что это значит? Справедливость по отношению к любой живой душе. Это раз! И справедливое отношение к соседям. Это — два! Нарушение справедливости в первом случае вызывает смуту внутри страны. Так было, например, во времена Сехемхета. Он сместил многих семеров, уличенных в жестокостях. Этими смещениями предшествовали восстания — весьма кровопролитные. То есть смещения запаздывали. На несколько месяцев... Теперь о втором роде несправедливости. Походы Тутмоса Третьего в соседние государства не решили по-настоящему ни одного вопроса. Враги остались врагами. Они не стали от нас дальше, несмотря на то, что наши войска топтали их земли. Разве все это не должно наводить на размышления?». Безусловно, Эхнатон первым думает об этом, принимает все меры, чтобы происходящие на границах с соседними государствами столкновения не переросли в войну, сдерживает своего полководца Хоремхеба, который наделен присущими значительной части военных ка-

чествами, всегда настроен воинственно и считает малейшую причину достаточной для того, чтобы двинуть войска.

Однако правителю страны, каким бы ни был он могущественным монархом, не всегда удается настоять на своем. Кроме его силы и внутренних устоев, действуют факторы, заставляющие предпринять противоположные действия. Каким бы миролюбивым ни был правитель, если враг напал на его страну, он будет вынужден взяться за оружие. Другое дело, как смотрит народ на своего правителя. История знает парадоксы, когда современники не ценили умных правителей или превозносили бездарных, но с течением времени история восстанавливала истину. С другой стороны, парадоксальны и такие отношения между правителем и его подданными, когда правитель думает и делает одно, подданные, не понимая своего правителя, поступают иначе. В «Фараоне Эхнатоне» автор по существу показывает двух Эхнатов: каков он в своем дворце, на царском троне, и каков в представлении народа. Прогрессивные для того времени ходы его политики оказались непонятыми, неприемлемыми и, возможно, не созревшими для древнего Кеми, и поэтому смерть фараона явилась роковой, катастрофической в деле проведения религиозно-идеологических и социально-экономических реформ.

Среди действующих героев романа весьма интересен образ семидесятилетнего Пенту — врача Аменхотепа Третьего и главного жреца (также врача) Эхнатона. Этот старейший слуга фараона столь болезненно переживает бегство Усеркаафа, что сразу же проявляет свое верноподданничество новому царскому престолу Эхнатона. Таких до конца преданных слуг у фараона, очевидно, было немало, как и противников, врагов и изменников. А разве не было противников, оппозиции у его дальних предков? Бывший Аменхотеп Четвертый, в дальнейшем именованный Эхнатоном, отлично знал, что фараоны всегда имели как внутренних, так и внешних врагов. Иначе не смогли построить свою жизнь ни могущественный Рамзес Второй, ни фараон Ниоп Второй. Первый правил страной шестьдесят лет, второй — сто, как отмечает автор трилогии. Он указывает и на то, что некоторые фараоны были убиты в своей спальне (например Аменхет Первый). И нельзя не согласиться с писателем, когда он говорит: «Фараоны были разные, с различными судьбами. Были среди них и те, что поумнее. Находились и поглупее. Были воинственные. И менее агрессивные. Но деспотами были все. Поголовно все!»

Но автор стремится подчеркнуть в личности Эхнатона положительные качества. Эхнатон бесстрашно сверг тысячелетнего бога Амона, не был агрессивен подобно Тутмосу Третьему, и его время «богато великолепными мастерами — гениями зодчества, ваия и живописи».

Но кто же все-таки был этот Эхнатон, с именем которого история Древнего Египта связывает религиозный переворот и возникшие на этой почве трагедии? «Жестокый маньяк» или «самая замечательная фигура в истории Древнего Востока»? «Безобразный деспот» или человек, сказавший «первое солнечное слово»? «Бесноватый эпилептик, вышедший из ада», или «умнейший муж», мыслящий трезво и рационально?

Учитывая все эти соображения, мы видим, что автор решил уклониться от максималистских тенденций и показать этого, несомненно, выдающегося деятеля Древнего Египта как человека со всеми человеческими недостатками, как правителя, опутанного сетями непреодолимых противоречий, но до конца остающегося нестигаемым и смелым.

История знает немало фактов, когда талантливые философы, цари и полководцы обращались к поэзии. Эхнатон принадлежит к их числу. «Его величество управлял Кеми не только рукой гранитоподобной, но и чудесной силой стихотворца». Автор приводит написанный Эхнатоном гимн, прославляющий бога Атона — бога солнечного диска.

Нефертити — жена внешне малопривлекательного Эхнатона — была одной из красивейших женщин своего времени. Об этом свидетельствуют многие источники, а также ее скульптурные портреты, созданные знаменитыми ваятелями Кеми. В течение долгого времени любовь фараона и царицы была безоблачной, но у Нефертити появилась соперница в лице молодой красавицы Кийи. После смерти Эхнатона последующие фараоны — зятья Нефертити вместе с царицей покидают город Атона — Ахетатон и возвращаются к старому богу — Амону; даже при отсутствии других свидетельств этот факт красноречиво говорит о том, что во дворце сложилось тяжелое положение. Именно на эти материалы опирается автор трилогии, когда главного героя своего романа заставляет сказать: «Если жена (Нефертити. — Г. Д.) не понимает тебя? Если зять — Семнех-Ке-ре (Сменхкара. — Г. Д.) мыслит по-своему? Если другой зять (Тутанхатон, он же Тутанхамон. — Г. Д.) тоже шагает не в ту сторону, а дочери твои (Меритатон — жена Сменхкары, Анхсенапаатон — жена Тутанхатона, что же касается Мекетатон — другой дочери Эхнатона и Нефертити, то к этому времени

ее уже не было в живых. — Г. Д.) не поддерживают тебя — разве это «нигеро-особенного?». Автор был вправе заставить Эхнатона сказать также: «Я чувствую, как жена моя и дети мои отдаляются от меня. Народ отдаляется от меня. Кеми уходит от меня». Как свидетельствуют исторические источники, опасения Эхнатона оправдались. После его смерти все, связанное с его именем, было низвергнуто в прах. Атонизм не смог сокрушить амонизма. Как утверждают египтологи, будущее тревожило славившуюся умом царицу Нефертити; в беседе с Эхнатонам она говорит: «Когда я думаю о судьбе Кеми, у меня кости делаются как вода. От страха перед будущим». И сам Эхнатон чувствует, что «фараон, низвергнувший Амона, бессилен перед жизнью и перед людьми, которые вокруг».

Очень живо, яркими мазками нарисован образ первого военачальника Эхнатона Хоремхеба, который, согласно историческим источникам, стал фараоном после смерти Эие. Но каким бы грубым ни был Хоремхеб, какой бы высокни пост ни занимал он при дворе, невозможно поверить, чтобы военачальник мог во время аудиенции разговаривать с самодержавным правителем Эхнатонам и его первым жрецом Пенту, как с солдатами: «садись: твое величество — сюда, Пенту — сюда!». Не было никакой необходимости в этом пассаже, грубость Хоремхеба и без того была очевидной, и такое подчеркивание кажется нам неоправданным и излишним. Тем более что исторические документы свидетельствуют о том, что Хоремхеб не пользовался уважением Эхнатона. Отношения между фараоном и первым военачальником, особенно в самый последний период царствования Эхнатона, которые легли в основу первой части трилогии, были крайне напряженными. Не случайно сразу же после описанной сцены сам автор комментирует: «Разве фараон искренне относится к Хоремхебу? Только-только терпит». Фараон хотел однажды отстранить его, но не смог — многие высшие сановники поддержали Хоремхеба.

Одним из интереснейших образов романа является также Шери — вдохновитель заговора против Эхнатона. Шери — цельный и последовательный характер, олицетворение гармоничного единства разума и чувств. Он действует спокойно, не торопясь, все точно оценивая, не рискуя. Ему все верят, и, конечно, читатель тоже не сомневается, что такой прозорливый человек, обладающий и знаниями, и твердой волей, способен низложить фараона.

Нефтеруф — человек совершенно иного склада. Смелый, но очень горячий, физически сильный, но несдержанный в выражении чувств. Его одолевает жажда мщения, и с вожделием вампира он ждет первой же возможности убить Эхнатона, нося всегда при себе отточенный нож.

Его возлюбленная Ка-Нефер прекрасна: воздушная и телесная, небесная и земная, нежная и стойкая, умная, одним словом — образ идеальной женщины. Она — одна из главных сообщников Шери, остающаяся до конца верной как в заговоре, так и в любви. Правда, заговорщиков мало — Шери, Нефтеруф, Сен-нефер, но оппозиция сильна не только среди немху, но и в верхах, и не случайно начальник фараоновской дворцовой охраны Маху берет на себя организацию убийства Эхнатона. В последний период жизни фараону не раз мерещился призрак смерти, но самым опасным являлся отточенный нож Нефтеруфа, едва не занесенный над Эхнатонам в мастерской ваятелей. Тогда фараон спасся благодаря бдительности царской охраны, которая не дала возможности Нефтеруфу убить его. Но в истории известны факты гибели многих предков Эхнатона в аналогичных ситуациях. Возможно, что и он не избежал бы такой участи, поскольку, кроме Нефтеруфа, было немало других обладателей ножей из хеттского железа, привезенных из столицы хеттов Хаттушаша, поскольку купец и лазутчик Тахура снабдил этим оружием не только бывшего каторжанина. «Этот нож в одно мгновение свалит бегемота», — говорит Тахура Нефтеруфу. Но внезапная естественная смерть вырвала Эхнатона из рук заговорщиков. Его смертью заканчивается первая часть трилогии.

Более трех с половиной тысяч лет отделяют современность от описываемых в «Фараоне Эхнатоне» событий, но нам близки и понятны психология и поведение героев романа. От зноя так же было трудно дышать людям, жившим во времена Эхнатона, как и сегодня бедуину в Аравийской пустыне. Острое ощущение зубной боли так же беспокоило древних египтян, как и сейчас людей 70-х годов XX века. Вино и пиво так же опьяняли древних людей, как нынешних поклонников Бахуса. Поэтому не должно нас удивлять, если в «Фараоне Эхнатоне» мы в таком изобилии встречаемся с обыкновенными, традиционными, тривиальными, общечеловеческими явлениями. В романе оживлена покрытая пеплом история.

Автор дал широкие картины жизни Древнего Египта, не обойдя даже систему воспитания. В частности, очень колоритно, с полным сохранением исторической истины он показал воспитание при дворе. Убедительно изображен

старый учитель Ихотеп, которому Фараон Аменхотеп Третий доверил воспитание своего сына — будущего повелителя Египта. «Царевич должен быть воспитан, как никто, — говорит фараон учителю Ихотепу. — Ты, Ихотеп, отвечаешь за это головой. Колотушек не жалей. Будь строг, требователен, не давай ученику своему спуска». Если в древнем Кемпи царевичей воспитывали колотушками и со всей строгостью, то можно легко представить себе, что творилось среди немху. Но дошедшим до нас тогдашним школьным рукописям видно, какие жесткие требования предъявлялись учащимся в Древнем Египте. Детей обучали с пятилетнего возраста и драконовскими методами муштровали в течение 12 лет. В одном месте учитель так говорит своему ленивому ученику: «Не проводи дни праздно, иначе побьют тебя, ибо ухо мальчика на его спине, и он слушает, когда его бьют... Я свяжу твои ноги, если ты будешь бродить по улицам, и ты будешь избит гиппопотамовой плетью!»¹. Если же учесть, что для тогдашнего египетского письма было обязательно знание семисот знаков (а количество всех знаков превышало эту цифру)², станет понятным, насколько прав автор, описывающий обучение и воспитание царевича фараоном и учителем Ихотепом с помощью колотушек. Надо отметить, что в романе абсолютюто точно воспроизведены нравы и обычаи описываемой эпохи вплоть до мельчайших деталей — манеры одеваться, культуры быта, даже кулинарии. «Я... тридцать лет изучал историю и искусство этой страны (Египта, или Кемпи — по древнему названию. — Г. Д.)», — говорит автор, и, подобно палеонтологу, по одной кости воспроизводящему образ мамонта, он из клочков отдельных фактов создает галерею цельных картин. В романе «Фараон Эхнатон» исходящая из реальности художественная фантазия доведена до подлинной реальности. В этом мы видим самую большую победу автора «Фараона Эхнатона».

Но при работе над такой сложной темой, в ходе описания исключительно напряженных ситуаций почти неизбежны отдельные неточности, небольшие ошибки, которые имели место даже у такого отличного знатока истории Древнего Египта, как Элизабет Херинг в ее замечательном романе «Ваятель фараона». Поэтому я не был удивлен, когда обнаружил, что и в основном тексте романа «Фараон Эхнатон», и в оригинальном, полемическом эпилоге автор ошибочно именует царицу Ти матерью Эхнатона. Ти была кормилицей Нефертити — жены Эхнатона (автор называет ее Ти), женой полководца Эйе, и стала царицей после того, как 18-летний фараон Тутанхамон скончался при загадочных обстоятельствах, и пожилой регент Эйе заменил его на престоле. Говард Картер свидетельствует: «Он (Эйе. — Г. Д.) был ближайшим личным другом Эхнатона, и его жена Ти была кормилицей Нефертити»³. Матерью Эхнатона была Тейе, самая влиятельная жена Аменхотепа Третьего — отца Эхнатона (Аменхотеп Третий имел много жен, среди которых Тейе, видимо, была первой царицей). Именно это было причиной того, что из многих сыновей Аменхотепа Третьего право на фараоновский престол имел только их сын — Аменхотеп Четвертый, он же впоследствии Эхнатон). Можно было бы даже не останавливаться специально на этом моменте, если бы не назывались везде ошибочно Ти и Ти без упоминания Тейе.

Следует также отметить еще один невольный ляпсус: в романе часто упоминается слово «бумага» вместо «письмо», хотя автор не мог не знать, что древние египтяне писали на папирусе и что существовали специальные составители писем, как, например, изображенный в романе Усенинефер — «начальник писцов». Он стоит перед разгневанным Эхнатоном и отвечает на вопросы фараона. «Скажи мне, Усенинефер, каков мой приказ насчет переписки с иностранными державами?» — спрашивает фараон. Усенинефер отвечает так: «Все бумаги показывать тебе, твое величество». Китайцы изобрели бумагу по прошествии длительного периода после эпохи не только папируса, но и пергамента (в I или во II веке н. э.), а египтяне начали употреблять бумагу еще позднее. Можно было бы придавать значения и этой оговорке, если бы слово «бумага» было употреблено только в одном месте, но оно встречается много раз. Однако важным для нас является то, что автор оживил образы мастеров Древнего египетского искусства — Тутмоса, Вака, Джехутимеса, зодчих — Маи, Туту, которые построили Ахетатон — столицу новой религии и в течение одного десятка лет сделали ее красивейшим городом, показал читателю их внутренний мир, убедительно и живо описал их деятельность.

¹ Древний Восток, 1953, стр. 70 — 71.

² Там же, стр. 71.

³ Говард Картер. «Гробница Тутанхамона», 1959, стр. 35, подчеркнуто нами. — Г. Д.

Автор трилогии глубоко проникает во внутренний мир своих героев и с большой психологической точностью описывает переживания своих героев. Иной иллюстрацией этого может служить следующая сцена: перед грозным фараоном Эхнатомом, которого почитают богочеловеком, стоит семер (правитель, нынешний мэр) города Ахетатона Псару, фанатично преданный своему владыке. Но что значит преданность для «богочеловека»? Достаточно, чтобы кто-нибудь нашептал фараону что-либо плохое о нем, и вчерашний верноподданный слуга объявляется подозрительным, ненадежным человеком, становится перед лицом рокового испытания. Так случилось и с преданнейшим Эхнату семером Псару. Фараону внушили, что им же самим построенный красивейший, богатейший город Ахетатон отказывается от повиновения, что некие наглые горожане создают беспорядок.

«Фараон встретил столичного семера недобрим взглядом. Он долго молчал. Ни слова не промолвила и Кийа. Она потупила взор. Несчастный семер трепетал, не зная, в чем провинился перед великим фараоном. В это мгновение он бы с удовольствием перемолол на своих зубах кусок гранита — лишь бы уйти отсюда поздорову. Но кто может сказать, что на уме у благого бога, пока не разверзлись уста его и слова его не достигли слуха? Может быть, пожурит он за нерадивость или придумает страшное наказание за то же самое, о котором потом долго будут помнить на земле Кеми? Но самое страшное, когда его величество молчит, когда взгляд его подобен летящей стреле. Тогда вымаливаешь у бога: скорей бы услышать даже самое страшное, скорей бы бонзилась стрела в самое твое сердце!»

Эта сцена нарисована мастерски, а в «Фараоне Эхнатоне» много подобных высокоталантливых описаний, и это дает нам право считать роман «Фараон Эхнатон» — блестящим вкладом в фонд советского исторического романа.

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

*Бывает — мнится, что из мелы времен
Я выехал однажды на коне.
Был долгим путь. Но потрудился он,
Чтоб современность стала ясной мне.*

Симон Чиковани «Грузинка-мать»

(Перевод В. Звягинцевой)

Сейчас много пишут о роли и назначении исторической тематики в прозе и поэзии. В частности, наша критика справедливо упрекает определенную часть творческой интеллигенции в том, что она с должной глубиной не вникает в суть этого сложного вопроса, что порою симпатии ее склоняются больше к прошлому. Между тем проблема остается нерешенной или же разрешается неверно. Тут, конечно, не может быть никаких рецептов, по которым должны создаваться произведения, посвященные минувшим эпохам. Речь идет лишь о партийной позиции и социально-классовом критерии при оценке исторического прошлого, которые помогут здраво и беспристрастно оценить его, с тем чтобы богатейшее наследие прошедших столетий слилось с проблемами современности.

«Ключ к пониманию современности — последовательно классовая, партийная позиция в оценке прошлого, опыта предшествующих поколений. Партия всегда придавала и ныне придает серьезное значение правильному, объективному освещению истории нашего государства.

...Непомерное любование прошлым неизбежно сглаживает классовые противоречия в истории того или иного народа, затушевывает противоположность и непримиримость прогрессивных и реакционных тенденций, притупляет бдительность в современной идеологической борьбе...

...Что же касается прошлого, то нам дороги прежде всего подлинно демократические, революционные элементы и традиции в истории нации. Мы видим нравственный пример не в «житиях святых», не в приукрашенных биографиях царей и ханов, а в революционном подвиге борцов за народное счастье. Мы ценим все, что создали гений, ум и труд народа на протяжении веков, но особую нашу гордость вызывает наша сегодняшняя социалистическая действительность»¹.

Здесь же надо сказать, что грузинские писатели не только разделяли такую же точку зрения, но и стремились увидеть историю глазами современника. Выступая в 1967 году с глубоко содержательным докладом на тему «Вопросы творчества молодых писателей», видный грузинский поэт Симон Чиковани подчеркивал: «Что же касается исторических тем — их тоже нельзя изгонять из советской литературы... Никогда не следует игнорировать современную тему за счет исторической. Историческое прошлое должно заговорить так, чтобы оно перекликалось с нашей действительностью; писатель должен стремиться увидеть историческое прошлое глазами советского человека...».

Через год он вновь вернулся к этому вопросу в докладе о нынешнем состоянии грузинской советской литературы и ее задачах, прочитанном на пленуме правления Союза писателей Грузии. «Советский писатель должен объяснить историческое прошлое с марксистско-ленинской точки зрения, — отмечает в нем, — и на этой основе осуществить его художественное воплощение. В любом произведении с историческим содержанием должны быть характерные для данного народа поэтические образы и характеры. В историческом романе народ должен жить, а не походить на неподвижных статистов. В произведении, построенном на исторической теме, недопустимо искажение прошлого, его приукрашивание или преднамеренное облагораживание, ибо история не нуждается в этом. В советской литературе недопустимы аполитичность и безыдейность.

¹ А. Яковлев. «Против антиисторизма». «Литературная газета», 15/XI—1972 г., стр. 4—5.

Это касается каждого художественного произведения, построенного на историческом материале. В нем должна быть видна подлинно классовая расстановка сил. Не следует сглаживать разногласия между сословиями. Ограниченность исторических лиц, живших в далеком прошлом, должна быть художественно, но только подтверждена, но и обоснована.

...Грузинская советская историческая наука достигла такого уровня, который дает возможность ясно представить процессы, протекавшие внутри общества в далеком прошлом, восстановить реалистические картины его. Восприятие далекого прошлого с точки зрения советского человека духовно обогащает художественное произведение, расширяет арену авторской фантазии. Тогда героическое прошлое действительности оживет и византийская фресковая манера поэтической образности будет преодолена».

В том же докладе Симон Чиковани остановился на исторических произведениях Константиэ Гамсахурдиа, который неоднократно высказывал суждения о сущности и назначении историзма. Не так давно в связи с 80-летием со дня рождения писателя к нему обратились с таким вопросом: «Вас знают как автора больших исторических романов. Считаете ли вы, что откликнулись ими на острые явления современности?». К. Гамсахурдиа ответил: «По моему мнению, никакого «исторического романа» не существует. Этот термин возник в последнее время. Роман есть роман, и рано или поздно любой роман станет историческим. Вчерашний день уже сегодня принадлежит истории, так же как прошлогоднее и позапрошлогоднее; поэмы Гомера тоже касались истории, но сегодня их никто не называет историческими поэмами. То же самое можно сказать о «Войне и мире» Льва Толстого. Если я когда-либо писал роман, он всегда чем-то перекликался с современностью. Поэтизирование исторического прошлого только тогда имеет резон для современности, когда сама взятая эпоха или ее герои и их характеры перекликаются с современными идеями».

Мысль весьма интересная, но в то же время спорная. Историческая и современная тематика действительно органически связаны друг с другом, но все же и та и другая представлены в грузинской литературе самостоятельно. То же, что сегодняшний день станет достоянием истории, это уже совсем другой вопрос. В данном высказывании особенно интересно мнение об адекватности исторического прошлого и современности, указание на то, что исторический материал должен быть освещен только с позиций современности.

В этом плане внимания заслуживает также спор, возникший в 1947 году между Александром Фадеевым и Симоном Чиковани. Этот обмен мнениями касался опять-таки актуальных проблем, связанных с исторической тематикой. С тех пор прошло более четверти века, но мысли, высказанные ими тогда, и сегодня не утратили своего значения.

«В изображении прошлого есть свое положительное начало: люди хотят осмыслить свою историю, это имеет немалое значение в деле подъема национального самосознания. Но есть именно «уход» в прошлое — там, где не до конца разоблачены националистические влияния, предрассудки и пережитки. В ряде республик имеются произведения родной литературы, которые дают совершенно неверное освещение истории данного народа». Это — выдержки из доклада генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева «Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года» о журналах «Звезда» и «Ленинград» на пленуме Союза писателей СССР в июне 1947 года¹.

Далее там же читаем: «...Было две России — Россия царская и Россия декабристов, Великого, революционных демократов, Россия Пушкина, Толстого, Чехова, Горького. Это, во-первых. Во-вторых, кроме колонизаторской России существовали другие государства-хищники, угрожающие существованию малых народов. Мы не хотим, чтобы идеализировали колонизаторскую Россию. Но мы хотим, чтобы видели историческую необходимость и прогрессивность вхождения в состав Российского государства для целого ряда народов, чтобы не быть им задавленными другими хищниками, которые увели бы эти народы с той великой дороги, на которую они могли вступить благодаря наличию передовой революционно-демократической России, России, матери величайшей культуры, России большевиков, Октябрьской революции, России, первой прорвавшей фронт империализма».

...Все прошлое нам необходимо — это верно. Мы должны его пересматривать и использовать из него лучшее. Но с точки зрения понимания сегодняшних задач укрепления дружбы народов, развития советского патриотизма, мы должны поднимать в прошлом наших народов передовых революционных демократов. Этим мы сделаем великое дело».

¹ «Литературная газета», 29 июня 1947 г., № 26.

А вот кусок из доклада С. Чиковани на пленуме правления Союза писателей Грузии, состоявшемся в сентябре того же года: «По вопросам значения и сущности произведений, написанных на историческую тему, мне пришлось выступить и в Москве, на пленуме Союза писателей СССР. Некоторые товарищи утверждали, что художественное восстановление далекого исторического прошлого не представляет интереса и не очень желательно. А тов. А. Фадеев выдвинул положение, что Россия Чернышевского, Белинского и Добролюбова имела друзей во всех нациях и что прежде всего такие люди должны служить героями наших исторических романов и повестей. Он же отметил, что, если бы некоторые народы в прошлом не связали свою судьбу с Россией, они попали бы в когти других государств и потеряли бы свое национальное лицо. В девятнадцатом веке были две России: с одной стороны, самодержавная Россия, с другой — Россия Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Поэтому главное внимание следует уделить теме дружбы между народами, историческим устоям этой дружбы, истоки которой начинаются с эпохи Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Тов. А. Фадеев посоветовал писателям нашей республики избегать писать о далеком прошлом и главное внимание уделить девятнадцатому столетию. С первой частью положения А. Фадеева я полностью согласился в Москве и, естественно, согласен и сейчас. А. Фадеев точно и ясно охарактеризовал прогрессивную роль России в истории наших народов. Но, как я заявил на московском пленуме и сейчас повторю, борьба наших народов в далеком прошлом против иноземных захватчиков — необходимая и нужная тема для советской литературы. На протяжении веков наш народ боролся против иноземных захватчиков, защитил свое национальное лицо и донес свою большую культуру до советской эпохи. Не будь этой борьбы нашего народа в далеком прошлом, он потерял бы свое лицо тогда же. Поэтому борьба всех народов Советского Союза против внешнего врага за сохранение своей независимости для всех советских народов является героическим историческим прошлым и представляет собой органическую для советской литературы тему. Гордость, вызванная борьбой наших народов в прошлом, — чувство, входящее в понятие советского патриотизма.

Таким образом, историческая тема многогранна и многообразна. Писатель может коснуться любой эпохи истории и создать желанное для читателя произведение, если он подойдет к взятому вопросу с точки зрения советского человека, советского патриотизма».

* * *

В 1940 году в лирическом стихотворении «Третья приписка» Симон Чиковани писал:

**Прошлое тоже собственность того,
Кто утвердился в чувстве нового.**

(Подстрочный перевод)

В этих строках поэт выразил ту же мысль, которую не раз высказывал в докладах, спорах, статьях: при отображении современности тот писатель ярче, правильно воспринимает наш сегодняшний день, который хорошо знает и верно понимает прошлое, способен связать их, исходя из твердых партийных позиций.

Симон Чиковани видел в героическом прошлом родного народа воплощение его мощи и патриотизма, его духовной культуры, несгибаемости, человеколюбия, доброты, дружбы между народами и стремления к миру. Глубокая любовь к истории проявилась в нем с детства. Мать будущего поэта скончалась при родах. «Меня отдали кормилице, в соседнее селение Тквири, — писал Симон Чиковани в автобиографии, датированной 1959 годом. — Селение это славились старинной церковью, окруженной вековыми дубами и чинарами. На стенах церкви — древние надписи. Я часто бывал в Тквири и в отроческие годы и любовался этими надписями. Возможно, там и пробудилась во мне любовь к истории родной страны»¹.

Потом мальчика воспитывали отец и бабушка, которые считались в селе большими книголюбями и образованными людьми. По словам поэта, они часто соزياлись в чтении стихов Руставели и Гурамишвили, Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели.

Семейная среда, нежная и богатая природа Мегрелии, добрые люди, памятники материальной культуры оставили в чистой и чувствительной душе будущего поэта неизгладимое впечатление. Окончив Кутаисскую гимназию, он переехал в Тбилиси, где попал в кружок грузинских футуристов. Тогда ему

¹ С. Чиковани. «Мысли, выступления, воспоминания», Москва, «Советский писатель», 1968, стр. 4.

было 20—21 год. Футуристы, как известно, отвергали историю и классическое наследие, особенно в сфере поэзии. В 1924 году уже признанный лидер футуристов Симон Чиковани заявляет: «...Форма, служившая ушедшей эпохе, неприемлема для современности... Если коммунистическая эпоха нуждается в новых формах искусства в фабуле эпохальных явлений, то она должна уничтожить все литературные вкусы и сформировавшийся формальный метод».

Несмотря на увлечение футуризмом и довольно туманное представление об истинном назначении литературы, С. Чиковани наряду с модернизированными стихами писал светлые, реалистические строки, объявлял себя наследником Николоза Бараташвили и Важа Пшавела. И это вполне понятно, ибо жонглирование словами и формалистские упражнения были несовместимы с подлинно поэтической натурой поэта. В подтверждение этого можно сослаться на его стихотворение «Посвящение Николозу Бараташвили», под которым стоит дата: «25-й год... осень». В нем юный автор с глубоким уважением обращается к своему великому предтече и просит у него прощения за то, что не смог выполнить его заветов, требующих бескорыстного служения родине и народу. Обещал, что подобно ему станет выразителем народных чаяний и докажет, что он истинный поэт.

В том же году написано и стихотворение «В поисках твоей тени». Так оно называется в издании 1960 года. В книге же, вышедшей в 1933 году, у него другое название — «Прощание». Объясняется это тем, что Симон Чиковани основательно переработал его, оставив неизменными лишь настроение и некоторые образы.

...Увлеченный мечтой поэт бродит в окрестностях Коджори и Манглиси в поисках вдохновения. И тут ему вспоминаются любимая, Бараташвили, покрытые мхом крепости, старая боль отечества, герои-предки, и он с надеждой смотрит «на открытые врата столетия». «Внизу суетится Тбилиси». Вид гор наводит молодого поэта на глубокие раздумья. В его возбужденном сознании прошлое и настоящее сплетаются воедино...

В 1926 году, будучи еще под влиянием футуризма, поэт вновь проявляет интерес к истории. Это видно из стихотворения «Прыжок Симона Чиковани», где наряду с нагромождением пестрых мыслей он пытается все же хоть в одной фразе, емко и своеобразно решенной, высказать свое сокровенное: «Время звало меня с высокой липы истории...».

Этот интерес к далекому прошлому никогда не покидал поэта. Но он старался смотреть на минувшее так, чтобы на фоне былых испытаний рельефнее отобразить нашу социалистическую новь. В силу этого прошлое и настоящее в творчестве Симона Чиковани гармонично дополняли друг друга.

Поэт считает, что те национальные и общечеловеческие боли, которые терзали гениального автора «Мерани», перешли к нему с запасом вековой энергии и что все это находит свое новое воплощение в современности. «Я твой потомок» — обращается 24-летний Симон Чиковани к Николозу Бараташвили со склона Мтацминды, куда он поднялся, чтобы помечтать. Следы «подков Мерани» навсегда остались на его груди. Как и Николоз Бараташвили, который все предшествующие эпохи, героический дух предков связывал или с настоящим, или с светлыми видениями будущего, так и Симон Чиковани особенно остро ощущает силу вечного движения, окинув мысленным взором минувшее столетие. Об этом говорится в стихотворении «Ночь Мтацминды», написанном в 1927 году.

Николоз Бараташвили близок молодому поэту, вставшему на сложный путь творчества, прежде всего умением передать пульс времени, в котором он жил, понять душевные боли народа, связать настоящее и будущее, с высоты своего поэтического откровения увидеть горе народа, духовному очищению которого он и посвятил свое творчество.

...Водопадом стиха он время рассек,
Вмиг услышал из будущего народа зов
И боли в песни превратил.

(Подстрочный перевод)

В однотомике «Стихи, поэмы» (1960 год) замечательное лирическое стихотворение «Не украсит меня» датировано 1927 годом. А в первом томе собрания сочинений, выпущенном в 1963 году, датой его написания назван 1938 год. Очевидно, первоначальный замысел сформировался в 1927 году, но, как известно, Симон Чиковани работал над своими стихами постоянно, и это стихотворение тоже претерпело глубокие изменения. Интересно оно тем, что в нем по-своему воспеваются вечность жизни, нестареющая душа поэта, нескончаемое стремление к совершенству и гармоничности, все то, что характеризует

«современного человека, корни которого прочно закреплены в прошлом. Его жизнь перекликается с древними камнями Тмогви и «колхским» плугом.

Порой сеятель я, порой рыбак,
Рано вкусивший сиротский хлеб,

Запечатлен на стенах Гречи я,
На горе Хвамли и в крепости Тмогви.

(Подстрочный перевод)

Этот мотив нестареющей души, преемственности поколений, вечных изменений и возрождений варьируется во многих стихах Симона Чиковани, правда, в разных аспектах, но всегда оригинально и увлекательно. Гордость, которую питает славное прошлое, вдохновляет подлинного творца на новые творческие достижения. В блестящем лирическом стихотворении «Посещение рыбака» (1935) поэт пишет:

Мы взобрались до небосвода,
Живем у рек, в степной дали,

В народе, в веянье народа,
В пьянящем веянье земли.

((Перевод Б. Пастернака)

Но прежде всего истоком вдохновения поэта является современность. Все новое в жизни любимой отчизны, родного города отзывается радостью в его сердце. Так в душе поэта рождается песнь. В стихотворении «Набережная», написанном в 1935 году, он с удовлетворением взирает на то, как «ловкие руки рабочих поправляют изломанные бока» Куры. Она лежит в гранитном ложе, как меч в ножнах, и словно «сливается с вечностью». Ранее бесполезная, Кура несет теперь в город дыхание жизни и «белым углем» высвечивает ночь. Стоящий на ее берегу поэт преисполнен мужественной силы «тбилисского стахановца», он подчинен темпу строительства, он звено непрерывной цепи движения: «И стоит Тбилиси, напоенный Курою, солнцем и летописью».

Особенно бурно переживает Симон Чиковани прошлое Грузии, и в основном трагические моменты ее истории. И тут уместно вспомнить слова известного советского поэта А. Суркова, сказанные в 1952 году на собрании актива грузинских советских писателей: «Грузинских писателей справедливо упрекают, мол, очень любите смотреть в историческое прошлое. Тот факт, что в этом году премии присуждены историческим романам, в том числе «Степану Разину» Злобина, говорит о том, что мы не против исторических романов, но в историю надо заглянуть для того, чтобы лучше увидеть сегодняшний день; а в грузинской советской литературе в некоторой степени установлена очарованность историческим прошлым».

Действительно, зачастую грузинские поэты и писатели, идеализируя прошлое, видели в нем лишь положительные стороны, и потому стражение истории в их произведениях было односторонним.

Симон Чиковани же совершенно естественно и непринужденно стоит на правильных социально-классовых позициях. Его цель — не приукрашивание прошлого, не поиски в нем возвышенного, а создание ясных поэтических картин минувших времен. В стихотворении «Золотое руно», датированном 1937 годом, поэт вспоминает неповторимые дни далекого детства, когда «в маленькую лужу у колодца» он спускал бумажные кораблики, мня себя Колумбом. Его мечтами, его виденьями, оплодотворенными любовью к истории родного народа, возрождены из пепла и Фазис, и «потерянное в Колхиде золотое руно». Теперь же он мчится на быстроходном катере по зеркальной глади прозрачного озера, а вокруг царит несказанно прекрасная природа новой Колхиды. Казалось бы, ничто сейчас не побуждает стусить краски поэтического видения, но Симон Чиковани продолжает вспоминать «сказанное бабушкой», не раз слышанное о трагической истории Колхиды.

Враг похитил руно с дуба,
Скоро потеряла Колхида блеск,
Зависть унесла клад богатый, и
Осыпали нас ветры пылью.

Болотный недуг охватил отечество,
Стала беспомощной страна Колхиды.
Наших красавиц купец потом
Кораблем доставил к воротам Босфора.

(Подстрочный перевод)

Поэт хорошо знает, что маленькая страна жила, окруженная бесчисленными врагами, с вечно поднятым мечом, устав бороться против вражеских полчищ; она то расцветала, то снова приходила в упадок, когда «полчища захватчиков», словно бури, проносились по ней. «Была ты в старину, слышал я, и стоявшей на коленях», — пишет он весной 1938 года в стихотворении «Родному народу». Все уголки разделенной и раздробленной Грузии осаждались врагами. «Много мечей было поломано» о тела и шлемы воинов, много ненаст-

ных дней и несчастий обрушивалось на трудолюбивый народ. И только свобода, принесенная Великой Октябрьской социалистической революцией, спасла его от истребления. В братской семье народов он достиг новых высот. И сегодня строит села и города, завоевывает небо и осушает вековые болота Кавказа. Он теперь сеятель не выходит в поле с оружием в руках, он уже «всадник, стал новец, герой-пограничник», каждый день которого осенен великой хартией Страны Советов.

Радуетесь ты, сплотившись с тобой Новым рожден, освещен
В великой Стране Советов множество Потомок великих сражений.
братьев; (Подстрочный перевод)

Поэт-патриот радуется невиданному расцвету и возрождению родины. Он счастлив, что канули в прошлое боли и беды мрачной поры. Сопоставив ее с современной действительностью, С. Чиковани преисполняется романтического пафоса. Он вновь и вновь обращается мыслью к своему великому предку и в стихотворении «Николоз Бараташвили» (1938) призывает восстать героя, «узреть обновленный край — родину, воскресшую из мертвых».

Зорким глазом летописца фиксирует Симон Чиковани все новое в жизни своей страны, чтобы отразить его в своих произведениях с ясных позиций социалистического реализма; но он пытается осветить увиденное не только с точки зрения сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Нежными чувствами обласкивает поэт «великое прошлое родного края», он считает себя счастливым человеком, так как способен мечтой разжечь подлинно творческий «костер» и при этом быть верным себе и времени; это ощущение передано им в стихотворении «В первый раз сказанное». Оно входит в цикл «Вышел из дому на путь родины» и создано в 1940 году.

Поскольку преклоняюсь перед сегодняшней
жизнью,
И меч предков нравится мне тоже.

(Подстрочный перевод)

В стихах этого цикла сближение с историческим прошлым также довольно ощутимо. Одно из стихотворений именно так и называется — «Сближение». Поэт верит, что в его воспитании, в формировании его духовного облика большую роль сыграла история родины, ее святые развалины, процесс вечного движения и обновления, все то лучшее, что сохранил народ на протяжении веков.

Возможно, воспитательницей была Вардзиа Кто укачивал меня в колыбели,
Или горе, связанное с Хертвис; Буря или руки матери?

(Подстрочный перевод)

Та же мысль реализована и в стихотворении того же цикла — «Рожденный из крепостной стены». Прибегая к своеобразной форме метафорического мышления, Симон Чиковани пишет, что насыщающий его кровью патриотический дух — плоть от плоти прошлого. Именно прошлое помогло стране найти брод, чтобы выйти на дорогу жизни, спасти себя и возродиться вновь.

В Сурамской твердыне для дел я созрел, Их ласковый мох мое тело согрел,
Хертвисская башня хранила меня, И тесаный камень сберег от огня.

(Перевод А. Межирова)

«Симон Чиковани, — отмечает критик Георгий Маргвелашвили, — поэт современности. Другой темы у него нет, и поэтому исторический материал в его поэзии тоже представлен весьма своеобразно. Нигде в его произведениях вы не найдете собственно эпического описания прошлого; оно — это прошлое — везде представлено, как ощущение современного человека, как часть души поэта, как один уголок его богатого духовного мира. В таких стихах, как «Теймураз Первый», «Вардзийский зодчий», «Посвящение мастерам-переписчикам рукописи «Витязя в тигровой шкуре», «У камина Важа Пшавела», «В обители Николоза Бараташвили», и других передан не столько вчерашний день, сколько сегодняшнее раздумье о вчерашнем дне, его сегодняшнее ощущение и осмысление... История для Симона Чиковани скорее материал, чем тема. Примечательно также, что при отборе этого материала проявляется определенная закономерность: поэта привлекает не «золотая эра» истории Грузии, а ее трагические эпизоды; его творчески интересует драматизм истории, а не эпизм. Драматическое восприятие прошлого, глубокое лирическое переживание и осмысление — вот от-

личительные черты поэзии Симона Чиковани, придающие целому ряду его произведений своеобразную монументальность.

Вышеназванные стихи и другие его произведения, написанные в разное время, лейтмотивом которых является оптимистическое восприятие трагических картин истории, ощущения современника, объединены в цикле «Предки»¹. Этот заголовок указывает на его назначение. Стихи эти созданы в основном в 40-х годах.

Мцхета — родина матери,
Не увяло благоухание ее лозы,

(Подстрочный перевод)

— заявляет поэт в посвященном Серафите лирическом стихотворении «Призраки Армази». Ему снятся лежащая в гробу прекрасная Серафита и «украшенная ее волосами Карталиния». А красоте не дано исчезнуть, красота вечна и несовместима с забвением. Поэт рассказывает о прекрасной дочери питиахша, он жаждет пробиться сквозь тьму и узреть воскресшую словно феникс Карталинию, где «жизнь уже не тщетное прозябание». Так современность увязывается в этом стихотворении с далеким прошлым.

Не менее оптимистично стихотворение «Гранат на могиле питиахшей». «Символика гранатового дерева не имеет подобия, — отмечает академик Александр Барамидзе, — оно пробилось сквозь огромный надгробный камень питиахшей, пустило корни, выросло, расцвело и сгибается под тяжестью спелых плодов, радуя глаз современного человека. Расцветший и красивый гранат — это воскресшая из мертвых, окрыленная Грузия¹. Думается, такое толкование идеи стихотворения не вызывает сомнения, ибо сам поэт говорит:

В твоём небе звезд мириады
Или слезы блестят,
Тень твоя или мечта моя,

Скажи все же, что
На твоих ветках? Тень древней Грузии?

(Подстрочный перевод)

Поэт много путешествовал по Грузии. И такой древнейший ее уголок, как Месхетия, подсказывал ему множество тем, вдохновлял на творчество. Именно с этим краем связана прекрасная картина, которую передал Симон Чиковани в своем стихотворении «Вардзийский зодчий», написанном в 1936 году. Поэт взирает на высеченные в скале своды Вардзиа, как на чудо, «мысль и размах». Он с благоговением вспоминает мастера, высекшего в скале на берегу Куры целый город, оставленный потомкам как символ могущества и неуемной страсти человека. Но кровавые столетия не сохранили имени мастера, создавшего этот шедевр. Сознание этого накладывает трагический отпечаток на стихотворение. И поэт обращается к мастеру со следующими пламенными словами:

Не к лицу тебе, мастер, забвень!
Сквозь ушедшие в вечность года

Не тебя ли мое поколение
Призывает в столетье труда?

(Перевод Н. Заболоцкого)

Под впечатлением Месхетии написано также стихотворение «Озеро Цунда». Сам Симон Чиковани писал о нем следующее: «Озеро Цунда расположено в Месхетии, недалеко от крепости Тмогви; некогда Цунда представляла собой большой город, который погиб от землетрясения. Сейчас здесь есть маленькое озеро, горящее словно взор природы». Но поэта интересует не только природа. Ему мерещится призрак бессмертного Шота Руставели, он связывает его облик и переданные им в «Витязе в тигровой шкуре» картины с картинами прошлого. Так на маленькое озеро возлагается функция хранителя тайн древней истории и символа современной Месхетии:

И дремлют в нем высокие мечты,
Твои былые мысли и страданья,

Сокровища труда и красоты,
Первоначальных дней воспоминанья.

(Перевод Н. Заболоцкого)

Посвящение мастерам-переписчикам рукописи «Витязя в тигровой шкуре» содержит строки благодарности тем неизвестным патриотам, которые боролись против Ирана и Византии, грудью прикрывая раненое отечество. Они, «как рыцарей, растили строки». Неоценима их самоотверженность и бескорыстная деятельность, ибо она способствовала сохранению и распространению запаса мудрости, которая способствовала духовному возвеличению Грузии.

¹ Журнал «Дроша», № 7, 1968 г.

Стихотворение «Книга летописца, нашествие татар» (1946) и тематически и идейно примыкает к циклу «Предки». Перечитав летописца, поэт ясно видит истерзанную стрелами землю, сожженные пожарами колыбели, уведенных из Карталинии девушек, раненного в грудь предка, вытоптанные копытами окрестности, татарскую дань и нашествие монголов, которые несли с собой все испепеляющий зной. Несмотря на неисчислимые бедствия, народ оставался непобедим и бессмертен.

С точки зрения противопоставления поэзии и царской власти, прошлого и настоящего интересно стихотворение «Теймураз обзрывает осень в Кахетии», созданное осенью 1935 года в Кахетии — на месте описываемых поэтом событий, что незамедлительно скажется на этом произведении, обострив авторское впечатление и образное восприятие минувшего.

Стихотворение это имело широкий резонанс, вышедший за пределы Грузии. Известный русский поэт и переводчик Павел Антокольский писал в 1947 году, что его удивляет последовательность поэта, будто неосознанная последовательность, когда Чиковани попытался для сегодняшнего читателя воскресить из мертвых грузинского поэта, жившего в начале XVII века, несчастного царя Кахетии Теймураза, которого лишили престола иранские шахи. Поэту понадобилось дать в руки Теймуразу оптический прибор — подзорную трубу, чтобы удесятелить его зрение:

**И Теймураз трубой стиха подзорной
В грядущее Кахетии глядит.**

Бинокль стиха, по мнению П. Антокольского, несколько искусственное изобретение, но метафора Чиковани оправдывает себя: это необходимо и органично для метода данного поэта. Так родилось со своим замыслом и четкостью деталей это одно из замечательных стихотворений.

По мнению Симона Чиковани, Теймураз оставил о себе память только благодаря тому, что был поэтом («Царя ведь царем никто не вспоминает, только притча украшает его могилу»).

Академик А. Барамидзе считает, что поэт решает эту проблему хотя и оригинально, но довольно спорно.

Историк Нодар Накашидзе, выступивший в газете «Литературули Сакартвело» со статьей (13/II-1970 г.) «Теймураз-царь и Теймураз-поэт», пишет о творчестве и деятельности Теймураза I, исходя из новейших достижений грузинской историографии. Опираясь на научно обоснованные материалы, исследователь утверждает, что Теймураз был не менее прославлен и как царь, как предводитель своего народа.

На концепции Симона Чиковани, думается, сказалось его понимание высокого назначения поэзии, которое он и выразил словами: «Царствует стих, а не цари».

Конечно, Теймураз не был столь же прославлен и популярен, как, скажем, Давид Строитель, царица Тамар или Ираклий II. Неоднократное лишение престола, бегство в Имерети, участие в братоубийственной войне и другие моменты биографии лишали его имя величия в глазах народа, несмотря на самоотверженную борьбу за независимость Грузии. И вот Симон Чиковани хочет показать измученному, несчастному Теймуразу его родную Кахетию сегодня, показать Грузию, занятую созидательным трудом:

**И мир не тот, каким он был когда-то, Здесь век семнадцатый на век двадцатый
И век иной повсюду утверждён, Глядит — и он, старейший, поражен.**

(Перевод В. Державина)

Симон Чиковани испытывает глубокое уважение к тем, кто восстанавливает правдивые страницы истории, помогая современникам установить истину. Памяти видного грузинского историка Иванэ Джавахишвили посвящено стихотворение «Прерванное слово». Книги ученого осветили дальние дороги, распутали сети истории. Приподняв завесу над многими тайнами прошлых столетий, Иванэ Джавахишвили возвел грузинскую историографию на новую ступень.

В годы Великой Отечественной войны в творчество Симона Чиковани были вписаны новые страницы глубоко патриотического и героического звучания. Как корреспондент, участник шефских концертов, он часто посещал передовую линию фронта. В своих стихах поэт хотел поведать всей стране о беспримерном героизме наших воинов. В стихотворениях, написанных в грозные военные годы, он рассказывал о примерах самопожертвования наших предков ради свободы родины. Связь прошлого с современностью делала его произведения еще более впечатляющими. В написанном в августе 1941 года стихотворении «Гамарджвеба» вспоминается тот замечательный обычай, когда на дорогах Гру-

зи люди встречали друг друга словом «Победа!» («Гамарджвеба!»). Это слово не расставалось с грузином ни в беде, ни в радости:

**В години бед, в нужде и на пирах
Нас это слово мужеству учило,**

**И знал грузин — врагов развеет в прах,
Родной земли невянущая сила.**

(Перевод А. Адалис)

Этот лирический настрой удваивает веру в победу, и поэт восклицает:

**Единой волей воодушевлен,
Народ исполнен праведного гнева,**

**Врага испепелять клянется он!
Отечеству родному — «гамарджвеба!»**

(Перевод А. Адалис)

Мост из прошлого в настоящее перекинут и в относящемся к 1942 году стихотворении «Сказанное во время наступления». Глядя на то, как советские войны готовятся к уничтожению «черных тевтонских танков» фашистских захватчиков, поэт, стоя на берегу Терека, говорит: «Никто из завоевателей не утвердился на грузинской земле». И в этих его словах звучит надежда, логическое завершение которой реализовано в последующей строке: «Уверенно идут, скоро перейдут реку».

В том же году создано и стихотворение «Грузинка-мать». Поэт воскрешает бессмертный образ матери, воспитавшей девять сыновей и отправившей всех их на борьбу с врагом. Они сражались героически и, падая, передавали знамя другому. Так оно вернулось к матери, которая теперь сама возглавила воинов. Эту героическую страницу нашей истории Симон Чиковани увязывает с современностью. Свое стихотворение он заканчивает так:

**Смерти не страшась во имя жизни,
От лица отбросив покрывало,**

**— Отдадим всю кровь свою отчизне! —
Мать-грузинка к воинам зывала.**

(Перевод В. Звягинцевой)

В стихотворении «Кто сказал...» (1944) своеобразно осмыслены любовь, история отечества и современность. Благодаря духу историзма, благодаря героизму предков Грузия сохранила себя, не склонилась перед врагом и по дороге славы дошла до наших дней. Окидывая мысленным взором просторы любимой страны, поэт с гордостью вопрошает:

**Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая?**

(Перевод Н. Тихонова)

Характеризуя поэзию Симона Чиковани за тот период, Георгий Натрошвили отмечает: «С. Чиковани пишет о настоящем, о бурных днях Отечественной войны советского народа, но в то же время в его строках звучит и голос наших предков; глазами реалиста он видит те нити, которые неразрывно связывают историю и сегодняшний день народа. В стихах поэта мы ощущаем непрерывность течения истории, ее мощное дыхание».

Поэт пишет об истории только потому, чтобы воспеть бессмертие народа. В чем своеобразие его историзма? При передаче прошлого он касается не того, что рассеяно во времени и пространстве, он описывает не то, что погбло, а ищет и находит вечнозеленое и вечно бессмертное зерно, таящее в себе жизнь. В этом заключается победный пафос как его творчества, так и социалистического реализма вообще. Для поэта история никогда не мертва, никогда не канула в небытие. Так писать об истории может только тот поэт, который твердо стоит на почве социалистического реализма. Он берет из истории только то, что не подчиняется смерти, что бессмертно, что непреходяще».

Симон Чиковани убежден, что движущей силой, основой всякого достижения была, есть и будет любовь к родине. Именно она помогает человеку достичь недостижимое. В «Диоскурии» — стихотворении высокого патриотического накала — поэт заявляет: «Никому не под силу растоптать народ». С помощью прекрасных поэтических образов, своеобразного метафорического мышления он впечатляюще и страстно говорит о животворном чувстве патриотизма, которое не имело начала и не будет иметь конца, о чувстве, которое было первоисточником сохранения твердости, единства, национальной энергии.

Дружбу между народами, интернационализм Симон Чиковани считает одним из неотъемлемых качеств человека. Он хорошо понимал, что дружба грузинского народа с русским, украинским, армянским и азербайджанским имеет вековую историю. Именно она придавала силы маленькой Грузии, звала ее приобщиться к великим идеалам гуманизма. Симон Чиковани всегда с благо-

дарностью вспоминал тех дальновидных деятелей прошлого, которые способствовали духовному сближению Грузии с Россией.

«Дружба грузинского народа с русским, — говорил Симон Чиковани в 1947 году, — начинается не с XIX столетия, ее истоки берут начало в XVII-XVIII веках. Идеи, завещанные Вахтангом VI, Д. Гурамишвили и Сулханом Саба Орбелиани, еще более четко выражены в поэзии Н. Бараташвили, который обосновал их с удивительно ясной политической прозорливостью. Видные представители грузинской литературной мысли 60-х годов минувшего столетия Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, с одной стороны, продолжают эту историческую традицию, с другой — характером своего мышления сближаются с Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, разделяя их передовые взгляды. Идеи сближения с Россией они придают новое содержание».

Вдохновленный высоким чувством братства и дружбы, Симон Чиковани пишет стихотворение «Письмо друзьям»:

У походных костров на коротком привале Волго-Дону дорогу в степях пробивали
Мы казек побратались в просторах земли, И к Тбилиси иорскую воду вели.

(Перевод А. Межирова)

Большая любовь к русскому народу выражена в стихотворении «Сумерки на горе Св. Давида». Здесь поэт вспоминает двух сестер — дочерей А. Чавчавадзе, близкие которых стали жертвами несправедливости. Супруг Нины — великий русский поэт Александр Грибоедов пал в Персии от кинжала фанатика, а Николоз Бараташвили скончался в Гяндже. Их святые имена навеяли поэту следующие строки:

В сумерках скачет Картли мерани,
Глядя на Севера звезды.

(Подстрочный перевод)

Дочери выдающегося армянского поэта, певца дружбы между армянским и грузинским народами Ованеса Туманяна — Ашхен Туманян Симон Чиковани посвятил стихотворение «В Кварели». Здесь, во дворе Дома-музея Ильи Чавчавадзе, сидят Симон Чиковани и дочь Ованеса Туманяна. Они вспоминают Туманяна, воспламененного чувством дружбы между народами, его любовь к Илье Чавчавадзе и к другим известным деятелям грузинской культуры, литературы. Это интернациональное единство, ставшее возможным при социализме, по убеждению поэта, восходит к далекому прошлому, когда передовые люди эпохи закладывали фундамент братства:

Поднимем в Картли мы полные чаши,
Любимой отчизне сказав об отцах:

Великих отцов мы поэзии нашей
Имеем, что братство крепили в сердцах.

(Перевод Н. Тихонова)

Подлинным глашатаем дружбы между народами был великий Ленин, с именем которого связаны все завоевания Октябрьской социалистической революции. На эти мысли поэта наводит памятник вождю мирового пролетариата. Дружбу, которая началась со времен Пушкина и Лермонтова, Ленин наполнил содержанием и навечно утвердил для счастья наших народов:

...У горы, где рушатся воды потоки, По которой Пушкин шагал, осенивший ее
Ленин стоит и глядит на дорогу, своими стихами.

(Подстрочный перевод)

По убеждению Симона Чиковани, труд всегда был и есть основа созидания. И он от души поет тех, «кто строил и строит страну». Любовь к труду и созиданию всегда сопутствовали нашему соотечественнику. Держа меч в одной руке, он другой сжимал мотыгу. Пахарь становился защитником крепости, родины и семьи. А с наступлением мирных дней он вновь возвращался к труду. В 1948 году, путешествуя по Атенскому ущелью, Симон Чиковани создал стихотворение, в котором описывает гостеприимство в семье трудолюбивого колхозника. Именно здесь у поэта возникает желание поднять тост за «сегодняшнюю Грузию». Он смотрит на хозяйна и, вдохновленный героической историей Грузии, слагает следующие строки:

Показалось: хозяйна где-то
я видел, но припомнить никак не могу.
Может, пахарь он древний,

Защитник Атени, воин, насмерть
стоявший у крепости в Гори.

(Подстрочный перевод)

Дар поэта, его богатое воображение помогали не только воскрешать картины исторического прошлого, но и мастерски связывать их с современностью. Возьмем хотя бы внешне непритязательное стихотворение «Ручеек» (1936). Чет себе маленький ручеек и «шепчет в тишине». Его бормотание навеивает поэту думы о прошлом:

Может, ручеек — это что-то слезы Или Андромахи
Или роса из тенистого сада, Излилось слезами...
Может, горе матери Зураба

(Подстрочный перевод)

Или стихотворение «Отара овец» (1949). Поэт описывает, как работает ночью, а по улице движется отара. Он выходит на балкон, и вид этого белого потока рождает неожиданные ассоциации:

Площадь круглую всю запрудила отара, Вспомнил прошлое: алые вспышки пожара,
Стих оборван, Вспомнил битвы в горах и отары в огне.
и больше не пишется мне.

(Перевод К. Арсеновой)

Не только в стихах и поэмах связывает Симон Чиковани трагические картины исторического прошлого с современностью, но и в статьях, очерках, воспоминаниях, выступлениях. Эта тема настолько органична для него, что всегда и везде выливается естественно и непринужденно. Можно привести множество примеров того, как поэт связывает дела и имена славных предков с нашей действительностью.

В статье «Лирические стихи Акакия Церетели» Симон Чиковани пишет: «Любовь Акакия Церетели к бедному крестьянству является в то же время основой патриотического чувства и его оправданием. Любовь автора «Рассвета» к родине можно назвать народным патриотизмом. Этим общественным чувством он перекликается с духовной жизнью советского народа и словно становится его идейным спутником»

В статье «Слово, брошенное в недра народа» мы читаем: «Важа Пшавела, как поэтическая тема, ворвался в новую грузинскую поэзию и своим героическим духом, своим прямым характером оказался созвучным духовной жизни советских людей. В свое время он явился нам как певец красоты жизни и борец за ее утверждение. Благодаря этим качествам он стал родным советским людям и его мысли органически слились с советской действительностью».

Симон Чиковани часто делал предметом суждения отображение грузинскими писателями истории, минувших эпох. Его мнение на этот счет можно встретить в очерках о творчестве Акакия Церетели, Давида Гурамишвили, Василия Барнова и Нико Лордкипанидзе. Ближе всего ему было отношение к истории Нико Лордкипанидзе, который никогда не приукрашивал картины прошлого. Вот выдержка из статьи, посвященной его рассказам: «В творчестве Нико Лордкипанидзе особое место занимают рассказы, написанные на исторические темы, или, как автор сам их называет, эскизы исторических романов... «Лихолетье» — одна из характерных картин жизни Западной Грузии в эпоху позднего феодализма, где обо всем рассказывается без утайки и все недостатки минувшего бытия осуждены... Будто главная задача автора «Лихолетья» и «Рыцарей» заключалась в освобождении исторического прошлого от внешнего украшения, от временной дистанции, в стремлении приблизить его к сегодняшнему дню... Он словно сам был очевидцем исторических событий, описанных в его рассказах, и поэтому все казалось ему обычным и доступным...».

С точки зрения отображения исторического прошлого и его органической связи с современностью, а также как в художественном, так и идейном отношении вершиной всего творчества Симона Чиковани принято считать эпическую поэму «Песнь о Давиде Гурамишвили»: Он испытывал к нему глубочайшее чувство, которое и получило отражение во многих посвященных ему стихотворениях и очерках. Но с особенной полнотой уважение к великому предку, чья необычная и богатая биография открывала перед поэтом широкие поэтические возможности, проявилось в этой поэме, созданной в 1942 — 1946 годах. Время ее написания, в основном совпадающее с периодом Великой Отечественной войны, не могло не сказаться на произведении — оно насыщено высоким духом патриотизма, братства народов, интернационализма.

Сбежавшего из плена поэта приютили добрые, простые русские люди. Они не только накормили, обогрели его, но и одели, «бросили в сердце зерно братства».

Ел ты русский хлеб, до дрожи
Братской радостью взволнован,

Новым чувством, тем, что позже
Проросло могучим словом.

(Перевод В. Державина)

И Давид Гурамишвили почувствовал, убедился, что и в далекой России у него есть братья. Они сковали вечное, прочное братство, которое, преодолев тьму, бури и века, навечно закрепилось в памяти народной. «Тебя встретил настоящий русский», — обращается поэт к Давиду Гурамишвили и в ярких образах передает взаимопонимание благородных представителей обоих народов. Объединяющее их начала Симон Чиковани ищет и находит в далеком историческом прошлом:

И русских песен родники-глубины
С родными голосами ты сплетал,

России голос, голос Украины
Навек с судьбой грузина сочелал...

(Перевод В. Державина)

Симон Чиковани смело противопоставляет различные эпохи и исторические события. Этот впечатляющий поэтический прием он не раз успешно применяет. Результаты многих полезных, плодотворных явлений прошлого он находит в современности. Таков тот убедительно показанный им исток братства, который зародился в грозную эпоху Давида Гурамишвили между русским, украинским и грузинским народами. Это братство в наши дни достигло невиданных вершин и навечно связало народы:

Россия сердце, сердце Украины
С грузинским сердцем связаны навек,

Так дружески преломим хлеб единый,
В одно русло сольем кипенье рек.

(Перевод В. Державина)

Получив огромное признание в Грузии, поэма «Песнь о Давиде Гурамишвили» вскоре и за пределами нашей республики была воспринята как вдохновенный гимн дружбе народов, как волнующий документ о силе их братства. В подтверждение сказанного приведем высказывания известных русских писателей, содержащие их непосредственные впечатления от поэмы. Так, Всеволод Вишневский писал в газете «Правда» в 1947 году (№ 143): «Симон Чиковани посвятил свой труд описанию жизни воина-поэта. Его «Песнь» освещает думы, дела, подвиги и творчество Давида Гурамишвили. Поэт создал сильную вещь, полную глубокого чувства дружбы грузин, русских и украинцев, поэтически-философских раздумий и описаний природы».

Борис Лавренев, разбирая поэму, отмечал: «Всегда ищущий новых путей в поэзии, С. Чиковани задумал и написал свою поэму не по канону. Он как бы перевел ее на музыкальный строй, создав ряд стихотворных этюдов, отражающих узловые события биографии Давида Гурамишвили, волей судьбы оторванного от родной земли Картли и попавшего на землю Украины. Ярко встает в стихах Чиковани привлекательный романтический образ поэта-скитальца, грузина по рождению, украинца по месту жительства, русского гусарского офицера по службе, земледельца, философа, изобретателя, никогда не забывавшего о своей солнечной родине. Чиковани удалось живо связать отдаленные годы жизни Гурамишвили с нашими днями, убедительно провести сквозь всю поэму идею братства народов, реально ощущаемого в образе поэта, поющего «тремья голосами» — грузинским, украинским и русским — об одном: о прекрасной человеческой свободе»¹.

Павел Антокольский приходит к выводу, что подобно многим писателям, Чиковани не тонет в обстановке и мелочах давно промчавшейся эпохи, а ставит целью воскресить самого героя, приблизить его к сегодняшнему читателю.

Это сближение прошлого и настоящего, их сопоставление и на этой почве более правильное восприятие современности удается Симону Чиковани, пожалуй, как никому другому из наших поэтов. В его многогранном творчестве история увидена острым глазом передового советского поэта, с твердых партийно-классовых позиций. И в этом его познавательная ценность, его актуальность. Уча нас всей совокупностью своих творческих исканий верно понимать историческое прошлое, он призывает одновременно любить нашу современность, быть преданными стражами патриотизма и дружбы между народами.

¹ Газета «Известия», 7 июня 1947 г., № 132.

ПОВОРОТ НА 180°

Критика встретила первый роман Гургамы Панджикидзе «Седьмое небо» с большим интересом, чем читатели. Не произойдет ли нечто обратное с его вторым романом — «Камень чистой воды» (журнал «Дружба народов», № 7, 1973 г., перевод с грузинского Б. Гасца), где писатель и вырос как художник, и осуществил поворот на все 180°?

Творческая эволюция Панджикидзе уже сейчас дает пищу для серьезных размышлений. И дело не только в том, что в фокусе первого романа был один «отрицательный» персонаж, а во втором фокус раздвоился, поскольку в центре — два положительных персонажа. Конечно, и это различие немаловажно хотя бы потому, что тандем героев в «Камне» составляют не «мужчина и женщина», а двое мужчин — и любовь вновь, как и в «Седьмом небе», остается на периферии если не сюжета, то фабулы. Сюжетно все выглядит так, словно герои жить не могут без любви, без любимых женщин. Однако это — лишь сфера их сердца. Разумеется, как сердце всегда с человеком, так и любовь его всегда с ним. Но «чистое время» любви куда меньше, чем время реальной жизни, расходуемое на работу, на дружбу, на развлечения и — самое главное — на **самоопределение**.

И вот тут — первое существенное отличие героев «Камня» от героя «Неба». Не секрет, что грузинская критика поначалу приняла героя «Неба» именно как героя: уж слишком велики были его достоинства. Но затем разобрались, что все его добродетели верно служат интересам только честолюбия. И это открытие сразу перечеркнуло и ум, и знания, и опыт, и талант организатора. Все «плюсы» были скомпromетированы умножением на один-един-

ственный «минус». Стало ясно, что перед нами то ли «окрыловевший» Тулин, то ли «отулившийся» Крылов, что означает явный прогресс (приближение к истине) для типа Тулина и столь же явный регресс (приспособление к обстоятельствам) для типа Крылова.

Иначе говоря, при всей новизне своего характера герой «Неба» предстает перед нами вполне определенной величиной, олицетворяя собой вполне определенный тип связи науки с производством, руководителя-инженера — с рабочими, человека — с обществом. Критике пришлось по душе гуманистическая неприязнь писателя к этому герою — и тому же последним по времени свидетельством является соответствующий пассаж из статьи Ю. Андреева (см. «ЛО», 1973), где критик как раз противопоставляет «правильное» отношение Панджикидзе к своему герою «неправильному» отношению к герою пьесы «Человек со стороны» ее автора драматурга И. Дворецкого, а также многих критиков, принявших отрицательного героя драмы за положительного.

Таким образом, обнаруживается еще и то сходство героев И. Дворецкого и Г. Панджикидзе, что в критике эти герои оцениваются то как положительные, то как отрицательные. Если иметь в виду их отношение к окружающим — они «отрицательные». Если же оценить их роль в организации производства — они «положительные». Естественно, что в эпоху чудес научно-технической революции очень хочется видеть каждого **талантливого** двигателя НТР еще и **хорошим** человеком. Но в жизни (а следовательно, и в реалистической литературе) дело обстоит сложнее. Складывается впечатление, что иной раз **приходится** быть «плохим» человеком, если хочешь стать «хоро-

шим» двигателем НТР, да и не только НТР.

Именно такое «впечатление» стало, на мой взгляд, исходной точкой поворота Гурاما Панджикидзе от его первого романа ко второму. Оба героя «Камня» — журналист Отар и математик Тамаз явно, подчеркнуто хорошие ребята, хотя каждый по-своему. Отар — рослый красавец, душа всякой компании, традиционное грузинское застолье — его стихия, он отличный, веселый тамада. Тамаз — замкнутый, одинокий молодой человек в очках, красивый только в очках, придающих ему внешне ту самую одухотворенность, которая и составляет самую суть его натуры.

Что же объединяет их, таких непохожих? Внутренняя деликатность и стремление к познанию истины. Они — не робкие умы, каждый в своей области ставит перед собой труднейшие цели: решить одну из до сих пор нерешенных математических задач, написать роман. Правда, Тамаз гораздо целеустремленнее, чем Отар, отвлекающийся от романа ради «пописывания рассказов для журнала», но отвлекает их от главного дела и сама жизнь: Тамаз преподает в институте, хотя ему самому очевидно, что он не обладает необходимыми в этой работе «дипломатическими» способностями, а Отар служит в телестудии, в сценарном отделе, где журналистский стиль работы противоречит его писательским интересам. Иначе говоря, оба они, будучи по-человечески вполне определившимися характерами, чувствуют себя, каждый на своей работе «не на месте», словно лишними или, как говорит о себе Отар, случайными людьми. Или — выражаясь языком И. Дворецкого — **людьми со стороны.**

И все-таки роман посвящен не поискам героями «своего места», а их самоопределению как членов общества. То, что с героем «Неба» произошло до первой страницы романа, с Отаром и Тамазом происходит на наших глазах с первой до последней страницы «Камня». Предыстория стала историей. «Готовый» герой в данном случае не интересует Панджикидзе. Ему нужно проследить и показать нам сам процесс, в ходе которого **человек становится гражданином.**

И в этом плане становится понятным, что, играя «сдвоенным центром», Панджикидзе преследует определенно полемическую задачу: показать крах абсолютного гуманизма Тамаза и тем самым подчеркнуть, что единственно эффективной формой гуманизма является «добро с кулаками». И меньше всего писатель возлагает надежду на кулаки в буквальном смысле слова, хотя Отар три курса ходил в секцию бокса, обе-

щая стать классным боксером — и этот опыт пригодился ему однажды ночью расправиться на глухой ^{Горбун} Голубиной улочке с четырьмя хулиганскими, ^{Горбун} жившими девушкой. «И все-таки это не выход», — сказал ему тогда Тамаз. — Скажем, ты не был бы боксером. Тогда что? Они бы легко расправились с тобой». Отар ему ответил кратко: «Тебе только философствовать».

В самом деле, прав Отар: в этом случае не до философии. Но прав и Тамаз: кулак — это не выход. Но сам Тамаз «выход» долгое время видит в безграничном, безоговорочном, абсолютном, я бы сказал, в «слепом» гуманизме, который, естественно, подводит его на каждом шагу. Впрочем, этой гуманистической «слепоте» явно противоречит столь же безграничное стремление Тамаза к истине и к правде. Разумеется, Тамаз даже не задумывается о различии между истиной и правдой. Кажется, и сам автор романа не видит возможности неистинности правдивого высказывания своего героя. Вот эта односторонность, недialeктичность **обычного** мышления Тамаза заставляет нас на слово поверить и в генальность его **математического** мышления (тем более что даже одного-единственного примера работы Тамаза над математической задачей читателю достаточно, чтобы понять всю непонятность этого дела для неспециалистов).

Лишь в конце романа к Тамазу приходит догадка, что внешне может и не быть «разницы между улыбками людей добрых и злых, честных и бесчестных, порочных» — и от этого далеко не математического «открытия» Тамаз, как пишет автор, «содрогнулся».

Последнее объясняется тем, что свое печальное открытие Тамаз сделал «благодаря» измене своей красавицы жены. Но, открыв сложность или даже противоречивость людей, герой еще не осознал относительности своих мнений о людях. Отсюда и еще не поколебленная ничем вера в необходимость открытого, т. е. правдивого высказывания. Это можно считать инфантильностью или наивностью, а можно — просто глупостью. «Умные люди всегда знают, что сказать, а дураки всегда говорят, что знают», — иронизирует Отар над своим благородным другом.

На протяжении всего романа друзья словно соперничают между собой: чей гуманизм истиннее, чье понимание правды истиннее. Жизнь то и дело ставит их в положение, словно проверяющие и корректирующие их отношения к Человеку и к Истине. Так, Тамаз «за правду» вылетел из института, но Отар, применив метод шангажа, добился перевода ничего не подозревавшего о «подвиге» друга Тамаза в академию. Там, наконец, одаренный молодой уче-

ный обрел «свое место», но началась серия тяжелых испытаний его «слепого» гуманизма.

Он работал в одной комнате со странным человеком Кобидзе, но врожденная деликатность долго не позволяла ему попросить директора института математики о переводе в другую комнату — Кобидзе мог оскорбиться! Однако и работать вместе с Кобидзе Тамаз не мог: нервное поведение соседа не давало сосредоточиться. Так безоговорочный гуманизм к «ближнему» оказался чем-то вроде «пробки» в часы пик на улице: Тамаз нервничал, а работа стояла. В конце концов польза дела перевесила, и Тамаз, бесконечно борясь с самим собою, добрал до кабинета директора и выговорил свою «бесовестную» просьбу. Академик тут же удовлетворил ее, зная хорошо «странности» Кобидзе, а через несколько дней последнего пришлось на «скорой помощи» отправить в психиатрическую больницу. И еще одна деталь: как сообщает автор, «в стенах института Давид Борисович (директор, академик) подошел к людям с одной меркой — есть способности или нет их». Естественно, у Отара (не у Тамаза) возник вопрос к другу: «Ты не знаешь, как он (т. е. бездарный Кобидзе) попал в институт?». И Тамаз ответил, не придавая этому никакого значения: «Говорят, после войны пришел к директору, а тот пожалел его, взял в лабораторию».

Вот оно: пожалел — и взял! Вот тот самый безоговорочный гуманизм, то **отступление** от собственного «жесткого правила в стенах института подходить к людям с одной меркой» — **по способностям!** И за эту «жалость» должен расплачиваться душевной травмой еще один «жалостливый» — Тамаз, чувствующий свою «вину» перед Кобидзе и заявляющий Отару со всей решительностью: «Если с ним (с Кобидзе) что случится, я уйду из академии».

«Вздор городишь, — отвечает Отар. — Произошло то, что должно было произойти. Рано или поздно. При чем тут ты?». Но нет, это не «вздор» и, конечно, Тамаз тут «при чем»: снова между пользой дела и «слепой» деликатностью Тамаз выбирает второе. Кажется, только история любви к красавице Медее Замбахидзе отрезвила его.

Когда-то, еще в девятом классе школы, Медея вызвала Тамаза на объяснение в любви — и выставила затем на потеху всем. Тогда Тамаз ушел из школы навсегда, перевелся в другую. Когда в политехническом его правдивость пришла в непримиримое противоречие с произволом заведующего кафедрой — Тамаз снова ушел, легко написав заявление «по собственному желанию». И вот теперь, когда, едва успев стать его женой, Медея оказалась в номере го-

стиницы с рыжим баскетболистом, — Тамаз снова, в третий раз, принимает решение **уйти**: на этот раз — из жизни. Он полез в пеглю... Его удалось спасти. «Тамаз с усилием открыл глаза. Он увидел какие-то неясные очертания — то ли пятно, то ли фигуру человека. Затем изображение стало отчетливым. У стены стояли улыбающийся врач в белом халате, а левее две медсестры. Они тоже улыбались. Тамаз поспешил закрыть глаза. Ему стало нестерпимо стыдно».

Будом надеяться, что сей «нестерпимый стыд» означает полный отказ Тамаза от принципа «уйти в сторону». Его гуманизм должен стать воинствующим.

А параллельно и в переплетении с линией Тамаза идет линия Отара. Если Тамаз учится у Отара активной, **зрячей** доброте, то чему же учится Отар у Тамаза? Очевидно, максималистской верности правде. Долгое время ирония и чувство юмора спасали Отара от необходимости выложить правду и постоять за нее. По сути, он в своих отношениях с правдой «уходил в сторону». Но гибель одного совершенно незнакомого ему человека перевернула его жизнь. Из «человека со стороны» он становится смелым и бескомпромиссным борцом за справедливость. История эта, банальная с точки зрения ГАИ, ОРУДа и следственных органов, очень любопытна с точки зрения общественной морали. Пьяный водитель случайно наехал на прохожего. Будучи, как выяснилось, своего рода «подпольным миллионером», он решил «купить» всех: следователя, вдову погибшего, единственного свидетеля и еще одного человека, который был вовсе ни при чем, но согласился «взять вину на себя». Дело было за небольшим: свидетель должен был подтвердить, что именно этого «подставного» он видел за рулем машины. За это ему, свидетелю, предложили **десять тысяч рублей** новыми деньгами. («Деловые люди уже давно забыли старые деньги», — подчеркнул самодовольно один из «подпольных миллионеров»).

Но Отар запросил **пятьдесят тысяч**: «Вон куда хватил», — изумился один из «деловых людей» и «Шиш ты у меня получишь с маслом!» — крикнул другой «деловой человек» и до сих пор не отличавшийся принятой в этих «деловых кругах» известной «светскостью» поведения.

Впрочем, не станем задавать загадок тем, кто еще не прочел романа: Отар «запросил» огромную взятку за одно свое слово лишь в порядке социально-психологического эксперимента, вполне простительного для исследователя человеческой души. На деле Отара не смутила ни взятка, ни пуля, посланная в

него кем-то, ни ночные телефонные звонки. Отар принял бой — и мы верим, что он доведет дело до победы **справедливости**, — а это в данном случае совсем не то, что можно было назвать триумфом «разумности» и «доброты».

В самом деле, разве «разумно», чтобы вместо одной семьи уже две многодетные семьи остались без «кормильцев»? Разве «разумно» оставить вдову погибшего с двумя малышами на руках без «щедрой» помощи от того, кто без всякого злого умысла и совсем случайно виноват в гибели ее мужа? Разве «разумно» сомневаться в стремлении молодого следователя исполнить до конца свой служебный долг? И наконец, разве «разумно» из случайного свидетеля трагедии, т. е. из «человека со стороны», стать активнейшим борцом за **справедливое наказание** пьяного водителя?!

Все это, по-видимому, очень неразумно и очень далеко от доброго отношения к людям. Справедливость здесь, по-видимому, явно не совпадает с «разумностью» и «жалостью». Но Отар не пожалел ни вдову, ни случайного убийцу, ни себя — он неукротимо восстал **за правду и за справедливость**. Почему?

Да потому, что перед Отаром стала дилемма: либо «пожалеть» данный круг людей, либо пожалеть общество в целом, такое общество, каким его хочет видеть Отар. Либо общество, в котором власть имеют правда и справедливость, либо общество, в котором все можно «купить», а правда является преступлением.

Иначе говоря, участь у Тамаза бескомпромиссной верности правде, Отар открывает для себя именно в этой верности высшее оправдание того самого зоркого и активного гуманизма, за который он всегда стоял.

Следовательно, разные пути друзей-антиподов в конце концов сливаются в один. Вот почему так сильно выглядит финальный эпизод романа. Тамаз и Отар в сопровождении двух братьев Отара едут верхом по горной дороге:

«— Смотри на тот голубой дом, — показав ему (Тамазу) рукой Отар. — Видишь три портрета в черных рамках на балконе?

— Какие молодые лица, — сказал Тамаз.

— Хорошие были ребята. Без отца росли, — объяснил Ростом. — Все трое погибли на фронте. Мать не вынесла горя. Теперь за домом присматриваем всем селом. Старшему было двадцать два, а младшему девятнадцать.

— Важно, не сколько тебе лет, а что ты успел сделать, — почему-то резко сказал Отар. — Эти ребята оставили след!

У Тамаза перехватило горло. С портретов в траурном обрамлении смотрели веселые лица его сверстников...

Из-за поворота, из-за огромной скалы с песней выходила рота солдат.

— Отставить песню, — раздался голос офицера.

Теперь было слышно только, как идут, чеканя шаг, солдаты.

— Равнение направо! — скомандовал офицер, когда рота приблизилась к дому.

Молодые солдаты воздавали воинские почести не вернувшимся с войны трем братьям из горного села.

Тамаз почуствовал, как по щекам его покатались слезы».

В этих заключительных строках так просто и так убедительно перекинут «мост» между сверстниками столь разных поколений. Между молодыми героями фронта и молодыми героями наших дней.

ДОРОГА В НИКУДА

Проведенная «Литературной газетой» дискуссия о поэтическом переводе еще раз оживила извечный спор между «объективистами» и «субъективистами», «буквалистами» и «волюнтаристами», приверженцами «вдохновенной точности» и «творческого подхода», «лингвистами» и «литераторами». Читатель заметит, очевидно, что все перечисленные эпитеты стоят в строгой последовательности синонимического соответствия друг другу, и как бы это ни было обидно кому-нибудь, я не могу не быть откровенным в своих размышлениях. Ибо меня всегда при таких спорах поражало не только упорство, но и отсутствие чувства реальности даже у самых способных представителей противоположных взглядов.

Все предельно понятно: все хотят, чтобы перевод соответствовал подлиннику и по тексту, и по художественным качествам. Все желают увидеть в переводе прежде всего автора, а не переводчика, и он их не интересует, если это не самостоятельный творец или просто подражатель. И хотя последний может быть и занятен, но это уже не переводчик. Все предельно ясно: что переводчик должен исходить из текста подлинника и приходить к нему же и что технически перевод выполняется с равнения на текст подлинника в процессе его воссоздания на новом языке. Все это азбучные истины. Что может быть понятнее и проще?

И даже новая, «структуралистическая» терминология не может изменить существа этой древнейшей истины. О чем же спорят эти упорные приверженцы разных теорий со времен Цицерона? И главное, почему они спорят, когда все так просто и ясно?

Таково положение вещей с позиций несведущего читателя, но меня всегда приводят в искреннее недоумение представления некоторых специалистов, исключая, конечно, тех, кто считает своим долгом определить закономерность технологии процесса перевода и не претендует на выяснение того, что каждый раз составляет исключение, — как вы-

разился С. Я. Маршак. А вот все, что было сделано ценного и стоящего, благодаря чему перевод всегда выполнял свою историческую и эстетическую функцию, все это следует отнести к области исключений, к сфере «иррационального» и «необъяснимого». Отсюда — логически вполне справедливое отрицание возможности перевода вообще, ибо «изнанка ковра с его бледными узорами» — как выражался Сервантес — никому не нужна.

Можно ли мириться с таким положением вещей на сегодняшнем этапе культурных взаимоотношений в мировом масштабе? Отрицать возможность перевода — значит отказаться от культурного общения между народами. Допустимо ли (и возможно ли) это сегодня? На этот вопрос есть только один — отрицательный ответ, но вот в качестве альтернативы отвергнутого, «иррационального» исключения предлагаются равнение на текст, т. е. описанный выше процесс, приводящий к тому, чему лучше не существовать, — посредственный, серый, точный (но отнюдь не «вдохновенный», ибо «точность текстуальная» и «вдохновение» взаимно исключают друг друга на деле!) перевод, которому все предпочтут даже труднейший процесс изучения языка подлинника. Итак, круг замыкается. Мы приходим опять к отрицанию возможности перевода. Лучше не переводить, чем иметь серое и бледное подобие «точно» воспроизведенного текста подлинника. Неужели так уж трудно вникнуть в это положение?

Вот почему я не могу просто понять людей, упорно цепляющихся за пресловутый «текст подлинника» и, якобы, защищающих автора, который представляется на другом языке в слабом освещении «точно» воспроизведенного текста.

Но попробуем еще — в который уж раз! — разобраться в реальном положении вещей и еще в том, почему Иван Кашкин предлагал переводчику прогнаться к первоначальной свежести авторского восприятия и что он называл

реалистическим подходом к проблеме. Это **единственная возможность** объяснить «иррационализм» перевода как «исключения» и спасти перевод вообще от полного отрицания его возможности, куда тащат его «объективисты» всех мастей.

Заявляю тут же: если мы не хотим терять такую прекрасную возможность культурного общения между народами на высшем эстетическом уровне, пора покончить с претензиями на окончательное решение проблемы системой взглядов, которую следовало бы прямо называть необуквализмом, под какой бы личной и под какой бы псевдонаучной терминологией она ни маскировалась.

Так называемая «вдохновенная точность» при всей своей внешней соблазнительности обладает одним основным недугом: она состоит из взаимоисключающих понятий, наподобие «светлой тьмы» или «жаркого холода». Эти понятия не могут ужиться вместе, и в природе нет соответствующего им феномена. Это мираж, который отдалается при нашем приближении. Не пора ли бросить эту пустую погоню, свернуть с этой дороги, которая никуда не ведет, и поискать реальный оазис? И хотя, действительно, время возгласов ушло, но еще раньше ушло время пустых попыток выяснять технологию закономерностей переводов, которые каждый раз составляют исключение.

Организованная в «Литературной газете» дискуссия о поэтическом переводе еще раз продемонстрировала непримиримость взглядов на перевод. Редакция правильно подготовила дискуссию, постаравшись отдать должное и одной, и другой стороне, впрочем, в том же порядке, как она публиковала дискуссионные статьи. Нетрудно было заметить, что при этом преследовалась благовидная цель — не только придерживаться объективной позиции, но и выяснить возможности объективного решения проблемы. Проблема же сама по своей природе не терпит компромиссного решения, ибо у каждой стороны столько же аргументов «за», сколько и «против», во всяком случае, внешне. Я, как нетрудно заметить, за бескомпромиссное решение проблемы и, как бы это не показалось «незаконным», я — за творческий подход, то есть за то, ради чего и делается перевод, а не за возведение технологии посредственного перевода в ранг творчества.

Ведь вряд ли стоило бы содержать целую армию высококвалифицированных теоретиков для обучения лишь посредственному переводу — единственной альтернативе этой еще раз открывшейся «дороги в никуда».

И вообще, о каких объективных критериях можно говорить в области твор-

чества, где само понятие «творчество» немислимо без творческой индивидуальности? Ведь любая рукодельная работа может превратиться в произведение искусства благодаря своей неповторимости, что обеспечено **единственно** присутствием творческой индивидуальности его создателя. И любое, пусть самое примитивное создание рук человека обладает именно таким преимуществом перед продукцией самого развитого машинного производства. Мне кажется, именно этот трюизм и упускается из виду всеми «объективистами», «статистиками» и «структуралистами», ибо он при всей своей внешней простоте не может быть предугадан и запрограммирован. Вот почему нельзя заниматься предписаниями ученых рецептов, когда мы говорим не о процессе обучения азбуке перевода (этот процесс считается пройденным этапом, когда речь заходит о творчестве!), а о высоких и действительных образцах искусства перевода. Приходит ли кому-нибудь в голову учить писателя-профессионала азбуке или проверять уровень его грамотности? Конечно же, нет. Так, спрашивается, почему должна быть проверена работа поэта-переводчика с точки зрения грамотности, то есть текстуального соответствия его перевода подлиннику? И прекрасно понимаю, что переводчик ограничен текстом подлинника, он отправляется от него и создает новый его текст на другом языке. Но разве это делает его рабом текста, который, кстати, не может быть точно воспроизведен на другом языке даже «лингвистически», ибо различия в языковых средствах слишком разительны, и это доказывает сама современная лингвистика. Мы забываем, что существует другой язык, о котором напомним известный грузинский поэт Карло Каладзе во время упомянутой выше дискуссии, — язык поэтических средств, который **единственный** может обеспечить нахождение искомого, иными словами — художественного соответствия перевода подлиннику.

Этого почти не представляют себе те, которые берутся судить о переводах с не родного им языка. Дело в том, что если русский язык для представителя одного из братских народов обычно является вторым родным языком, он (представитель) вряд ли может быть компетентным в суждении о подлиннике, написанном на другом (не родном для него языке), как это произошло с осетинским поэтом Джусойты, который в упомянутой дискуссии попытался рассуждать о поэтических качествах подлинника грузинского классика Н. Бараташвили, сопоставив его с русскими переводами с позиций буквализма. Кстати, буквализм тоже субъективное качество, и непонятно, почему его возводят в

ранг «объективного метода», когда он игнорирует основное качество перевода — его художественный язык и, стало быть, его соответствие подлиннику в эстетическом отношении. Вот почему К. Каладзе дал достойную отповедь, кстати, внутренне противоречивую, выстулению Джусойты.

Вряд ли я сочту нужным еще раз вернуться к этим трюизмам, но ради самого главного — самого дела перевода — этот теоретический искусственный тушик давно уже пора преодолеть. Давно пора прекратить спор против того, что было высказано еще Цицероном (перевод слов подлинника не по их «счету», а по «весу», т. е. по их художественному назначению) и в наше время уже не нуждается в доказательствах.

Я не хочу отнимать кусок хлеба у «объективистов», но вся их работа предназначена лишь только для обучающихся искусству перевода, подобно тому, как в специализированных художественных или музыкальных школах обучают одаренных детей. И им следует ожидать только одного (лучшего) результата от всей этой работы: лишь немногие из их учеников станут настоящими художниками и творить они будут обязательно по собственным творческим принципам, следуя своему внутреннему призванию. Задача хорошего преподавателя достаточно благородна — сделать своих учеников вполне грамотными и независимыми, но не навязывать им собственного почерка, который может быть и очень хорош сам по себе, но принадлежит только одному человеку. Задача же «выпускника» школы заключается в том, чтобы найти собственный почерк и собственное творческое «я», без которого он станет лишь копировальщиком, но не художником.

В каком же направлении развивать теорию художественного перевода в таком случае, если учесть все вышесказанное и принять его за предпосылку для дальнейших рассуждений? Я бы предложил, во-первых, переместить теорию перевода из области чистой филологии в область эстетики как науки о специфическом виде литературного творчества. Во-вторых, создать поэтику художественного перевода, которая будет опираться на сопоставление перевода как художественного целого с подлинником как художественным целым. Для этого не нужно особого глубокого мышления по сравнению с тем, что уже достигнуто в области эстетики. Не мне учить знатоков анализа художественных произведений, как следует вести анализ формы и содержания этих произведений. Для указанного сопоставления достаточно провести именно подобный анализ двух произведений — перевода и подлинника — в сопоставительном пла-

не, иными словами, сравнить их художественные качества, а не слова и словосочетания двух текстов, которые естественно, никогда не будут совпадать. Вот и вся реальность. И не будет тушика. И не будет — простите за резкость! — пустого и никому не нужного спора между «лингвистами» и «литераторами». И «лингвисты» будут обучать одаренных молодых людей азбуке и грамоте перевода, и «литераторы», уже не сомневаясь в грамотности переводчиков, которые стали художниками в полном смысле этого слова, будут судить их создания по общим законам искусства, в данном случае, литературного творчества.

Итак, налицо две извечные, взаимоисключающие концепции. При окончательной материализации одной из них перевод живет как художественное явление, при другой — умирает. Идеал — по существу соединение живого с мертвым — исключен по своей природе. Спрашивается, надо ли предлагать тут выбор? Вот где следует проявлять чувство реальности!

Кроме того, известно, что если художественный перевод — явление действительно художественное, может ли обойтись он без творческого подхода? Иными словами, существует ли на земле произведение искусства, не отмеченное знаком своего создателя? Разве объект искусства может быть воссоздан без проявления отношения творческого субъекта к нему? Ведь эти элементарные вопросы не требуют ответа, ибо ответы на них — аксиомы. Так кому же тогда нужны эти рассуждения о несуществующем и нереальном переводе, о моделировании невозможных по своей природе структур, когда перед нами только две задачи: первая — обучение переводу как ремеслу (и тут трудно переоценить вклад лингвистики, правда, преподносимый с учетом второй, окончательной задачи) и вторая — оценка художественного перевода как исключения в каждом случае, когда он действительно эстетическое явление (и тут нужны эстетические критерии с соответствующим учетом грамотности переводчика и с неотвратимой дозой субъективизма!)?

Так что, либо мы должны признать реальную эстетическую ценность художественного перевода как исключения в каждом случае (напомню, это слова С. Я. Маршала!) и оставить эту дорогу к «вдохновенной точности», которая в действительности никуда не ведет, либо должны перестать переводить, ибо вряд ли стоит работать на создание серого и бледного подобия подлинника — «изнанки ковра», которая предлагает ложь вместо правды о главном качестве подлинника — о его художественном величии.

«Я очень продуктивно работаю...»

(О пребывании А. Фадеева в Сухуми)

В биографии Александра Александровича Фадеева остается мало освещенным вопрос о его пребывании в столице Абхазии — Сухуми. Между тем архивные материалы и мемуарная литература дают нам в этом отношении интересные сведения.

В Сухуми А. Фадеев находился (с небольшими перерывами) с 13 ноября 1935 года до 24 мая 1936 года.

Приезжал он сюда отдохнуть, набраться сил, а заодно поработать над четвертой частью романа «Последний из Удэге». Условия для этого были благоприятными. В первом же письме к матери от 29 ноября 1935 года он сообщал: «Мы живем в прекрасной гостинице — пансионате под Сухуми, на берегу моря, у каждого отдельная комната». В тот же день А. Фадеев пишет своему другу Ю. Н. Либединскому: «Живем мы в гостинице — пансионате «Синоп». Хорошие комнаты, сносное питание, красивый парк, жить и работать можно». А месяц спустя он приглашает его приехать «в чудный теплый город Сухуми»¹.

Для А. Фадеева это было время большой и плодотворной работы над четвертой частью романа «Последний из Удэге». «Очень хочу добить 4-ю часть до отъезда на Дальний Восток». — сообщает он Ю. Н. Либединскому 31 декабря 1935 года. Через две недели А. Фадеев пишет матери: «Я очень продуктивно работаю. Я надеюсь в феврале закончить 4-ю часть. Это было бы вполне «по-стахановски», если бы удалось сдать через месяц-полтора 4-ю часть, когда 3-я только-только выйдет»².

В январе—феврале 1936 года продолжается напряженная творческая работа, о чем свидетельствуют письма писателя. «Что касается моего сухумского сидения, — пишет он матери в начале 1936 года, — то оно уже приносит свои плоды: в работе над четвертой частью я

перевалил далеко за половину и — в конце февраля, середине марта — надеюсь кончить»³.

«Я пишу теперь по 10—12 часов в день», — сообщает А. Фадеев кинорежиссеру Э. Шуб в феврале 1936 года, а в апреле он снова говорит о том же: «Я все гоню и гоню вперед четвертую часть и совершенно осатанел от работы... а конца части все не вижу»⁴.

В результате упорного, настойчивого труда, доставлявшего А. Фадееву большое творческое удовлетворение, ему удалось завершить эту часть романа. 15 мая того же года в «Литературной газете» публикуется отрывок из четвертой части под заголовком «Мария Цой», а вся часть была напечатана в журнале «Красная новь» (1936, №№ 7, 8, 12).

Писатель Ю. Н. Либединский в своих воспоминаниях (в одном из вариантов) о Фадееве писал: «В Абхазии Саша, верный своему неизменному жизненному правилу, уже установил самые дружеские отношения с абхазскими писателями, с интеллигенцией — с местными советскими и партийными работниками»⁵.

Действительно, в этот приезд А. Фадеев познакомился со многими абхазскими писателями, журналистами, представителями общественности. Уже в те годы он пользовался большой популярностью, его произведения читали и высоко ценили. Установлению дружеских контактов с людьми способствовал и необычайно общительный характер писателя.

По свидетельству Г. Гулиа, Александр Александрович в Сухуми «выглядел, как всегда, прекрасно... Был он на ужине у абхазского писателя Самсона Чанба», погибшего в 37-м. Там он много пел, был в отличном настроении. Песни пел казачьи, высоким голосом. Был он и у нас дома, на праздничном ужине в

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 139—140.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 368, стр. 40.

¹ А. Фадеев. Письма. М., «Советский писатель», 1967, стр. 131—132—135.

² Там же, стр. 135—136.

честь молодоженов... У нас он тоже пел казачьи песни»⁶.

А. Фадеев с первых дней своего пребывания в Сухуми активно включился в работу местной писательской организации. Он встречается с абхазскими писателями, подолгу беседует с ними, читает и разбирает их произведения, участвует в обсуждении книг, альманаха и комсомольского сборника, выступает на литературных конференциях и вечерах.

Так, 29 марта 1936 года в «Советской Абхазии» (№ 73) было напечатано информационное сообщение о том, что 23 марта в клубе Субтропического института состоялся литературный вечер, посвященный обсуждению романа писателя-орденоносца Н. Островского «Как закалялась сталь». Вечер был организован для партийного, комсомольского актива и студенчества. Кроме докладчика — профессора К. Архангельского, на вечере выступили с характеристикой главного героя романа Павла Корчагина А. Фадеев, прозаик Н. Микава, критик М. Делба, фольклорист И. Кортца и другие.

В 1936 году вышел в свет второй номер «Альманаха советских писателей Абхазии» и литературно-художественный сборник «Акомчар» («Комсомол») — к X съезду ВЛКСМ. Обсуждению этих книг было посвящено специальное собрание писателей республики, состоявшееся 2 апреля 1936 года с участием А. А. Фадеева. В своем содержательном выступлении он подверг обстоятельному критическому разбору те произведения, которые были опубликованы в названных выше сборниках, указав на их сильные и слабые стороны и обратив внимание авторов на необходимость повышения идейно-художественного уровня и мастерства.

Вот что писала республиканская газета о выступлении А. Фадеева на этом собрании: «Тов. Фадеев отметил, что второй выпуск «Альманаха» значительно содержательнее первого выпуска, изданного в 1935 году. Содержание сборника «Акомчар» несколько слабее, но и в нем встречаются интересные материалы.

В «Альманаше» помещен ряд хороших очерков. К ним тов. Фадеев относит «Три школы» Д. Гулиа, а также колхозные очерки Г. Гулиа и Н. Микава.

Кроме того, сборники украшает фольклорный материал — произведения устного народного творчества — абхазского, мингрельского, сванского.

Тов. Фадеев признал, что новые издания свидетельствуют о росте литературной организации в Абхазии, о несомнен-

ных успехах творческой работы абхазских писателей. Однако молодым абхазским писателям необходимо еще упорнее работать над своими произведениями, тщательно отделять их, избегая «литературных штампов», преодолевая схематизм, добиваясь наибольшей простоты и народности языка.

Достоинством второго выпуска «Альманаха писателей Абхазии» А. Фадеев считает также и то, что в нем более полно, чем в первом, отражена Советская Абхазия, что придает книге определенную национальную окраску. Выпуск сборников произведений национальной литературы на русский язык очень важное дело, но необходимо еще больше повысить качество переводов» («Советская Абхазия», 9 апреля 1936 г., № 82).

Абхазские писатели с благодарностью приняли справедливые критические замечания А. Фадеева, его ценные советы. Общее мнение местных художников слова выразил Самсон Яковлевич Чанба, в то время председатель правления Союза писателей Абхазии. В заключительном слове он подчеркнул, что «занятый основной своей творческой работой, тов. Фадеев, однако, оказывает во время своего пребывания в Сухуми большую помощь писателям Абхазии, благодарным ему за здоровую, большевистскую критику способствующую росту абхазской художественной литературы» («Советская Абхазия», 9 апреля 1936 г., № 82).

18 апреля 1936 года в большом зале Совпрофа состоялась литературная конференция, посвященная творчеству А. Фадеева, в частности обсуждению его романа «Разгром». Конференция была организована обкомом комсомола совместно с Союзом писателей Абхазии. На ней присутствовало около 400 комсомольцев — учащихся школ, техникумов и вузов Сухуми.

Все выступавшие (Лазарбай, Дзидзигури, Микава и другие) дали высокую оценку «Разгрому», считая этот роман одним из выдающихся произведений советской литературы, книгой, пользующейся любовью среди молодежи. Одни из читателей в своих выступлениях говорили о Левинсоне, другие о Морозко, третьи о предателе Мечеке. Абхазские писатели С. Я. Чанба и Г. Д. Гулиа останавливались главным образом на художественных достоинствах романа.

На конференции выступил тепло встреченный А. Фадеев, который поделился с читателями воспоминаниями о том, как он работал над «Разгромом», какой жизненный материал был положен в его основу, о замысле и его воплощении.

Одновременно с этим писатель рассказал о состоянии советской литерату-

⁶ Письмо Г. Гулиа от 20 сентября 1932 г. автору данной статьи.

ры, отметил самые значительные произведения последних лет и закончил свое выступление выражением уверенности в том, что «советские писатели создадут еще немало произведений, которые будут много лучше тех, какие написаны были ими до сих пор. Советская литература будет иметь своих великих писателей» («Советская Абхазия», 20 апреля 1936 г., №91).

Приезд А. Фадеева в Сухуми вызвал большое оживление среди писателей Абхазии, активизировал работу творческой организации.

Кроме перечисленных выше мероприятий, Союз писателей республики провел двухдневную дискуссию о борьбе с формализмом и натурализмом в советской литературе; литературный вечер, посвященный памяти В. В. Маяковского; общее собрание писателей в связи с четвертой годовщиной исторического решения ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года; собрание, обсудившее очередные задачи писательской организации по выполнению решений III пленума Союза писателей СССР; собрание актива литературных кружков и другие.

На одном из писательских собраний в мае 1936 года был избран новый состав правления, куда вошли: С. Чанба, Н. Микава, Г. Гулиа, М. Хашба, Арк. Джидарян, Ф. Канониди и А. Фадеев. Этим избранием автора «Разгрома» в руководящий орган писатели Абхазии оказали ему большую честь, высоко оценив заслуги своего старшего товарища.

Впечатления от поездки в Сухуми отразились в двух записных книжках А. Фадеева и в одной из его заметок о творчестве Д. Гулиа. Ведя свои записные книжки, писатель заносил в них то, что его интересовало: чей-нибудь рассказ, содержание прочитанной книги, меткое слово, поразившую его картину природы и так далее.

Приведем некоторые из его записей, относящихся к Абхазии.

«Абхазская сказка о Хурадже Ширидане: он выдумал, что на берегу моря раздают плов, а когда люди бросились туда сломя голову, он сам помчался за ними — а вдруг и правда раздают?» (Запись от 16 ноября 1935 г.)⁷

«Абхазская пословица: «У осла резали ухо. — Что это такое? — спрашивал он» (Запись от 17 ноября 1935 г.)⁸

«Абхазия. Листва вся опала. Влажно. Солнце. Люди. На склонах гор пушистые улитки, цветут мимозы. Босоногие веселые девчонки в горах пасут коров, ослов, рвут фиалки». (Запись от 11 февраля 1936 г.)⁹

Приводит пример с абхазским алфавитом академика Марра. «Такую букву нельзя написать, ее можно только показать». 62 знака — через четыре года даже учителя не могли писать по абхазски. Старик Гулиа, как единственный (буквально в единственном числе) представитель старой абхазской интеллигенции» (Запись от 21 апреля 1936 г.)¹⁰.

Кстати, А. Фадеев часто вспоминал о своем посещении дома Д. И. Гулиа весной 1936 года и об эпизоде невольного нарушения традиции тулумбашем на ужине в тот вечер. Много лет спустя писатель Г. Гулиа ярко рассказывает об этом в «Добром городе» — в главе «Из устных рассказов моих друзей».

В 1936 году исполнилось 45-летие литературной, научной и общественной деятельности Дмитрия Иосифовича Гулиа — народного поэта Абхазии. К этому юбилею, как мы предполагаем, А. Фадеев написал небольшую статью-заметку «Простота и народность», по неизвестным причинам оставшуюся неопубликованной. Нам удалось ее обнаружить в архиве редакции журнала «Октябрь» — в машинописном виде, без даты.

В своей статье А. Фадеев дает высокую оценку многообразному творчеству основоположника абхазской литературы и литературного языка. В ней он писал (приводим полный текст статьи): «Д. И. Гулиа по праву называют «дедушкой» абхазской художественной литературы. Я лично познакомился с Д. Гулиа сначала по его трудам в области этнографии. Его работы убедили меня в том, что он прекрасно знает быт старой абхазской деревни, любит и ценит абхазский фольклор.

Именно в этом, по-моему, заключается прелесть его художественного творчества. Когда слушаешь его стихи или читаешь их вслух, убеждаешься в том, что характерной чертой творчества Д. Гулиа является простота и народность.

Живительный родник народного творчества был и остается главным источником его поэзии. В этом смысле абхазской литературной молодежи надо учиться у Д. Гулиа.

Очень важно и то, что Д. Гулиа на всем пути своего творчества был всегда далек от всяких формалистических вывертов. Он всегда вел борьбу за простоту и чистоту поэтической речи. Именно поэтому его литературный язык музыкален и звучен; именно поэтому, например, Д. Гулиа дал лучшие абхазские переводы произведений такого мастера художественного слова, как А. С. Пушкин. И в этом отношении, в отношении формы и стиля, Д. Гулиа подает пре-

⁷ ЦГАЛИ, ф. 1628, оп. 1, ед. хр. 396.

⁸ Там же, ед. хр. 399.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

красный пример молодым абхазским писателям.

Ценной стороной его творчества является разнообразие литературных форм, которые он использует в процессе своего творчества. Ему одинаково хорошо удаются и стихи, и песни, частушки и проза, и драматические произведения. Это в то же время свидетельство большого поэтического мастерства.

Я считаю, что Союз советских писателей Абхазии и Абгиз должны позаботиться о переводах сочинений Д. Гулиа на грузинский и русский язык»¹¹.

В этой лаконичной характеристике совершенно правильно и точно отмечены специфические особенности творчества классика абхазской литературы.

Как художник слова А. Фадеев не мыслил своей работы вне постоянной и прочной связи с друзьями и товарищами. В столице Абхазии у него были встречи не только с абхазскими писателями и общественными деятелями.

На несколько дней (в конце марта 1936 г.) приезжал в Сухуми грузинский поэт Николай Шенгелая — «могучий старец», как назвал его А. Фадеев в одном из писем к Э. Шуб. Писатели-друзья часто беседовали о своем профессиональном труде, путешествовали по городу, долго гуляли по аллеям, Приморскому бульвару, любовались красотой гор и моря.

Состоялась встреча Фадеева и с Ю. Н. Либединским, с которым его связывала дружба еще с рапповского периода. Обоих очаровала южная природа, восхитил этот теплый чудесный край. Вместе они уходили за город, поднимались на Сухумскую гору, и здесь Юрий Николаевич с воодушевлением рассказывал своему другу любопытную легенду о Баташе, впоследствии им положенную в основу романа «Баташ и Батай».

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 2735, стр. 3.

В середине мая 1936 года они совершили поездку из Сухуми в Сочи к Н. А. Островскому.

Но особенно часто А. Фадеев встречался с Павлом Федоровичем Юдиным — в те годы одним из руководящих работников Союза советских писателей. Тесные узы дружбы связывали их с давних пор. Перед Первым Всесоюзным съездом советских писателей они совместно написали статью «Социалистический реализм — основной метод советской литературы», которая была опубликована в газете «Правда». И вот теперь, в декабре 1935 года, они вместе отдыхают в Сухуми, вместе проводят свободное время: то ведут беседы по злободневным вопросам, то гуляют по паркам и скверам или устраивают длительные прогулки пешком за город («Иногда перед закатом Паша Юдин и я идем по тропинке высоко в горы, идем по опавшим листьям» — читаем мы в письме А. Фадеева к Э. Шуб от 20 декабря 1935 г.), а также посещают вечера, конференции, театры. Осень в Сухуми особенно хорошая — теплая, безветренная... Все это способствовало и хорошему отдыху, и лучшему ознакомлению с жизнью одного из красивейших городов Советского Черноморья.

24 мая 1936 года в связи с болезнью А. М. Горького А. Фадеев срочно выехал в Москву, увозя в своем сердце не только яркое впечатление от красоты столицы Абхазии, но и глубокое чувство симпатии к ее людям.

Далеко позади остался 1936 год. Давно нет в живых и Александра Александровича Фадеева. Но благодарные абхазские писатели и читатели не могут не вспоминать добрым словом автора «Разгрома» и «Молодой гвардии», замечательного советского писателя, его большую, кипучую жизнь и деятельность во славу нашей советской многонациональной литературы.

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

О ПОДСУДНОСТИ СУДЕИ

Неблагодарное это занятие для критика — писать о... критике. Ведь он оказывается в роли своего рода «третьего зеркала», отражающего жизнь, воспроизведенную сначала художником и истолкованную затем в этом новом ее облики своим же коллегой. Но и то, и другое, и третье делается во имя первоисточника же — жизни. И в любом из названных случаев, каковы бы ни были задачи, материал и формы отражения, отклика, отзвука, незабываемым и обязательным остается одно условие — увидеть, услышать, понять! — дабы не повторился описанный Пушкиным казус, когда, как известно, «глухой глухого звал к суду судьи глухого...»

Увы, такого рода печально-веселые опасения вызывают некоторые журнально-газетные обзорно-проблемные статьи последнего времени, посвященные тем или иным вопросам прозы. В разной степени, но именно такое впечатление произвели на меня статьи А. Марченко — «Время искать себя», В. Соловьева — «Жанр рассказа: каноны и движение», В. Меженкова — «Странная» проза». Всего лишь в порядке полемического зачина коснусь я ниже остроты критического зрения и слуха, сказавшихся в первых двух из названных статей, да и то весьма выборочно выделив из великого множества обозреваемых в них произведений пару рассказов, повесть и роман.

...В самолете, пересекающем пространство от Москвы до Сибири, два журналиста — он и она. « — Красивая земля! — крикнула я дремлющему Шуре в ухо. — Что? — Красивая земля! — Не слышу!.. — Пока я докричала до него

эту фразу, она утратила свою незначительность и скромность и оглушила его высокопарностью, так что он даже отодвинулся от меня...».

Этот краткий диалог — если можно назвать диалогом случай, когда говорит один, а другой не слышит — выписан мною из рассказа Беллы Ахмадулиной «На сибирских дорогах», развенчать который задается целью Алла Марченко в самом начале своей статьи, как бы испытывая на этом десятилетней давности рассказе настрой своего критического инструмента. А мне именно этот «диалог» и вспомнился, когда я пытался вникнуть в ее критические суждения и о рассказе Беллы Ахмадулиной, и о повести Эдишера Кипиани «Шапка, закинутая в небо», и о романе Нодара Думбадзе «Не бойся, мама!» При таком способе беседы, воистину, в одном случае, простое и скромное может показаться высокопарным, а в другом — возвышенное и высоко парящее — в истинном смысле этого слова — «кокетливо косноязычным», «экзальтированным», «умиленным», «романтически прекраснородушным», «поэмой ностальгического экстаза», находящейся на грани «самопародии» и уже по своим исходным «импульсам» властно требующей осмеяния. Все эти приведенные нами в кавычках броские характеристики адресованы критиком рассказу Беллы Ахмадулиной.

Совершенно такой же метод «собеседования» с автором повести «Шапка, закинутая в небо» приводит критика к категорическому заключению, что в основе повести лежит некий «закон краси-

вописания, главное — не верность жизненной правде, а умение сочинить сюжет, да навести нужный декор, да замолчать вовремя, эффектно замкнув интонационный период...» При таком же методе, примененном к роману «Не бойся, мама!», критик, конечно, тут же приходит к выводу, что якобы «чувствуются «ножницы между подходом к материалу и возможностями, заложенными в нем», и одну из причин этого видит «в тех любовно-родственных отношениях, которые связывают автора и героя».

Не поймите меня превратно. Я отнюдь не против хлестких и броских, иронизирующих или унижающих оценок. Тем более я не собираюсь спорить с заковыченными и незаковыченными цитатами из М. Бахтина, которыми пеэстрит статья А. Марченко. Все дело в точности применения тона и смысла этих оценок, в точности цели и попадания в цель. Однако и «тяжелая артиллерия» науки о литературе и критическая «кавалерия острот» пущены здесь в ход всеу. А. Марченко, полемизируя с критиком М. Чудаковой, иронизируя над «изяществом ее теоретического построения» и упрекая ее в том, что она «порой попросту обходит те факты, которые могут нарушить» это «изящество», сама в своей статье (во всяком случае, в той ее части, которую мы рассматриваем) не то что обходит ту или иную художественную реальность, а скажем прямо, подгоняет, приспосабливает ее, сплошь да рядом, к собственному «теоретическому построению», которому мы вынуждены поспеу отказать даже в упомянутом «изяществе».

Обремененная грузом давно и недавно прочитанных книг, находясь целиком во власти собственных схем и построений, не желая вырваться за рамки навязчивых представлений и рассуждений о жанре романа и повести, вернее о формальных аспектах этой проблемы, она далеко уходит от художественной реальности каждого данного конкретного произведения, с неопозволительной приближенностью, а то и вовсе превратно излагая, формулируя как тему рассказа, повести, романа, так и их сюжетные узлы, коллизии, частные мотивы, давая ложное освещение образам и лицам, персонажам и их взаимоотношениям, прямой и косвенной речи, поэтике, стилистике и интонационному ладу повествования. Когда-то Алла Марченко выступила с интересной статьей, озаглавленной «Что» и «как» в поэзии». Я не собираюсь возвращаться к проблематике той давней работы и вспомнил о ней лишь для того, чтобы, пользуясь терминологией критика, подчеркнуть в данном случае, при анализе ряда произведений прозы, она явно игнорирует диа-

лектику взаимности «что» и «как», доверяясь своему восприятию и толкованию второго явно за счет первого, что ущерб первому и уж совершенно без учета взаимодействия этих категорий с третьей, едва ли не высшей — с идейно-художественной целесообразностью любых компонентов, властно требующих ответа на вопрос: «для чего?»

Нет, никакой «настойчивой тяги» к чему-то «родному и древнему», «тоски по истокам», а тем более никакого «ностальгического экстаза» нет и в помине в рассказе «На сибирских дорогах». Мотивы «родства», даже если и мелькают там кое-где, служат лишь одной высшей цели: показать и высказать испытанную героями рассказа сегодня, ныне, на просторах, подвластных нашему времени, радость бытия, радость человеческого общения, которая, «чем случайней, тем вернее» слагается на нашей земле, где русские, хакасы, грузины, где журналисты, райкомовцы, шофера, буфетчицы, сказители и археологи, где старики, женщины, девушки, юноши и дети, где природа и люди являют пример «доброты друг к другу», где прошлое смыкается с настоящим, дабы дать повод и право автору вместе со своей героиней воскликнуть: «Милое, милое человечество!». И уж не будем переспрашивать при шуме научно-критического мотора — «Что? Что?» А то и в этот раз, пока нам докричат эту фразу, она утратит свою скромность и оглушит нас навязанной ей высокопарностью...

Нет, уважаемый критик, и герой повести «Шапка, закинутая в небо» — молодой следователь Заал, человек действительно (и без Ваших кавычек) «до болезненности честный и совестливый», с «необычно развитым чувством ответственности», — вовсе не думает и не делает того, что Вы ему приписываете. Разбирая дело о внезапной и трагической гибели школьника, он только в поисках истины, а не для того «чтобы успокоить мучительную мысль о возможном самоубийстве, уверяет себя и прокуратуру, что произошло убийство». Да он вовсе не уверяет в этом кого-либо, а логически-последовательно исследует одну из допустимых версий гибели мальчика, точно так же, как он вслед за этим проанализирует и возможность самоубийства и сам же доищется обоснований происшедшего в действительности несчастного случая. И прокурор отнюдь не потому «вынужден поручить расследование другому, более опытному юристу», что Заал, якобы, для удобства своей души выдвигает версию об убийстве и «делает это неумело», а потому, что он по ходу дела собирається допрашивать влиятельного министра и его жену! И уезжает Заал на неделю к морю не для того,

чтобы «лечить оскорбленное самолюбие первозданном морским «величием» (ирония-то какого уровня!), а так как он действительно отстранен от дела и испытывает естественное желание хоть чуточку отдохнуть. И если он сам же упрекает себя там, на другой же день, что, «заботясь о себе, забыл обо всем», и «краснеет, несмотря на то, что был в комнате один», — это еще не повод и тем более не основание для критика торжествующе заключить, что Заал лишь «изображал совестливого человека», а на деле оказался «ленив и равнодушен»!

На таких же подтасовках, передержках, перевираании сюжетных мотивов и психологических мотивировок зиждутся и все остальные рассуждения (— осуждения —) критика. Нет уж, та интригующая комбинация добрых и злых желаний, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление, создав иллюзию сложной, неординарной духовной жизни», которую автор статьи «Время искать себя» приписывает повести, с гораздо большим основанием может быть отнесена именно к этой статье, в которой и следует поискать свидетельства и признаки «ленивого и равнодушного» критического кокетства и жеманства.

Да, автора и героя романа «Не бойся, мама!» действительно связывают «любовно-родственные отношения». Но в чем тут, собственно, криминал? Лишь в том, что в силу этого роман и его герой не укладываются в навязанную им схему «углубленного самопознания» и несколько иначе, чем желал бы критик, отвечают ее призыву — мол, «время искать себя»? Или зачем, в силу какого литературного канона в романе, написанном от первого лица — от лица юноши-новобранца, — искать вычитанный у М. Бахтина «авторский избыток» в самом лирико-исповедальном, естественно-наивном потоке повествования, а не усмотреть его в душевной пластике всего произведения, в гармонии целого? И зачем с мнимой обязательностью ученой оглядки на иные образцы эпизодическую фигуру писателя, посетившего погранзаставу, воспринимать как возможное орудие литературного приема, позволяющего видеть «мир, отраженным в разных сознаниях: глазами восемнадцатилетнего новобранца и сорокалетнего художника, видение которого изощрено опытом...», но в то же время как бы ослаблено лауреатством, сытой жизнью и прочими налогами на «рады творчества»? Ведь роман пишет не А. Марченко, а Н. Думбадзе, и у него свой замысел, свои расчеты, даже просчеты свои, но не те, которые ему приписывает критик. И даже в характеристике посетившего погранзаставу писателя А. Марченко права, говоря лишь о его возрасте, и уж чистейшей

фантазией постучет нас, говоря о «пн-логах на радости творчества». Она явно накладывает воображаемый гибкий, возможно, даже примелькавшийся в жизни образ на героя не его сочиненного романа. Такую же мнимость преподносит она нам, утверждая, что «писатель и солдат ведут себя как близнецы — в мелочах и в крупном» — этому в реально существующем романе Н. Думбадзе не найти ни единого подтверждения. И еще менее цепетильна автор статьи, когда живописует читавшим и особенно не читавшим романа читателям любовь юноши-солдата «к двум женщинам». В ее передаче первая юношеская душевная потребность в любви и естественное состояние предвосхищенной влюбленности, наивно-восторженно ищущей или творящей себе кумира, выглядит и «легкомысленно», и «легкочувственным», и «просто актерством», и «почти рефлекторной реакцией на залитое слезами красивое женское лицо», а в общем-то «явным недостатком героя». И тем настоятельнее требование критика, чтобы если не автор, то хоть кто-нибудь, хотя бы изображенный им писатель-лауреат «взглянул на юного Автадила строгими, критически, а не восхищенными глазами». А если и здесь автор хотел в первую очередь показать и сообщить нам испытанную его молодым героем «неопределенную еще радость и доброту друг к другу»? Если и ему вслед за Беллой Ахмадулиной и Эдишером Кипиани, при немеркнувшей встрече с «душ золотыми россиянами» захотелось тихо и почти про себя сказать: «Милое, милое человечество!»? А «нулевой авторский избыток» ведь может возникнуть и по вине воспринимающей стороны, так сказать, судьи, решившего «женить молодца, хоть девка виновата...»

Перейдем ко второму судье.

Полемические заметки Владимира Соловьева озаглавлены, казалось бы, заманчиво — «Жанр рассказа: каноны и движение». Однако впечатление это обманчиво. Содержание статьи в очень малой степени отвечает подобной заявке, ибо первая же фраза ее — «начнем с арифметики» — увы, оказывается достаточно властным камертоном для дальнейшего критического обзора, ибо вслед за собственно арифметическим подсчетом опубликованных за данный отрезок времени рассказов следуют среднеарифметические же выкладки относительно тематики, некоторых совпадающих сюжетно-фабульных мотивов и вереница оценочных эпитетов, не подкрепленных ни анализом смысла, ни критической «дегустацией» формы большинства этих произведений. Правда, сделать это было трудно, если учесть, что речь идет ни больше ни меньше как о 17 журнальных пуб-

ликациях 11 различных авторов, с соответствующими отступлениями в историю вопроса от Пушкина до Овечкина. Но любой такой выбор и отбор — право автора. Право же читателя судить — преодолена ли трудность задачи. В этой роли я и хочу выступить; и пользуясь, в свою очередь, правом выбора — задержусь лишь на одном примере, характерном для способа восприятия и стилиа оценки автором «полюемических заметок» «канонов и движения», сказавшихся в том или ином подсудном ему случае.

Я не задержусь на обобщениях автора статьи. Они ни по характеру своему, ни по возможному применению к конкретному материалу не вызывают интереса — настолько они бесплотны в своей претенциозной тривиальности. Вот образчик их: «рассказ... оказался на околице литературы», он должен быть «личным открытием в каждом отдельном случае», а не «путешествием по известному маршруту», он должен «нести в себе элемент открытия», «важна... новизна», ибо «через нее в оостеневшие формы, изменяя их, проникает новая реальность» и т. д. и т. п. Конечно же, конечно же. Хотя, если поддаться соблазну рассуждений о «канонах» и «движении», можно было бы и здесь между крайними красками спектра найти иные «жанровые» оттенки и сочетания, говорящие о многообразии переходов от традиционности к новаторству и самих «дистанций» и ритмов этих переходов, этого «движения». Но что-то «должен» не только автор рассказа, но и читатель-критик, оценивающий его. Он должен прочитать рассказ, понять его тему, увидев и оценив ту самую «реальность», которая движет его формой и подсказывает прирду этого «движения» или же выбор традиционных канонов. Так вот, определить тему повести Э. Фейгина «Бульдоги Лапшина», как «рассказ о переживаниях режиссера Демина по поводу смерти главного режиссера Лапшина», значит указать лишь «на сюжетный фон», который порождает тему, проблему и весь смысл рассказа, но ничего, буквально ничего не сказать об этой теме, об этом смысле. Даже не наметнуть на них. И тогда высокая оценка профессиональных достоинств рассказа («добросовестно, подробно, аналитически, даже тонко ведется повествование...») на первый взгляд может показаться поддающейся сочетанию с таким продолжением этой оценки: «Остается привкус унылости и скуки. Профессионально? Да. И одновременно — бескрыло». Увы, само это резюме уныло и бескрыло, к тому же непрофессионально. И вот почему. Да, главреж Лапшин действительно умер. И режиссер Демина, естественно, переживает эту смерть.

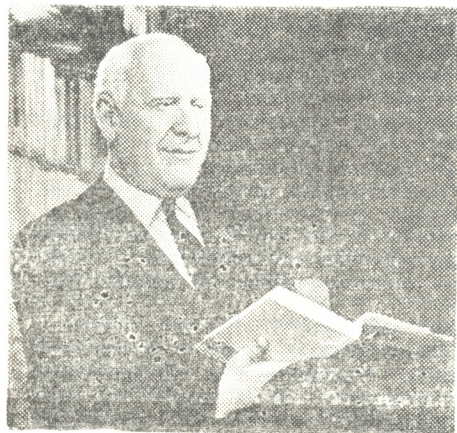
Два часа этих переживаний — дома, по дороге к дому покойного и в его квартире — и составляют, отмеченный критиком, сюжетно-ситуационный фон, на котором и ведется художнический поиск и анализ темы, проблемы, смысла, самой реальности, которая вызвала к жизни рассказ. Смерть Лапшина обожжила и обострила весь комплекс взаимоотношений — творческих, деловых, личных, — существовавший до этого в театре. Вся эта ретроспекция воистину аналитически и тонко поведена автором и показана нам через движение состояний и раздумий Демина. Но кроме ретроспекции, как ее продолжение, возникает и мысленное движение вперед, в завтрашний (уже сегодняшний!) день. И тут с подлинной психологической достоверностью и, если это можно применить к внутреннему монологу и «потоку сознания», с точной и яркой пластичностью показаны два «путешествия» Демина — к давно желанной вершине театральной карьеры («деминскому театру», к развороту и размаху его деятельности в роли нового главрежа, со всеми дерзкими прожектами и относительно кадров, и касательно репертуара, не говоря об общем будущем «деминском» лице театра, и путешествие обратное — исподволь созревающие догадки, ощущение, чувство, мысль, сознание своего несоответствия условиям, требованиям, цели и смыслу этого «взлета», возвращение на землю, на почву трезвой самооценки, честного и объективного «огляда» людей вокруг, вплоть до беспощадного по отношению к себе признания, что главрежем, конечно, должен стать молодой Логинов, два часа назад именуемый им про себя не иначе как мальчишкой. Этот путь «туда» и «обратно», «вверх» и «вниз» показан автором даже не по схеме моральной антитезы «сокола» и «ужа», хотя отголосок этой проблематики в рассказе наличествует. Он показан не как история «величия и падения» Михаила Демина, а даже как бы наоборот, ибо величие оказывается совместимым только с правдой, с честностью, с данным конкретным проявлением человеческого достоинства. Падение Демина началось и могло совершиться, если бы он хотя бы про себя, в своих мыслях закрепился «там», «наверху»; величие его состоялось, когда он назвал себе имя Логинова. В рассказе здесь поставлена точка. Но мы знаем — «канон» эгонстической, обывательской психологии и натуры нарушен, возникло, началось «движение» души в сторону духа. И это грядущее обновление, возрождение человека, артиста, труженика может обернуться самыми прекрасными своими гранями, ликами, «взлетами». Демина победил, и на него уже впредь никто (в первую очередь

он сам) никаких собак не навешает. Кстати, фабульно последняя в рассказе сцена прогулки Демина с бульдогами Лапшина, которые как бы по негласному сговору или как нечто само собой разумеющееся должны были перейти по наследству к новому главному, эта, повторяем, сцена нужна для внешнего (очень естественно показанного) стимулирования, кристаллизации моральных суждений и выводов героя; а вовсе не для того, чтобы дать критику повод — уже в обобщающих пластах своей статьи — к рассуждениям на тему о том, «что любовь к животным достаточно эгоистична и требует куда меньшей ответственности и отдачи, чем трудная любовь к человеку». Но не будем уж мы отвлекаться и скажем прямо: если кратко, вчерне, схематично изложенная нами тема и проблематика рассказа Э. Фейгина (куда, кстати, более емкая и широкая, чем ее данное воплощение на материале жизни театрально-артистической среды), если именно этот смысл рассказа сочетается с «добросовестным, подробным, аналитическим, даже тонким повествовани-

ем», как констатирует сам В. Соловьев, то где же тогда следует искать источник ощущения «бескрылости» «эпицентр» «скуки и унылости» «вкус» которых ощутил критик? Только не в рассказе Э. Фейгина. По-видимому, любовь к беседам о «канонах и движении» требует куда меньшей ответственности и отдачи, чем трудная любовь к искусству, в том числе и к искусству рассказа.

И раз уж я «пошел на коду», позволю себе лирическое отступление: рассказ «Бульдоги Лапшина» доставил мне, как читателю и литератору, истинное удовольствие, вызвав радость открытости и одухотворенности, того духовного возбуждения и нравственной напряженности, которыми так сильны лучшие произведения советской литературы.

...А что касается нашего — критиков — долга и удела, то нам следует, по-видимому, помнить, что не только нам дано судить произведение искусства, — но и ему — произведению искусства — дана власть и возможность осудить неправедного судью.

Грузинская советская общественность торжественно отметила 70-летие со дня рождения известного советского критика, одного из зачинателей грузинской советской литературной критики Виссариона Давидовича Жгенти.

Президиум Верховного Совета СССР за большие заслуги перед советской литературой наградил юбиляра орденом «Знак Почета». Ему были направлены адреса Союза писателей СССР, Совета по критике и Совету по грузинской литературе при СП СССР, а также Союза писателей Грузии. Грузинская советская общественность широко откликнулась на юбилей виднейшего грузинского критика. «Литературная Грузия» от души приветствует дорогого юбиляра и желает ему новых творческих успехов.

Ниже мы печатаем материалы, посвященные В. Д. Жгенти.

ДЕЛО ЖИЗНИ

К 70-ЛЕТИЮ БЕСО ЖГЕНТИ

Художественная литература, как наиболее яркое выражение духовной жизни народа, как зеркало, отражающее ее сущность, лишь тогда отвечает требованиям породившей ее эпохи, когда этой литературе сопутствует критико-теоретическая мысль, облегчающая процесс ее развития и способствующая ее самоосмыслению.

Критика — такая же необходимая область любой литературы, как и другие области художественно-образного мышления. И если художественная литература — это зеркало жизни народа, то критика — зеркало литературы. Поэтому каждый народ, уважающий свое прошлое и настоящее, всегда должен заботиться о чистоте этого зеркала, о точности отображения в нем своей жизни.

Когда же на заре новой эры произошло обновление этой жизни и вступившая в братскую семью советских республик Грузия приобщилась к ней, а ее многовековая история вошла в иное русло, возникла новаторская литература, которая в свою очередь, как собственное самопознание, породила совершенно новую литературную критику.

Новым всходам способствовали тогда и богатейшие национальные традиции в области теоретической мысли и критического восприятия действительности. И хотя пути их развития вырисовывались в ту пору еще весьма туманно, молодое поколение грузинских критиков мужественно включилось в трудный процесс становления нового.

И одним из первых, кто заложил основу грузинской советской критики, кто превратил ее в действенное оружие советской литературы, был Бесо Жгенти. Приобщив литературную критику к делу возрождения родной страны, он стал одним из ее зачинателей и первопроходцев.

С тех пор уже более полувека он преданно служит грузинской литературе, отдавая ее развитию весь свой талант, все силы и знания. Но годы тяжкого

труда и борьбы не сломили его, не погасили в нем неукротимой энергии, пламенной страсти борца и энтузиаста.

Родился Бесо Жгенти в интеллигентной, зажиточной семье. Жил и учился в Кутаиси, который тогда являлся центром грузинской общественной и обильно грузинской литературы и театра. Не одно выдающееся имя связано с этим городом — второй столицей Грузии.

Кутаисская гимназия, в которой учился Б. Жгенти, была в то время одним из лучших просветительных учреждений Грузии, где обучение велось на грузинском языке. Благодаря вдохновенному труду педагогов, проникнутых передовыми, революционными идеями века, она дала стране немало видных деятелей. В этом смысле повезло и Б. Жгенти. Его учителями были такие великолепные педагоги и великодушные люди, как И. Оцхели, С. Цхведадзе, Д. Томашвили, И. Николайшвили, Ал. Гарсеванишвили, а также Г. Ахвледиани, Д. Узнадзе, А. Джанелидзе, В. Беридзе, ставшие впоследствии известными учеными.

Уже в ученические годы Б. Жгенти выделялся большими способностями. В 12 лет он произнес свою первую публичную речь, до слез растрогавшую слушателей. Это было в гимназии, в день смерти Акакия Церетели. Мальчик был еще так мал, что директор гимназии Иосиф Оцхели поднял его на руки и поставил на стол, чтоб собравшиеся на траурный митинг могли видеть юного оратора.

Так впервые проявился его дар красноречия. С тех пор он не раз очаровывал слушателей отточенностью, убедительностью, впечатляющей силой и красотой своих речей. Но все же главным их достоинством всегда оставалась верность мысли и позиции.

В той же Кутаисской гимназии началось увлечение Б. Жгенти литературой. Он был инициатором основания рукописного детского журнала, и создания литературного кружка, в который входили С. Чиковани, А. Белиашвили, Д. Гачециладзе, Н. Чачава, а уже потом в Тбилиси — Д. Шенгелая, Л. Асатиани, Н. Шенгелая, Ир. Гамрекели, С. Долидзе.

Вскоре этот кружок стал ядром группы грузинских футуристов-лефовцев, организационно сформировавшейся в 1921—1922 годах. Б. Жгенти являлся одним из ее руководителей. И хотя это была корпорация формалистического порядка, выступала она порой и с революционными лозунгами. Однако формалистические и вульгаризаторские ошибки не давали ей возможности стать на позиции реалистического отображения действительности. Говоря об этом, нельзя не учитывать, что большинству грузинских футуристов-лефовцев было тогда не более 20—23 лет и их приверженность этой «левизне» продолжалась всего 3—4 года. Кроме того, и это особенно существенно, в тот период не было еще окончательно разработанных методологических принципов советской литературы.

На всем этом приходится останавливаться так подробно потому, что деятельность Б. Жгенти неразрывно связана с литературной жизнью республики и отделить его биографическую канву от общей проблематики и истории литературной борьбы просто невозможно.

Занятия Б. Жгенти в Тбилиском государственном университете (1922—1926) совпали с первыми годами Советской власти в Грузии. Это была пора не только классовой и идеологической, но и литературной борьбы. Именно те бурные годы и сделали Б. Жгенти смелым бойцом и литератором, что особенно ярко проявилось после переезда в Тбилиси, где его литературная деятельность становится еще более интенсивной.

Здесь в Тбилиси, состоялся и его дебют как критика. В 1925 году в первом и втором номерах только что основанного журнала «Мнатоби» была напечатана его большая статья обзорного характера — «Грузинская литература в 1924 году». Рассмотрев в ней работы почти всех видных грузинских писателей того периода, он дал им верную оценку. И в этом сказались острое чутье, интуиция, навыки верной квалификации молодого критика. Ведь ему было тогда всего 22 года. Вслед за этим в журнале «Картули мцрлоба» было опубликовано его «Литературное обозрение за 1926 год».

И вот скоро уже 50 лет он преданно служит главному делу своей жизни. А сколько критиков за это время не выдержало этой тяжелой ноши; одни занялись изучением истории литературы, другие вовсе отошли от этой сферы деятельности.

Бесо Жгенти же выдержал немало литературных бурь. Ведь он относится к тому поколению литераторов, которое руководящие принципы советской литературы — партийность, идейность, народность, — получило не в готовом, практически разработанном виде, а усвоило их в процессе труда и борьбы, завоевало ценою крови.

Несмотря на приверженность к футуризму в юности, Б. Жгенти всегда было чуждо нигилистическое отношение к классическому наследию, которое он защищал от вульгаризаторского отношения, отстаивая прогрессивные, демокра-

тические и революционные традиции прошлого. Именно такая позиция легла в основу доклада, прочитанного на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году, соавтором которого он был. Благодаря этому докладу грузинская литература впервые вышла на всесоюзную арену и получила широкое признание. Первым в советскую эпоху дал достойную оценку творчеству Ильи Чавчавадзе опять-таки Б. Жгенти. В связи со 100-летием со дня его рождения в 1937 году в газете «Правда» была опубликована большая его статья «Основное положение новой грузинской литературы». Своим докладом на юбилее Николаза Бараташвили в 1945 году Б. Жгенти познакомил широкую аудиторию с творчеством этого великого поэта-романтика, который как раз тогда впервые стал известен во всем Советском Союзе.

Но главное внимание Б. Жгенти все же всегда было обращено на литературу XX века и особенно на советскую литературу. Многочисленные его статьи, посвященные таким видным советским писателям, как Ш. Дадиани, Н. Лордкипанидзе, М. Джавахишвили, Л. Квачели, С. Шаншиашвили, Г. Табидзе, И. Гришашвили, К. Гамсахурдиа, Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Квдиашвили, Д. Шенгелая, С. Чиковани, А. Мирцхулава, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, И. Донешвили, Р. Маргиани, являются первыми откликами нашей литературной критики на их творчество. Причем эти отклики всегда оперативные, исключительно своевременные, имеющие принципиальное значение для нашей литературы. И в этом смысле Б. Жгенти с полным правом можно назвать первопроходцем грузинской советской литературной критики.

Бескомпромиссный боец, острый и талантливый полемист, Б. Жгенти в литературном споре беспощаден и остер. Но это не мешает ему поддерживать дружеские отношения со своими оппонентами и, что самое главное, никогда не терять уважения к ним. Поэтому часто даже те писатели, с которыми он не раз вступал в спор, сами же просили его быть докладчиком на юбилейных вечерах, посвященных их творчеству. Так было, например, с Г. Табидзе, И. Гришашвили, К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, С. Чиковани.

Весь пафос критической деятельности Б. Жгенти состоит в его настоятельной попытке воздействовать на современный живой литературный процесс, руководствуясь при этом основополагающими принципами советской литературы, базируясь на методологической основе социалистического реализма, он способствует развитию нашей литературы в духе высокой идейности, народности, партийности. Непреклонно и последовательно борется он за утверждение высоких идейно-художественных и эстетических критериев, за совершенствование художественного мастерства.

Критик по призванию, по роду своего дарования, Б. Жгенти, даже обращаясь к творчеству писателей прошлого, рассматривает его главным образом в аспекте связи исторического материала с современностью, взаимоотношения традиций с сегодняшним днем. Именно в таком плане написаны его интересные труды о Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, В. Пшавела, Э. Ниношвили, Д. Квдиашвили и некоторых других классиках грузинской литературы. Большинство этих работ изданы отдельными книгами в объеме четырех-пяти листов или предпосланы собраниям сочинений названных писателей. Таково же рода и его статьи о Шота Руставели. Когда в 1937 году в переводе Н. Заболоцкого на русском языке был издан для юношества «Витязь в тигровой шкуре», предисловие к этому изданию написал Б. Жгенти. Он первый познакомил молодого русского читателя с этой поэмой. Чрезвычайный пленум Союза писателей СССР в связи с юбилеем Шота Руставели в 1937 году также был открыт докладом Б. Жгенти. И это была одна из первых оценок, которую дали гениальному поэту и мыслителю советская эпоха, советский народ.

Участник многих литературных сражений, Б. Жгенти считает, что справедливая, принципиальная борьба — подлинная школа художественного воспитания литературной молодежи. Поэтому он не избегает столкновений и с молодыми авторами, ибо знает, что истинный талант это не отпугнет, а только поможет ему увереннее идти к намеченной цели. Убежденный сторонник спартанского воспитания, Б. Жгенти горячо и темпераментно наступает на молодежь, руководствуясь принципом, — воспитывай юношу сурово, и тогда он станет другом.

Действительно, трудно назвать второго грузинского критика, который бы внес столь большой вклад в воспитание молодых литературных кадров, как Б. Жгенти. И тут уместно вспомнить о литературном кружке Тбилисского государственного университета, который он основал вместе с Н. Кецховели. В течение многих лет Б. Жгенти бесменно руководил этим кружком. Под его редакцией вышло восемь томов альманаха кружковцев «Пирвели схиви». Именно в этом кружке, как говорится, встали на ноги многие видные представители современной грузинской литературы. Это, например, Р. Джапаридзе, М. Мачава-

риани, Н. Думбадзе, А. Сулакаури, Р. Инанишвили, Ш. Нишнианидзе, Д. Чарк-виани, М. Кахидзе, Г. Хухашвили, Н. Киласония, такие литературоведы и критики, как Т. Буачидзе, Т. Кванчилашвили, Г. Вардосанидзе, З. Чумбуридзе, М. Тодуа и другие.

Б. Жгенти никогда не был критиком кабинетного типа. Он всегда активно участвовал в практической и организационной деятельности Союза писателей Грузии. Совсем молодым он уже входил в состав руководителей одной из самых воинствующих литературных группировок. Двадцати двух лет несколько раз выступал на Первом съезде грузинских писателей в 1926 году. С тех пор он постоянно входит в руководство Союза писателей Грузии. В 1932 году, когда по постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля того же года о преобразовании художественно-литературных организаций был созван Чрезвычайный съезд писателей и создан единый Союз писателей Грузии, Б. Жгенти избирается его ответственным секретарем. На этом посту он всегда активно боролся за консолидацию писателей, за преодоление групповщины. Б. Жгенти — бессменный член правления и президиума Союза писателей Грузии и вот уже двадцать лет — его секретарь.

Не было за это время ни одного такого съезда или пленума Союза писателей Грузии, ни одного важного мероприятия — дискуссии, совещания или декады, в работе которого Б. Жгенти не принял бы самого деятельного участия. Он также — делегат всех съездов Союза писателей СССР, а на трех последних был избран членом правления Союза писателей СССР.

Б. Жгенти не только всегда стремится быть в курсе литературной жизни, но и быть в самой ее гуще. Большой темперамент и эмоциональность, неутолимый интерес ко всему помогают ему в осмыслении и оценке событий и явлений. В этом источник его неиссякаемой энергии, неутолимого желания всюду поспеть, со всеми поддерживать контакты, на все откликнуться. И если собрать все сказанное им, разбросанное в прессе в виде статей, включенное очерками в академические издания, выпущенное отдельными книгами, составит множество томов...

Б. Жгенти довелось жить в сложное и бурное время, с подчас менявшимися критериями времени, но, несмотря на это, то главное, что сделано им в критике, и сейчас остается основой грузинского советского литературоведения.

На протяжении полувека в Грузии не было написано ни одной значительной поэмы, стихотворения, рассказа, романа, пьесы или критической работы, на которые бы Б. Жгенти тотчас не откликнулся. За это время многое менялось, многое утверждалось заново, и, возможно, некоторые прогнозы и оценки Б. Жгенти требуют сейчас существенных коррективов. Но не было случая, чтобы он поддержал бездарного писателя.

Удивительная осведомленность в любимом деле, глубокое знание прошлого и настоящего, большая эрудиция, поразительная память, обостренная интуиция, способность к правильной ориентации в сложных явлениях, умение угадывать будущее — все эти качества Бесо Жгенти не подлежат сомнению.

Вот уже 50 лет идет он в авангарде грузинской советской критики. И сегодня, так же как и на заре своей литературной деятельности, уверенно смотрит вперед, бескорыстно и преданно служа родной литературе, помогая ее развитию.

Не меньше жара души отдал он и возрождению грузинского театра, его расцвету. С самого начала у Б. Жгенти было два кумира: грузинская литература и грузинский театр. И это не случайно: ведь оба являются мощным средством сохранения и проявления национальной самобытности народа. Из всех форм искусства именно они опираются на национальный язык, за сохранение и развитие которого он всегда самоотверженно боролся.

Преданный друг и соратник Котэ Марджанишвили, Б. Жгенти был и одним из первых театральных критиков, внесших большой вклад в дело расцвета грузинского театра. Друг, советчик и ценитель грузинских актеров, он всегда был верен грузинскому театру. Заведующий литературной частью в театре Котэ Марджанишвили, плодотворный рецензент, один из основателей Грузинского театрального общества, бессменный член его правления и президиума, самый компетентный театральный критик — и таков еще наш сегодняшний юбиляр. Примечательно также, что на открытии театра К. Марджанишвили шла пьеса Эрнеста Толлера «Гоп-ля, мы живем!», переведенная Б. Жгенти.

Столь же обширна и богата сфера научно-педагогической работы Б. Жгенти. Один из старейших преподавателей Тбилисского государственного университета, он входит в число составителей курса лекций по грузинской советской литературе, является автором многочисленных школьных и университетских учебников. Много лет руководит Б. Жгенти центром по изучению советской литерату-

ры в Грузии — отделом советской литературы Института истории грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР.

Не менее велика его заслуга в деле пропаганды грузинской литературы за пределами республики. Он является членом редакционной коллегии Критико-литературной энциклопедии, научным консультантом Большой Советской энциклопедии и одновременно автором многих опубликованных в них обзоров и итоговых статей. Б. Жгенти — член главной редакционной коллегии капитального многотомного издания «История многонациональной советской литературы» и один из его соавторов. Он редактирует пятый и шестой тома шеститомника «История грузинской литературы».

Нет такой республики, где бы этот истинный интернационалист не выступал с речами или докладами. Его везде знают и уважают. Его выступления на дискуссиях по вопросам национального языка и литературных взаимоотношений также знакомы многим.

Десятки лет Бесо Жгенти возглавляет секцию критиков Союза писателей Грузии, ведет большую лекционно-пропагандистскую работу в обществе «Знание», членом президиума которого является. Его заслуги по достоинству оценены нашей партией и правительством. Он награжден несколькими орденами, ему присвоены различные почетные звания. Неоднократно избирался он депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

Абсолютной безошибочности не существует. И хотя на протяжении своей многолетней, насыщенной активной борьбой жизни Б. Жгенти тоже допустил кое-какие ошибки литературно-художественного характера, они никогда не были роковыми ни для него, ни для других, ибо он всегда старался исправить их. Его верное мышление, ясное и удивительно логичное, всегда помогало ему занять правильную позицию, несмотря на то, что он человек довольно упрямый, хотя и это тоже является проявлением твердости характера, без которой не устоишь на бастионе критики, атакуемом ежеминутно и ежесекундно. А Б. Жгенти удерживается на этом бастионе уже 50 лет.

Люди, самозабвенно влюбленные в свое дело, заслуживают искреннего уважения. Такого уважения заслуживает и Бесо Жгенти. Поздравим же этого неутомимого поборника советской культуры, пожелаем ему и впредь так же энергично, преданно и плодотворно служить делу процветания своей родной Грузии, всей нашей великой и многонациональной Советской Отчизны.

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

ЮБИЛЯРА ПОЗДРАВЛЯЮТ:

Завидуем Вашей душевной молодости, творческой энергии, неиссякаемому жизнелюбию. Пусть множится Ваш вклад в братство наших литератур.

**ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» —
ПОТАПОВ, КОШЕЧКИН, ЛУКИН, КАПРАЛОВ, ЕРЕМИН**

От берегов седого Хазара к берегам родной Куры шлем горячий азербайджанский салам. Полвека Вашей жизни отданы честному и страстному служению грузинской советской литературе, всему нашему многонациональному искусству слова. Как критик Вы чутко откликались на современную литературу, как литературовед Вы зорко и глубоко всматриваетесь в путь, пройденный ею. Желаем Вам новых восхождений на вершины мысли и творчества.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Горячо поздравляем Вас, талантливейшего литератора и неукротимого общественного деятеля братской Грузии, нашего большого друга, обаятельного и доброжелательного человека со славным семидесятилетием. Желаем свойственной Вам бодрости и новых творческих успехов.

СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

От подножья седого Памира шлем дорогому юбиляру искренние пожелания крепкого здоровья, большого долголетия.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

Туркменские писатели от всего сердца поздравляют Вас с семидесятилетием. Ваши мудрые слова очень нужны и писателям, и читателям.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА

Молдавские писатели желают дорогому юбиляру крепкого здоровья, вдохновенного труда, больших успехов во славу нашей многонациональной советской литературы.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ МОЛДАВИИ

От имени писателей Эстонии шлем горячий привет дорогому Бесо. Желаем прежней неистовости горения и впредь.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ

Ленинградские писатели сердечно поздравляют Вас, известного советского критика и литературоведа, «неизменного» секретаря Союза писателей Грузии с замечательным юбилеем.

СЕКРЕТАРИАТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Что первым долгом могут Вам пожелать абхазские писатели, если не абхазского долголетия? Новых Вам «критических удач», новых радостей во славу дружбы народов, поборником которой Вы являетесь.

ПИСАТЕЛИ АБХАЗСКОЙ АССР

От всех писателей любимого Вами края Грузии наш низкий поклон и наилучшие пожелания.

ПРАВЛЕНИЕ АДЖАРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СП ГРУЗИНСКОЙ ССР

Мы высоко ценим Ваш яркий талант литературного трибуна, посвящающего все свои силы утверждению передовых коммунистических идеалов в советском искусстве слова.

ПИСАТЕЛИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Адыгейские литераторы, начиная от ветерана Тембота Керашева и кончая самыми молодыми, поздравляют Вас первым семидесятилетием. Мы желаем Вам нартского здоровья, грузинского долголетия, кавказской смекалки. Так держать!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АДЫГЕЙСКОЙ АССР

Ваши труды по истории литературы братской Грузии — весомый вклад в эстетику социалистического реализма, а Ваша вдохновенная общественная деятельность служит делу советского культурного строительства, братству, дружбе наших народов.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Высоко ценим Ваш вклад в советскую литературу. Желаем новых радостей и новых творческих вершин.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Мы глубоко уважаем Вас, старейшего советского литератора, ученого и критика, высоко ценим Ваш вклад в развитие советской литературы, филологической науки, художественной критики.

ОТ ИМЕНИ КОЛЛЕКТИВА ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГОРЬКОГО АН СССР СУЧКОВ, ДЫМШИЦ, ЩЕРВИНА, УШАКОВ,
ЮРЬЕВА

Редакция «Нового мира» от всего сердца желает Вам доброго здоровья, успехов в творчестве.

КОСОЛАПОВ, ЛИТВИНОВ

Сердечно поздравляем. Желаем здоровья, новых творческих успехов.

РЕДАКЦИЯ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» — БАРУЗДИН, ЛАВЛИНСКИЙ, ТЕР-АКОПЯН, ШИЛОВЦЕВА, РУДЕНКО

Без Ваших принципиальных статей, выступлений, трудов в области литературоведения невозможно представить себе литературный процесс в Грузии. Много сделали Вы и для укрепления творческих связей всех литератур народов СССР. Долгих Вам лет труда на nive родной литературы. Ваша преданность ей может служить примером.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Правление и коллектив издательства «Советский писатель» поздравляют Вас со славным семидесятилетием.

ЛЕСЮЧЕВСКИЙ, КАРПОВА, КИРЬЯНОВ, КОНЮХОВА

Желаю моему старому другу, выдающемуся критику, литературоведу, ученому, исследователю крепкого грузинского здоровья, новой энергии в творческих поисках и подлинного вдохновения.

НИКОЛАИ ТИХОНОВ

Шлю самые горячие дружеские поздравления замечательному знатоку советской литературы, верному другу поэзии, человеку, которого мы, русские писатели, любим давно и неизменно.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

С искренней любовью и глубоким уважением поздравляю Вас, дорогой друг. Желаю счастья, здоровья, успехов.

МИКОЛА БАЖАН

Горячо поздравляю с юбилеем. Живите долго, так же красиво и достойно.

ОЛЕСЬ ГОНЧАР

Давнего друга со светлой головой и светлой душой всем сердцем поздравляю. Будь всегда неутомимым, бодрым, сердечным.

ПЕТРУСЬ БРОВКА

საქართველოს
წიგნების კავშირი

Дважды тридцатипятилетнего аксакала грузинской литературы поздравляет многоязычный отряд дагестанских писателей. Обещаем прибыть в Тбилиси на Ваше славное столетие.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Горячо поздравляю с юбилеем, обнимаю неповторимого кавказца Бесо Жгенти. Желаю тебе долгих лет здоровья.

КАИСЫН КУЛИЕВ

Горячо любимый друг, поздравляю от всего сердца. Горжусь дружбой с тобою. Желаю счастья твоему дому и долгих, плодотворных лет.

ИРАКЛИИ АНДРОНИКОВ

Сердечно поздравляю тебя, ветерана грузинской критики, со славным семидесятилетием. Горжусь твоей доблестной биографией. Желаю еще много творческих радостей.

ЛЕОНИД НОВИЧЕНКО

Вся твоя жизнь и творчество — это торжество нашей литературы. Поздравляю и прошу долго быть таким молодым и горячим, как мы тебя знали всегда.

ГЕОРГИИ МДИВАНИ

Приветствую Вас, одного из славных ветеранов советской литературы, талантливое и многостороннее критика, неутомимого общественного деятеля, агитатора и пропагандиста советской литературы.

ГЕОРГИИ ЛОМИДZE

Крупнейший грузинский советский ученый, член-корреспондент Академии наук Союза ССР, академик Академии наук Грузинской ССР, профессор Акакий Гаврилович Шанидзе встретил наступивший 1974 год на пороге 87-го года жизни. Несмотря на столь солидный возраст, маститый ученый продолжает напряженно и плодотворно трудиться.

Выдающийся языковед и руствелолог, один из основоположников высшего образования в Грузии и основателей Тбилисского государственного университета, он ведет многообразную научную работу. Акакий Гаврилович возглавляет кафедру древнегрузинского языка Тбилисского университета, является членом комиссии по установлению академического текста поэмы Ш. Руставели, членом нескольких ученых советов. Он и поныне руководит подготовкой аспирантов и докторантов не только из Грузии, но и зарубежных стран.

Одной из последних работ профессора А. Г. Шанидзе является книга «Грузинский монастырь в Болгарии», рецензию на которую, написанную членом-корреспондентом АН Грузинской ССР профессором Ш. В. Дзидзигури, мы и предлагаем вниманию читателя.

ОЧАГ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ

Книга выдающегося грузинского ученого Акакия Гавриловича Шанидзе «Грузинский монастырь в Болгарии» имеет большое научное значение. Работа эта представляет интерес не только для специалистов в области карвелологии, но и для исследователей Греции и Болгарии эпохи средневековья.

В книге приведен устав Петрицонского грузинского монастыря по древнейшей грузинской рукописи (XIII век) с русским переводом и исследованием на русском языке.

Грузинская редакция этого устава дает возможность с большей уверенностью судить о событиях военной и политической истории Болгарии и Греции второй половины XI века, упоминаемых здесь прямо или косвенно. В этом памятнике содержатся ценнейшие сведения самого разного характера: о местоположении крупных поместий, по-

жертвованных монастырю его основателем, о социальных отношениях и экономической жизни населения Болгарии и Греции и другие. В силу сказанного выше, этот исключительной важности документ, надо полагать, займет свое место среди других документов, касающихся определенного отрезка истории Болгарии и Грузии.

Названное исследование А. Г. Шанидзе удостоено премии имени академика И. А. Джавахишвили, учрежденной Тбилисским университетом за лучшие работы в области карвелологии.

В настоящее время Петрицонский монастырь в Болгарии известен под названием Бачковского монастыря. Он был основан Григорием Вакурианидзе, родом из Южной Грузии, из Тао. Территория Тао в те времена была отторгнута от Грузии и входила в состав Византийской империи, как и Болгария, которую лишил независимости и при-

соединил к своим владениям Василий II. Григорий Бакурианисдзе был известен в Греции (и отсюда — в европейской научной литературе) как Григорий Бакуриани.

Григорий был сыном эристава эриставов Южной Грузии Бакуриани, видимо, из рода Багратионов. Он рано лишился отца, а мать все свои поместья раздала главным образом дочерям. Огромные способности и энергия помогли Григорию и его младшему брату Абазу (Абассу) добиться значительных успехов на византийской государственной службе: особенно это касается Григория, служившего в различных провинциях, входивших в состав Византийской империи: в Грузии, Армении, Сирии, Феодосииполе, Ани, Карсе; затем с востока Византии он перебрался на запад и, наконец, после вступления на престол Алексея Комнина (1081) стал «великим домошником Запада» Византийской империи, т. е. по современной терминологии начальником военного округа Западной (то есть европейской) Византии, иными словами, главнокомандующим. В то время резиденцией его был Адрианополь, но вместе с тем он имел дворец и поместья в окрестностях Филиппополя (современный Пловдив). У него были поместья и укрепленные пункты во многих других местах, между прочим и на берегу Эгейского моря.

Важным моментом деятельности Григория Бакурианисдзе следует считать то обстоятельство, что в Родопских горах (примерно в 10 км от современного Асеновграда) он учредил монастырь для грузин, которых немало было в его войске.

Из построек Григория до нас дошла только одна, в нижнем этаже которой находятся гробницы. Сюда перенес Григорий и останки своего брата Абаза (Аббаса), скончавшегося до постройки монастыря; здесь же впоследствии был похоронен и сам Григорий (1086). Портреты обоих братьев сохранились на стене склепа.

Григорий Бакурианисдзе построил для монастыря больницу и три гостиницы в разных местах, пожертвовал деревни с крепостными крестьянами, города и крепости, пастбища и виноградники, пруд для рыбной ловли, мельницу, таким образом экономически полностью обеспечив монастырь. Кроме того, он пожертвовал ему церковные книги, иконы, кресты, облачения, учредил школу, где шесть молодых людей изучали все необходимое для исполнения церковной службы. Питанием и одеждой учащихся снабжал монастырь. Наиболее достойные из них по окончании учебы становились церковнослужителями.

Грузины долгое время подвизались в этом монастыре. Здесь протекала так-

же и их литературная деятельность. До нас дошла довольно обширная рукопись, переписанная в монастыре. Она датировалась до сих пор XV столетием, но, по-видимому, ее следует датировать 1300—1340 гг.

Сразу же по окончании строительства монастыря, в 1083 году, Григорий Бакурианисдзе дал ему устав, собственноручно подписанный им. Петридонский устав занимает важное место среди уставов, составлявшихся для монастырей в Грузии в предшествовавшие столетия.

Как известно, после распространения и утверждения в Грузии христианства здесь широко развернулось строительство монастырей. Первыми деятелями в этой области были так называемые сирийские святые отцы, прибытые которых в Грузию относится к VI веку.

В грузинских монастырях сосредотачивались писатели, ученые, переводчики, каллиграфы. Здесь писались оригинальные сочинения, выполнялись переводы с иностранных языков, размножались рукописи. С течением времени тут получила развитие разнообразная и содержательная грузинская духовно-церковная литература, был создан целый ряд высокохудожественных памятников. Изучение накопившегося в монастыре культурно-литературного наследия позволяет ясно представить себе значение монастыря как очага древней грузинской письменности. Если добавить к этому то важное обстоятельство, что в более поздние времена в монастыре со всей силой проявилось стремление к культурной жизни, выразившееся в замене простых древних молен величественными архитектурными сооружениями, что в свою очередь способствовало полному проявлению творческого гения грузинских архитекторов, то еще яснее станет значение монастыря как культурно-просветительного очага (здесь уместно будет отослать читателя к фундаментальной работе Л. Менабде «Очаги древнегрузинской письменности», I, II, 1962 г., в которой подробно освещена роль грузинских монастырей в развитии культуры).

Грузинских монастырей было много как в самой Грузии (Шю-Мгвине, Гареджа, Шатберди, Гелати и др.), так и за ее пределами (в Иерусалиме, на Черной Горе, в Греции, на о. Кипр и в других местах). Каждый из них имел свой собственный устав. Изучение этих уставов с культурно-исторической точки зрения имеет огромное значение. Кроме того, весьма велико их чисто лингвистическое значение как древних памятников грузинского языка. Необходимость создания монастырского устава вызывалась, прежде всего, сложной хозяйственной деятельностью, проводимой монастырями, объединявшими

в своих стенах значительное число лиц (в Афонском грузинском монастыре — 300, в Петрицонском — 51 человек и т. д.); монастыри имели свои собственные поместья, которые нуждались в соответствующем уходе (уборка урожая, заработная плата рабочим и др.). Если добавить к этому регулярное исполнение обеден и молитв, поминание строителей и лиц, имевших другие заслуги, прием паломников и всевозможных гостей, лечение больных, уход за престарелыми и другого рода обязанности, станет ясно, что вся эта сложная административно-хозяйственная и духовно-культурная деятельность нуждалась в определенной регламентации и своего рода законодательстве. Именно этим целям и служил монастырский устав.

Единственным монастырским уставом, дошедшим до нас в полном виде, является данный Григорием Бакурианидзе своему монастырю.

Григорий скрепил устав своей подписью. Устав подписан также нерусалимским патриархом Евфимием, который был приглашен царем Алексеем для мирного урегулирования военного конфликта между греками и франками (норманнами) и на обратном пути гостил у Григория в его Филиппопольском дворце. Согласно 24-му пункту устава, грекам было запрещено обособываться в монастыре, кроме одного писаря, который должен был вести переписку с местными властями. Этот пункт был продиктован опасениями Григория, вызванными тем, что греки могут завладеть грузинской обителью. Опасения эти не были безосновательными: как отмечает Шанидзе, греки в дальнейшем постепенно захватили грузинский монастырь.

Устав был написан на двух языках: грузинском и греческом. Греческий текст существовал в двух экземплярах, из которых один хранился в Константинополе, а второй — в монастырском книгохранилище.

В XIX веке, когда Болгария была освобождена от турецкого владычества, грузинский и греческий тексты, хранившиеся в монастыре, исчезли и лишь позднее были обнаружены на о. Хиос в библиотеке имени Кораиса.

В 1888 году жизнью Григория Бакурианидзе заинтересовался исследователь Г. Мусеос, который издал в Лейпциге находившийся в его распоряжении текст устава Петрицонского монастыря, переведенный на новогреческий язык. Благодаря этой публикации монастырская деятельность Григория Бакурианидзе впервые стала известна ученым. Позднее в Бухарестских рукописных коллекциях был обнаружен переписанный в XVIII веке древнегреческий текст устава. В 1904 году его издал

французский ученый Пти (Louis Petit). Именно этот документ и стал объектом изучения русских, болгарских и греческих исследователей.

Сегодня же после публикации исследования А. Шанидзе окончательно восстановлена подлинная история устава грузинского монастыря в Болгарии.

Прежде чем перейти к рассмотрению древнегрузинского текста, позволившего окончательно выяснить этот вопрос, необходимо отметить, что исследователи, касавшиеся ранее вопроса о национальной принадлежности Григория Бакурианидзе, совершенно игнорировали сохранившееся в армянской историографии прямое указание на то, что он был грузином. Мы имеем в виду армянского хронографа Матфея Эдесского, скончавшегося в 1140 году, который совершенно ясно указывает, что Григорий был грузином (Хронография, Вагаршапат, 1898, стр. 148, на армянском языке).

Какие новые материалы были обнаружены о грузинском монастыре в Болгарии?

В 1949 году в Болгарию была направлена экспедиция Академии наук Грузинской ССР в составе А. Шанидзе, Н. Бердзенишвили и О. Гигинейшвили для ознакомления с древностями грузинского монастыря. В Петрицони, между прочим, была найдена грузинская икона, чеканенная в 1311 году; кроме того, в Софийской государственной библиотеке членам экспедиции показали рукопись, которая в печатном каталоге была зарегистрирована как армянская, неизвестного содержания. Каково же было удивление ученых, когда, заглянув в эту рукопись, они увидели, что она представляет собой грузинский текст устава Петрицонского монастыря! Рукопись сравнительно поздняя, скопированная для продажи слово в слово лицом, не владевшим грузинским языком. В ней много ошибок, и все же ее обнаружение следует считать отрядным фактом: она была тогда единственным дошедшим до наших дней вариантом грузинского текста устава Петрицонского монастыря. По этой дефектной рукописи в 1954 году карвелолог М. Тархнишвили издал в Риме грузинский текст, снабдив его латинским переводом.

В этой рукописи не сказано, что устав существовал, помимо греческого и грузинского, и на армянском языке. Микрофильм рукописи был доставлен в Тбилиси. В 1951 году профессор Софийского университета В. Николаев опубликовал исследование, из которых грузинским ученым стало известно, что на о. Хиос хранятся древние рукописи устава на грузинском и греческом языках.

В результате настойчивых усилий А. Г. Шанидзе в Тбилиси были получены фотокопии этих рукописей.

А. Г. Шанидзе передал греческий текст академику С. Каухчишвили, который издал его в 1963 году (Georgica, V, Тбилиси).

Опубликованный недавно труд А. Г. Шанидзе посвящен именно грузинской рукописи устава, хранящейся на о. Хиос. Рукопись эта датируется XIII веком.

Как показал А. Г. Шанидзе, греческий текст в некоторых местах переделан и, следовательно, не мог дойти до нас в первоначальном виде. Так, например, совершенно бесспорно, что встречающееся в грузинском тексте слово «остиган» заменено в греческом тексте армянским словом «танутер» и т. п. (Вопросу об этих изменениях исследователь посвящает в своей книге специальную главу). А. Г. Шанидзе доказал также, что «остиган» и «танутер» не являются синонимами; слово «танутер» в греческом тексте совершенно неуместно, оно не соответствует названию того лица, которому поручалось обеспечение монастырской братии продовольствием. Этим словом обозначалось светское лицо, и оно не могло занимать такой должности в монастыре. Таким образом, в греческом тексте мы имеем дело с позднейшей переработкой. (Еще ранее, в 1970 году, вышла книга А. Г. Шанидзе «Великий домestik Запада Григорий Бакурианидзе и грузинский монастырь, основанный в Болгарии», изд. Тбилисского университета, на русском языке).

Обращают на себя внимание следующие места в тексте устава: «В начале устава Григорий сын эристава эриставов Бакуриана себя называет грузином, происходящим из светлейшего грузинского рода и строящим монастырь для грузин». В других местах устава сказано: «Мы, грузины, народ доблестный, воспитаны по-воински» (Введение, 0. 4); «...Все эти имения, поименно перечисленные выше, я дал вышеупомянутому грузинскому монастырю»

(2,8); «Названия всех поименно перечисленных выше крепостей, селений и поместий, пожертвованных и данных нами святой церкви и грузинскому Петрицонскому монастырю» (2,14); «О родных и родственниках наших и о вассалах наших грузинах, которые будут поступать в монахи» (25); «Монахи моего монастыря родом грузины» (36,3) и т. п.

Устав Петрицонского монастыря представляет собой весьма важный памятник древнегрузинского литературного языка. Лингвистическому анализу этого памятника в работе А. Г. Шанидзе посвящены специальная глава и словарь, отражающий лексическое богатство текста устава.

В приложении к книге читатель познакомится также с замечательным исследованием о грузинских надписях Петрицонского монастыря. Этим надписям посвящена обширная литература. А. Г. Шанидзе основательно исследует этот вопрос и предлагает неопровержимые выводы. Богато иллюстрированная книга снабжена также указателем литературы (на грузинском, русском и иностранных языках) о грузинском монастыре в Болгарии.

Итак, выявление древнего грузинского текста устава и его научный анализ позволили окончательно установить личность основателя Петрицонского монастыря и решить ряд вопросов, связанных с этим древним культурным центром.

Новая книга академика А. Г. Шанидзе проливает свет на весьма важный период культурной жизни грузинского народа в далеком прошлом и со всей ясностью показывает значение грузинского письменного источника для изучения средневековой Греции и Болгарии этого периода.

Шота ДЗИДЗИГУРИ,
член-корреспондент Академии наук
Грузинской ССР, профессор

ПЕРВАЯ КНИГА

В издательстве «Советский писатель» недавно вышла первая книжка стихов Ирэнды Сергеевой «Гость», которую давно ждали любители поэзии. В поэтической антологии современности прибавился еще один голос, который будет услышан.

Круг интересов и пристрастий поэтессы как будто бы не широк: это чтение, искусство, город, люди вокруг.

Географически этот круг расширяется лишь одним названием — Грузия. Но это не просто движение мысли в экзотическом пространстве. Грузия — и тема Ирэнды Сергеевой, и часть ее души, и, может быть, ее поэтическая родина. Под влиянием грузинской поэзии сформировался ее стиль. «Как прекрасна грузинская речь» — начинается одно из стихотворений главного в книге груз-

зинского цикла, логично точно заканчиваясь заклинанием, обращенным к грузинскому языку: «Отрави! И в крови растворись! И в крови моей бродит уже». Восточные ритмы, горланное музыкальное звучание, яркость красок и сдержанность мелодики — много взяла Ирэна Сергеева из прекрасной грузинской поэзии.

Увлеченное занятие переводами современных грузинских поэтов дает ей возможность не только «чужому языку восторженно внимать», но и «растворять его в крови», вбирать его в свой поэтический стиль и свой человеческий опыт.

Очарованность Ирэны Сергеевой Грузией, ее языком, природой, людьми — заражает. Читателю И. Сергеевой наверняка захочется увидеть кахетинца, у которого «нос печален, рот угрюм», крестьянку «с лицом иконным, в вечно траурном платке», спуститься в «подвальные хинкальные», полюбоваться танцами, познакомиться с грузинскими чеканщиками и художниками. Пожалуй, грузинская чеканка и живопись оставили такой же след в стиле Ирэны Сергеевой, как и грузинская поэзия. Может быть, она поняла в них нечто родственное себе, тождественное по манере. Не случайно в книге Ирэны Сергеевой такие стихи, как «Н. Пиромани», «Акзарель Ладо Гуднашвили», посвящения чеканщикам Гурули и Очаури. «Очи дев Очаури». Это строка — не игра слов и ассонансов; а поэтическая находка. На эстетическом восприятии Грузии в поэзии Ирэны Сергеевой естественно возникает тема искусства. В книге соседствуют стихи о Пушкине и Бараташвили, Саят-Нова и декабристах. Четкая изобразительность, живописность, яркость и броскость слова, энергия ритма, даже жесткость и резкость тона — такова Ирэна Сергеева. Никакой мягкости и акварельности красок, к которым мы так привыкли, говоря о «женской поэзии», никаких полутонов, полумаеков. Все определено и резко, страстно и категорично. Это сильный и гордый характер, сильная и гордая поэзия. Она не раскрывает своих душевных ран перед читателем, не занимается поэтическим мазохизмом, столь часто свойственным лирическому самоанализу, не приподнимает интимных завес над собственной душой. Это поэзия самоограничения, внешнего и внутреннего, идущего от характера к стилю, от смысла к форме. Сдержанность, даже поэтический аскетизм рождает в поэзии Ирэны Сергеевой своеобразную адекватную форму лаконичной лирической миниатюры — короткого и яркого стилистически стиха с внутренней пружиной мысли и чувства. Лаконизм — эстетический принцип Ирэны Сергеевой.

Вхожу в Кашветский храм,
Гляжу в святые лица,
Хочу не богу там,
А гению молиться.
Он недоступен мне,
Он далеко, он близко,
Он ходит по земле —
по улицам тбилиским.

Большинство стихотворений Ирэны Сергеевой столь же лаконичны и емки по смыслу.

Естественность и простота — тоже необходимые слагаемые этого стиля. Но простота здесь далеко не синоним примитивности. Это простота скорее вторичная, достигнутая в поисках. Конкретность изображения в лирических миниатюрах поэтессы как бы двумерна. Она одновременно реальна и символична, точна и условна. Внутренний параллелизм конкретно изображенной детали и второго метафорического ее смысла возникает обычно естественно, без назидательности и нарочитости.

Вода в морях всегда горька,
в них нет иной воды,
и я не видела песка,
хранящего следы.

Это стихотворение, проникнутое спокойной печалью, конечно, не о морской воде и песках — о потерях.

Тематический стержень поэзии Ирэны Сергеевой — любовь. Восприятие мира через любовь почти постоянное свойство лирики, если же говорить о поэтессах, то оговорку «почти» можно снять. Любовь была первым непосредственным импульсом поэзии А. Ахматовой, М. Цветаевой. И сейчас, конечно, никто не говорит об их камерности или асоциальности.

Он или Ты в стихах Ирэны Сергеевой — гость, уходящий, теряемый человек. Это любовь не счастливая, не идущая на компромиссы и сделки с гордостью, не признающая самопожертвования. Это любовь равных. Собственное достоинство, спокойное самообладание не выдает страдания. Оно не в крике, а в спокойном жесте.

Просто, естественно, только для постороннего взгляда бесстрастно — «ты не в обиде — я не в долгу».

Вспоминается ранняя Белла Ахмадулина: «Как же все напрасно, как же все нелепо, тебе идти направо, мне идти налево». За изысканностью примитива — совершенно четкая интонация морального превосходства. Она легко угадывается в лирических поэмах строчках Ирэны Сергеевой.

Мы в глаза друг другу глядим —
он смеется,
От меня лишь пепел и дым
остается,

Навсегда покинет мой дом,
не вернется,
От него лишь пепел да дым
остается.

Боль невысказанная, скрытая, чувств-
во сильное, даже мстительное прячется
за этими строчками. Каждая вторая ко-
роткая строка подводит черту чему-то
важному в жизни, зачеркивает то, что
было. Это чередование строк нагнетает
ощущение разрыва как вспышки стра-
стей, прячущихся за внешней холод-
ностью. Спокойствие, сдержанность, са-
мообладание рождает в поэзии Ирэны
Сергеевой часто повторяющийся образ
снега. Он логичен как внутренняя ан-
титеза тбилисской пламенности. «Он
мне в сердце залетает и не тает».

Грузия и Ленинград для Ирэны Сер-
геевой — зима и лето не только в их
реальном значении, но и в символике
этих понятий. Хотя трудно сказать,
что ей более необходимо.

Это терем или тюрьма?
Если терем, то мало света,
Это лето или зима?
Очень холодно, если лето.
Это верность или любовь?
Это ревность.

Причудливость строения стиха, его
размера и ритма напоминает горную
тропу с уступами и крутыми спусками,
с неожиданными поворотами и обрыва-
ми. При этой частой внутренней сло-
манности стихи Ирэны Сергеевой очень
музыкальны, иногда прямо песенны.
Они полны внутренних рифм, мелодич-
ности фонетической и композиционной.

Тень от решетки канала
ложится на лед канала.
Кажется, доконала
меня зима.
То ли я старой стала
и от любви устала,
то ли я перестала
любить сама.

Как взаимосвязаны здесь внутрен-
ние образы поэзии Ирэны Сергеевой —
любовь-зима!

Чувство музыкальной и смысловой
полифонии слова свойственно лучшим
стихам Ирэны Сергеевой. Оно рождает
такие строки, полные внутренней риф-
мы и мелодики:

Уже столичный город засыпал.
Разноязычный говор затихал.

Или стихи о шарманке, построенные
на сдержанной экспрессии, на синтак-
сическом параллелизме и одновремен-
но смысловом контрасте.

Я буду слушать. Ты крути.
Я заплачу. А ты отплатишь.
Я остаюсь. А ты уйди,
Я засмеюсь. А ты заплачешь.

Лаконичное расходование слов и
чувств рождает психологический под-
текст или, если считать, что это слово
себя скомпрометировало, многое оста-
вляет за строкой.

Недостатки в книге И. Сергеевой,
конечно же, есть. И они трафаретны,
как в большинстве талантливых пер-
вых книг.

Не свойственны манере поэтессы
свободные стихи. Их мало, но они для
Ирэны Сергеевой — обязательная про-
ба пера, расслабляющая при общей
собранности и энергии ритма.

Ирэна Сергеева изменяет себе, ко-
гда внутренняя символичность ее обра-
зов лишается конкретной основы и
подменяется абстрактной символикой:
«А за иными (дверьми. — С. А.) кто-то
плакал, все безутешней, все сильней».

Современное искусство не любит
драпировок и прикрас. Оно хочет быть
тем, что оно есть. Молодой талантлив-
ый актер даже в Гамлете видит ис-
терзанного сомнениями человека сегод-
няшнего дня. Непосредственность, есте-
ственность проявления личности при
условии самобытности и богатства этой
личности — вероятно, основной крите-
рий ценности сегодняшнего искусства,
литературы, поэзии. Поэзия Ирэны
Сергеевой при профессиональном уров-
не мастерства выдерживает проверку и
этим критерием.

Светлана АРРО

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა